

УДК 330.101:316
ББК 60.5 Р76

Авторский коллектив

В. А. Артемов, О. Э. Бессонова, С. В. Братоценко, М. И. Гаськова, Г. П. Геоздева, Е. С. Геоздева, С. А. Ермаханова, З. И. Калугина, В. Ю. Колбárov, Л. В. Корель, П. Е. Лаврусевич, А. Р. Михеева, О. В. Новохацкая, И. В. Октябрьская, С. Г. Саблина, Н. Е. Смирнова, С. В. Соболева, В. С. Тапилина, О. П. Фадеева, И. И. Харченко, Т. Ю. Черкашина, О. В. Чудаева

РФФИ

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (РФФИ), грант № 08-06-07027, и Президиума
Сибирского отделения РАН*

Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина, О. Э. Бессонова ; Рос. акад. наук, Сиб. отделение, Ин-т экономики и организации промышленного производства. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. — 748 с.

Коллективная монография, являющаяся продолжением цикла работ Новосибирской экономико-социологической школы, содержит новые теоретические представления и эмпирические референты социетальных сдвигов современного российского общества. В ней представлены оригинальные варианты объяснения российской реальности и обоснования горизонтов развития России с позиции общей теории институциональных трансформаций, модернизации и адаптации социальных систем. Дается оценка человеческого потенциала россиян как приоритетного ресурса и основного критерия развития общества; рассматриваются проблемы и результаты «капитализации» человеческого потенциала; выявляются угрозы и риски человеческого развития, связанные с наркотизацией, алкоголизацией, детской безнадзорностью, депривацией и депопуляцией населения; обосновывается новый курс социальной и демографической политики.

Книга адресована научным, деловым, административным кругам, студенчеству и всем интересующимся судьбами России.

A joint monograph, continuing a cycle of the works of the Novosibirsk school of economy and sociology, contains the novel theoretical concepts and empiric reviews of the societal shifts in the present Russian society. It reports the original variants explaining the Russian reality and substantiating the horizons of the development of Russia from a position of the general theory of institutional transformations, the modernization and adaptation of social systems. Human potential of the Russians is assessed as the main resource and criterion for social development. The problems and results of human potential "capitalization" are considered. The threats and risks of human development related to narcotization, alcoholization, child neglect, deprivation and depopulation are revealed. A new course of social and demographic policy is substantiated.

The book is intended for scientific, business, and administrative circles, students and those interested in the fortunes of Russia.

Рецензенты: доктор экономических наук Р. А. Гусейнов,
доктор экономических наук Г. А. Унтура, доктор
экономических наук А. С. Новоселов

Утверждено к печати Ученым советом Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

УДК 330.101:316
ББК 60.5

© Коллектив авторов, 2008 ISBN 978-5-7692-1006-8

© ИЭОПП СО РАН, 2008

© Оформление. Издательство СО РАН, 2008

РАЗДЕЛ II

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, МОДЕРНИЗАЦИЯ И АДАПТАЦИЯ В ОБНОВЛЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

- ГЛАВА 4. Эволюция, структуры сознания и матрицы развития
в современных науках о человеке и обществе
- ГЛАВА 5. Российский модернизационный проект и адаптация:
потенциал роста и пределы созидания
- ГЛАВА 6. Адаптация в меняющемся мире: от традиции к рациональности
- ГЛАВА 7. Адаптивные механизмы социальных систем:
особенности строения и спецификация
- ГЛАВА 8. Модернизация общества в зеркале субэлит:
противостояние взглядов, суждений, позиций
- ГЛАВА 9. Социокультурные факторы модернизации: традиции и
инновации, самобытность и универсальность
- ГЛАВА 10. Механизм отчуждения от духовности
в модернизирующемся российском обществе

ГЛАВА 4

Эволюция, структуры сознания и матрицы развития в современных науках о человеке и обществе

Рассмотрим в рамках некоторых предложенных на сегодняшний момент интегральных, или холистических, подходов классификации существующих мировоззрений, которые наиболее насущны для человека на определенном этапе развития, и попытаемся показать, как они могут быть применены⁴ к изучению современной российской общественной жизни. Российское общество претерпело кардинальные изменения всей политической системы, в нем происходит поиск новых путей интеграции, формируются определяющие ценности и идеология, которая могла бы лечь в основу общества, став основным его скрепляющим элементом, и анализируемые ниже подходы дают блестящие возможности для такого поиска.

Актуальность данной темы с чисто научной, академической точки зрения обусловлена формированием новой холистической постнеклассической парадигмы в области наук о человеке и обществе⁵. Холистическая концепция мира (в отличие от редукционистской) долгое время была вне классической науки. В области социальных наук с XVII по первую половину XX в. доминировали школы материализма, бихевиоризма, позитивизма и естественнонаучный метод, для которых, упрощенно выражаясь, «научно» значимыми являлись только «материальные» факты, поддающиеся эмпирической проверке. Душа и ценности

4 Причина, по которой мы предпочитаем в данном случае употребить формулировку «попытаемся», заключается в том, что для серьезного изучения данного вопроса требуется, на наш взгляд, проведение репрезентативного эмпирического обследования на основе методологии интегральных подходов, рассматриваемых ниже (в частности, используя теорию Д. Бека). Это — дело будущего. В настоящей же работе сделан лишь шаг в обосновании значимости и изложении ключевых принципов некоторых подходов в применении к современной действительности.

5 Холон по-гречески означает целое. Уилбер определяет его как то, что является целым на одной стадии и становится частью объемлющего целого на следующей (например, клетка и организм) [Уилбер, 2004]. Постнеклассика избирает своим объектом «исторически развивающиеся системы с включенным в нее человеком» (см. [Степин, 2001]. Цит. по [Тарасевич, 2004. С. 110]). «Человек интегрирован в подобную систему *не* фрагментарно, как, например, homo oeconomicus, а тотально и непрерывно-бесконечно...» [Там же]. Более подробно данный вопрос раскрыт в статье [Гаськова, 2005].

человека являлись некими иллюзорными фантомами, не достойными серьезного внимания. Именно тогда была также заложена дуалистичность мышления (субъект—объект, душа—тело и пр.). Школы же совершенно иного направления (феноменология, гуманистическая психология, экзистенциализм и пр.) отстаивали значимость жизненного мира человека, что было одним из шагов в формировании обсуждаемых в статье подходов. А в области физики толчком для развития холистической парадигмы послужили открытия квантовой механики, где «каждая частица обладает абсолютной “свободой воли”»; ансамбль квантовых частиц уже образует вполне закономерное пространственно-временное целое». Причем, стоит подчеркнуть, что картина мира без учета сознания не получает цельного, холистического выражения [Швебс, 1998. С. 3].

Данные изменения в науке не обходят стороной и Россию, что представляется особенно значимым, так как социальные и гуманитарные науки в нашей стране в течение XX в. находились под жестким идеологическим прессингом; у ученых не было возможности взаимодействовать с коллегами из-за рубежа, получать доступ к последним исследованиям. Сегодня, тем не менее, можно говорить о больших изменениях, касающихся открытости научного сообщества. Интегральные подходы разрабатываются в некоторых научных школах России, что видно из нижеприведенной табл. 4.1. В данной таблице систематизированы существующие на сегодня интегральные подходы, большая часть из которых разрабатывается в последние десятилетия.

Интегральные подходы

Таблица 4.1

Школа/теория	Представитель	Основные положения
1	2	3
1. Голографическая концепция	Д. Бом	«Мир структурирован аналогично голограмме, особенность которой в способности каждой точки содержать в себе все изображение». Сознание — неотъемлемый ее компонент. Материя и сознание — взаимосвязанные проекции более высокой реальности, не являющейся в чистом виде ни материей, ни сознанием [Черникова, 1999. С. 31]
2. Концепция глобального эволюционизма	Э. Янч	Мир — самоорганизующийся процесс эволюции, включающий сознание человека, ответственного за эволюцию

Продолжение табл. 4.1

1	2	3
3. Синергетика	Социосинергетика (Е. Н. Князева, Е. Я. Режабек, В. П. Бранский); синергетика истории (С. Гомаюнов); синергетика культуры (М. С. Каган); холистско-эмерджентная или синергетически-эволюционная теория (В. Аршинов, В. Буданов, А. Суханов и др.)	Основана на естественнонаучном знании, вовлекающем идеи физики, химии, биологии, математики и пр. Стремится к синтезу науки, философии и религии. Фокусируется на изучении процессов самоорганизации сложных систем и использовании «модели саморазвития человека в самоорганизующемся мире» [Василькова, 1999. С. 52]
4. Парадигма предписывающего действия познания (enactive paradigm of cognition. Перевод наш. — М. Г.)	Ф. Варела	Исследовательский акцент — на развитии биологических и социальных систем. Биологическая модель развития системы как организма. Организм воспринимается одновременно как формирующий и формируемый окружающей средой. Стремление к синтезу науки и ежедневного непосредственного опыта (в феноменологии называемого жизненным миром). Ключевым аспектом является идея о фундаментальной взаимообусловленности двух вышеперечисленных частей
5. Многомерная социология	Дж. Александер	Интеграция «коллективистского» (системного) подхода с микросоциологическим исследованием мотиваций. Выделение индивидуального (микроуровень) и коллективного (макроуровень), а также материального (объективного) и идеального (субъективного) уровней при анализе социальной реальности. Александером предпочтению, тем не менее, отдается макроподходу
6. Интегральная модель социальной реальности	Дж. Ритцер	Выделение и интеграция четырех уровней социальной реальности: макрообъективного, макросубъективного, микрообъективного и микро-субъективного

Продолжение табл. 4.1

1	2	3
7. Интегративная* теория «социального действия и социальных систем»**	Ю. Хабермас	Акцентирует дифференциацию между «жизненным миром» и социальными системами и подсистемами [Социология, 1996]. На гносеологическом уровне — стремление связать теорию действия и теорию систем, а на онтологическом — обосновать связь между жизненным миром и социальной системой
8. Интегральная социология	П. Сорокин	Гипотеза о формировании в настоящее время интегральной теории познания (интегрирующей науку, религию и изящные искусства) и интегрального социокультурного строя; формулирование интегральной теории человеческой личности
9. Универсумная социология	В. Г. Немировский	Предмет исследования — «эволюционирующий посредством человека социум в единстве его природных, социальных, духовных связей и проявлений, относящихся как к объективной реальности (внешнему миру), так и реальности субъективной (внутреннему миру, микрокосму)» [Немировский и др., 2003. С. 63]. Стремится к синтезу естественнонаучного, социогуманитарного знания и идей, заложенных в различных религиозных системах. Признание общества (социальной реальности) неотъемлемой частью высокоорганизованной Вселенной
10. Русская философия русский космизм русская философия Серебряного века учение о «живой этике»	В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, А. Чижевский А. С. Хомяков, В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, И. А. Ильин и др. Н. К. Рерих	Человек — микрокосм в мире макрокосма. Понимание природы как единой, живой, активной сущности. Несводимость природы ни к материи, ни к энергии Помимо прочих идей, разработанные концепции «целостного разума» (синтеза веры и рассудка) и «цельного знания» (сочетание эмпирического, рационального и мистического видов познания) Понимание человека как неразрывно взаимосвязанного с планетой и космосом

Продолжение табл. 4.1

1	2	3
11. Даосизм		Основополагающая идея о недualности и целостности мира и жизненных феноменов
12. Глубинная экология	Т. Роззак и др.	«Покоится на интуитивном схватывании целостности мира, ориентирует на развитие человеческой чувствительности через сознательную трансформацию сознания» [Черникова, 1999. С. 32]
13. Ноосферная наука	И. В. Черникова, В. И. Кабрин и др.	Интегрирует различные аспекты (психологический, научный, философский, экологический, этический) системы человек—природа. Использует системный и исторический методы. «Концепция, в которой находит отражение единство мира и человека, природа понимается как самоорганизующаяся целостность» [Черникова, 1999. С. 27]
14. Гуманистическая психология	А. Маслоу	Понятие целостной личности, сформулированное на основе разработанной «пирамиды» человеческих потребностей. Уделение особого внимания «даоистическому» пониманию объективности и холистическому методу в науке, интегрирующему чувственный, абстрактный и вербальный аспекты человеческой деятельности
15. Интегральная парадигма	Ж. Гейсер	Уделение особого внимания «интегральному» уровню индивидуального и общественного сознания, формирующемуся, согласно гипотезе автора, в настоящее время. Привлечение данных из области точных, естественных наук, из религии, философии и пр.
16. Аналитическая психология (послужившая также фундаментом для более позднего формирования трансперсональной психологии)	К. Г. Юнг	Идея архетипа («предсуществующей формы») в бессознательном психики, с помощью которого проявляется, помимо прочего, общность человечества, целостность мира; гипотеза о «синхроничности» сознания и материи (психического и физического). Человек, воспринимаемый как микрокосм

Окончание табл. 4.1

1	2	3
17. Трансперсональная психология***	С. Гроф Е. А. Торчинов К. Уилбер Р. Уолш и др.	Исследование трансперсонального опыта с помощью холотропного дыхания и ЛСД-терапии Обоснование необходимости дополнения традиционного социологического подхода к религии трансперсональным и осуществление этого с помощью историко-культурологического анализа традиционных религий Интеграция трансперсональных исследований с точными науками и науками о человеке и обществе, а также с религией, искусством и др.

* К так называемым интегративным теориям в социологии, получившим особое развитие в последние десятилетия XX в., относят также теории Э. Гидденса, Р. Коллинза, М. Хетчера, Б. Хиндеса, Р. Эмерсона, Р. Берта, Р. Будона и др. К интегративной социологической парадигме относят и работы К. Маркса. Однако, мы не включили их в данную таблицу. Во-первых, потому, что это макроподходы, игнорирующие «человека нозтического», духовную его составляющую. Во-вторых, в них нет четко выраженного стремления включить в объект исследования бессознательный, «иррациональный» пласты психики человека и интегрировать ненаучное знание с позитивистской наукой. В них также нечетко прослеживается идея целостности Универсума, единства мира и человека. (Вышеперечисленное, однако, не относится к теории П. Сорокина.) Однако, мы считаем правомерной точку зрения, что проблема микро- и макроинтеграции играет важную роль в современной социологии, и ее решение, возможно, будет означать переход к качественно новому уровню социологии [Социология, 1996. С. 41]. Что касается подхода К. Маркса, то его опора на материалистическую философию, исторический и экономический детерминизм подверглись пересмотру в современной постнеклассической науке.

** Вышеперечисленные теории (1—7), на наш взгляд, «тяготеют» к макроподходам, а теории и школы 11—17 — к микро. Однако, данное разграничение весьма условно, так как холистические подходы по своей сути подразумевают интеграцию «внутреннего» с «внешним».

*** Перечисленные подходы объединены исследованием трансперсонального (глубинного духовного) опыта. Трансперсональный опыт — это переживания, в которых чувство самодостаточности выходит за пределы индивидуальной самости, «охватывая все человечество в целом, жизнь, дух и космос» [Козлов, Майков, 2000. С. 7]. (Однако, стоит отметить, что, к примеру, К. Уилбер не согласен с некоторыми положениями С. Грофа, т. е. в данной научной школе нет единства и полного согласия.)

В более практической сфере рассмотренные более детально ниже и сравнительно новые теоретические подходы Д. Бека, Ж. Гибсера, К. Уилбера могут быть использованы при формировании модели управления в любом общественном институте и организации, а также в процессе разрешения конфликтов, что крайне важно в нестабильных, кризисных ситуациях и многонациональных типах обществ. С мировоз-

зренческой точки зрения хотелось бы подчеркнуть, что обсуждаемые подходы менее всего заинтересованы в объяснении, скажем, каких-либо манипулятивных приемов по отношению к работнику, а в первую очередь акцентируют определяющую значимость человеческого фактора и гуманизма.

Среди самих холистических подходов, несомненно, имеются определенные различия. Те из них, которые являются объектом нашего исследования, стремятся изучать человека в его целостности, учитывая как его внутренний мир, сознание, так и то, как оно проявляется и взаимосвязано с его физиологией, а также с культурой, социальной структурой и материально-технической базой⁷ в развитии общества, — в этом и заключается их принцип холизма.

Причем такие рассматриваемые ниже исследователи, как Г. Бек, Ж. Гебсер, К. Уилбер и др., выдвинули гипотезу не только о тесной взаимозависимости перечисленных аспектов жизни человека и общества, но и об универсальной последовательности определенных этапов в развитии (больше фокусируясь на развитии сознания). Важно, что гипотеза основана на большом массиве не только теоретических, но и эмпирических данных. Также вышеупомянутые ученые постулируют появление на современном этапе человеческого развития новой стадии, называемой Ж. Гебсером «интегрально-аперспективной»⁸, Д. Бекон — интегративной, а К. Уилбером и П. Сорокиным — интегральной.

Обращение к современным интегральным, холистическим подходам имеет двоякое значение. Во-первых, данные теории (за некоторыми исключениями) являются практически не известными российскому читателю, так как сформировались в последние десятилетия и являются ча-

⁷ И именно в необходимости отслеживания изменений, происходящих в каждой из этих областей, и их корреляции друг с другом видит такой исследователь, как, к примеру, К. Уилбер, ключевую составляющую своего интегрального подхода. В этом состоит его отличие от редукционистских подходов, в которых поведение человека сводится к стимулу и реакции (бихевиоризм). «Редукционизм проявляется прежде всего в стремлении представить эволюционно высшие процессы по аналогии с эволюционно низшими, свести законы жизни человеческого общества к законам природы, человеческую жизнь — к функциям выживания, а **человеческую личность — к одностороннему экономическому человеку** (Выделено нами. — *М. Г.*)» [Тарасевич, 2004. С. 108]. Сегодня также можно говорить о развитии **универсальной экономики**, «синтетическом» направлении в фундаментальной экономической науке, в которой акцент делается на междисциплинарных исследованиях. В постнеклассической парадигме, формирующейся в последнее время, «экономическая синергетика» могла бы стать теорией и методологией экономики, объектом изучения которой является «экономика как сложная самоорганизующаяся человекообразная система в контексте эволюции интеграционных и универсальных систем» [Там же. С. 116].

⁸ То есть учитывающей более одной перспективы.

стью новой, формирующейся парадигмы знания. Во-вторых, в связи с кардинальной трансформацией политической системы, образованием рыночной экономики в России сформировалась практика предпринимательской деятельности. Зачастую, однако, собственники и руководители предприятий не осознают и не учитывают значимость человеческого фактора, не воспринимают человека как ключевой ресурс, а иногда и злоупотребляют своей властью. Это проявляется в том, что сегодня в России широко распространены нарушения трудового законодательства: к примеру, работникам частных предприятий не предоставляются ежегодные отпуска, не осуществляются налоговые выплаты в пенсионный фонд и не оплачиваются больничные листы. Не продуманы система поощрений в коллективе и стиль взаимоотношений (авторитарный тип управления в компании в противоположность демократическому, в котором принятие решения делегируется работнику). При приеме на работу предъявляются требования (в отношении пола, возраста и пр.), которые считаются дискриминационными. Рассматриваемые ниже подходы позволяют обратиться к сознанию и потребностям человека, ключевым факторам его деятельности в обществе. К примеру, подход Д. Бека, учитывающий сознание и потребности человека, используется сегодня в мире на предприятиях в сфере управления человеческими ресурсами.

Сегодня многими мыслящими людьми признается, что в основе разрушения советской системы «лежала неадекватно низкая оценка роли человеческого фактора общественного развития» [Заславская, 2004. С. 9]. «Характерная для современного мира тенденция к информатизации и интеллектуализации экономики и общества означала серьезное повышение роли личности в общественном развитии. В советском же обществе статус человека был низведен до ничтожной частички громадных “трудовых ресурсов” государства» [Там же]. Однако, признавая данный факт, авторам не всегда удается отойти от марксистско-ленинских постулатов и от поиска исключительно экономических детерминант в анализе общественной жизни (данные аспекты являются крайне значимыми, но не единственно важными).

Несмотря на некоторые существующие различия в названии этапов развития сознания и детали в их интерпретации, вышеперечисленные авторы, как и некоторые другие (как, например, Р. Белла и не менее десятка других), несомненно, имеют много общего и создают у читателя некое согласованное представление об общей картине развития. Можно сказать, уровни развития в работах анализируемых авторов трансформируются, начиная с тех, на которых (пользуясь терминологией А. Маслоу) человек фокусируется преимущественно на удовлетворении базовых потребностей с ярко проявленными инстинктами выживания, через уровень «развитого эгоизма», индивидуализма и рационализма к интегральному уровню. На последних уровнях в человеке ярче проявлено стремление к заботе об окружающем мире, к воплощению в жизнь чувства любви, заботы, к самореализации. Причем интересно отметить тот факт, что данные исследователи утверждают и доказывают на основе многочисленных эмпирических исследований, что сознание и по-

требности человека развиваются строго по траектории от материалистических к «идеальным» и, наконец, к интегральным, и их невозможно обойти. Т также в анализируемых подходах показано, что чем дальше человек продвинулся в своем развитии, тем шире становится круг людей, которых он воспринимает «своими». Для человека, реализовавшего высшие потребности, такие люди включают в себя не только близких родственников и даже не соотечественников, но жителей иных стран и континентов.

Стоит подчеркнуть, что все структуры сознания одновременно присутствуют в современном человеке. Только те из них, которые являются сбалансированными и зрелыми, могут влиять на интеграцию, формирование целостности в человеке и обществе. Кроме того, необходимо отметить, что на уровне индивидуального сознания в разных ситуациях в человеке активизируется одна из этих стадий; средний уровень развития сознания в определенном обществе может не совпадать со стадией, на которой функционируют отдельные его индивиды. Стадии не «лучше» или «хуже» одна другой: они все необходимы, и без возникновения и развития более ранних не было бы последующих; они также не являются инструментом для измерения интеллекта или морального развития, поскольку на каждой стадии индивиды способны совершать зло и добро. Необходимо также отметить, что на каждом уровне присутствуют разные методы познания.

Этапы развития сознания в интегральных подходах. Теория Жана Гибсера

Швейцарский философ, лингвист и поэт Жан Гибсер (1929— 1973) — один из основателей интегральной парадигмы. Он повлиял на научное мышление последующих поколений ученых, работающих в рамках данного направления исследований. В своих трудах он обращается к фактам из области естественных наук, физики, философии, религии, архитектуры, музыки и других областей человеческой культуры.

По Гибсеру, развитие человеческого сознания проходит пять стадий — архаическую, магическую, мифическую, рациональную и интегральную, причем переходы от одной к другой происходили (и происходят) скачкообразно, а не последовательно. Стадии развития зачастую коррелируют с индивидуальным развитием человека, его самости, эго, его личности. Эти этапы трансформации включают в себя структурные изменения как в разуме, так и в теле человека. Гибсер отмечает, что различные структуры сознания проявляются также в том, как человек в этот период понимает пространство и время.

Ученый выделяет следующие структуры в развитии сознания человека:

1. *Архаическая* структура (сформировалась приблизительно 200 тыс. лет назад и присутствует в сознании каждого современного человека).

Сознание на данном этапе еще не является таковым в современном понимании данного термина. В широком смысле слова его следует интерпретировать как «бодствующее присутствие» [Gebser, 1986. P. 42. Перевод наш. — М. Г.]. Сознание достаточно недифференцированно; оно просто присутствует в происходящем вокруг. (Сегодня данная стадия, вероятно, наиболее всего выражена у маленьких детей.)

2. *Магическая* структура (сформировалась приблизительно от 200 тыс. до 50 тыс. лет назад). Эта стадия характеризуется пятью основными характеристиками [Mahood, 2006]: отсутствием сформировавшегося эго; вневременностью и внепространственностью; унитарным миром; слитностью человека с природой; его магической реакцией на мир. «Магическая структура является наиболее жизнеспособной и насыщенной эмоционально по сравнению с другими. И, так как мы живем в крайне нестабильное время, характеризующееся в некоторых случаях катастрофами глобального уровня, именно в подобные периоды эмоции всплывают на поверхность сознания, активизируя магические пласты психики» [Mahood, 2006. Перевод наш. — М. Г.]. Данный процесс особенно характерен для современной России, которая не только является частью глобальных изменений (и переживает проблемы глобального характера), но и проходит трансформацию, затронувшую каждый аспект жизни человека. Сегодня можно отметить тот факт, что в определенной степени происходит активизация магического сознания во многих странах мира: к примеру, распространяются оккультные и подобные им движения; в обыденном сознании человека присутствует вера в магические ритуалы и заклинания. В России удельный вес в населении тех, кто верит в Бога, резко выше удельного веса тех, кто верит непосредственно в различные идеи и догматы, в православном и общехристианском учении неразрывно связанные с верой в Бога (в загробную жизнь, существование дьявола, в ад, в рай и пр.). Еще одна черта религиозности в России, согласно выводам исследователей, — это очень широкое распространение разных «парарелигиозных» идей (переселение душ, магия, колдовство и пр.), вера в которые в настоящее время более распространена, чем вера в основные элементы христианского вероучения. Причем интересно, что человек может одновременно называть себя православным христианином и верить, скажем, в действенность астрологии или переселение душ [Старые церкви, 2000. С. 17].

А по мнению Александра Меня [2003. С. 71], глубокого религиозного мыслителя нашего времени, именно магическое мировоззрение является основой для тенденции к обожествлению определенного и зачастую не самого достойного человека, формированию культа личности, что нашло свое выражение, в частности, в культе личности Сталина. «Есть основания думать, что этому культу предшествовали первобытные формы власти, опиравшиеся на магию, на магизм как систему взглядов. Магизм исходил из убеждения, что существует извечный космический порядок, которому человек должен подчиняться и на который он все же

способен влиять с помощью магических обрядов». В такой системе особой властью обладает человек, умеющий принудить космические силы служить своим корыстным интересам. Это вера в то, что особые силы и полномочия принадлежат каким-либо предметам внешней среды или особым людям.

Контент-анализ стихотворений, воспевающих Сталина, а также биографических источников и материалов, проведенный психологом Л. Н. Джрнзяном, позволил автору сделать вывод, что в описаниях руководителя страны прослеживается вера в сверхъестественные связи между естественными явлениями и в реальное бытие сверхъестественного существа (Сталина) [Немировский и др., 2003. С. 325].

3. *Мифическая* структура (сформировалась от 50 тыс. до 1 тыс. до н. э.). Мифы/мифологемы являются основной формой выражения данной структуры сознания, характеризующейся распространением мистерий и верой в различных богов-покровителей. Одним из самых ярких примеров может послужить Египетская цивилизация с бесчисленным пантеоном богов [Feuerstein, 1987. P. 75. Перевод наш. — М. Г.]. А в России сегодня, к примеру, популярен клуб фанатов американского мультфильма «Король Лев» и другие группы подобного рода, которые привлекают людей не только подросткового возраста, но и вполне зрелых. Стоит отметить, что мифами наполнена жизнь любого общества: в Советском Союзе, к примеру, был распространен миф о построении «светлого будущего», в то время как реальный, «материальный» уровень жизни населения был крайне низкий.

4. *Ментальная* (mental) структура. Стадия 1 — эпоха господства философии и теологии. Стадия 2 — развитие науки и перспективного мышления. С помощью развивающегося абстрактного мышления и систематизации знания, становящихся постепенно доминирующими и наиболее значимыми на ментальной стадии, человек использует свой разум, чтобы завоевать окружающий мир и стать его хозяином. В религии догма заменяет символы предыдущего времени. Метод заменяет мистерии вместе с растущим желанием человека к исследованию. Эго человека уже развито в полной форме. Недостатки данного этапа — одиночество, изолированность, отчуждение человека. Основной тезис Гегсера: стресс и хаос в Европе с 1914 по 1945 г. были не чем иным, как симптомами конца эффективности данной структуры сознания — именно метафизические предпосылки рационализма с необходимостью привели к данному результату. «Свободная от ценностей» онтология, такая как материализм, ведет в итоге к жизни без ценностей», — говорит Гегсер [2005. Перевод наш. — М. Г.]. Данный этап в развитии характерен дуалистическим мышлением (тело—разум, субъект—объект, материальное—идеальное). В философии определяющее значение приобретают рационализм и приверженность разуму. То, что человек может сделать, становится более значимым, чем то, что он открывает с помощью созерцания и взгляда внутрь себя. Технологические изобретения, до определенной

степени облегчив жизнь человека, создают одновременно с этим серьезные проблемы. Маслоу отстаивал совершенно идентичную точку зрения. Индивид, у которого доминирующей является рациональная структура, подавляет все остальные структуры, которые рассматриваются им как иррациональные и поэтому несущественные [Там же].

Данной стадии, по всей видимости, соответствуют период индустриализации (в частности, в СССР), индустриальное общество, эпоха модерна, позитивистское направление в науке.

5. *Интегральная* (integral) стадия. Гейсер предполагал, что человечество находится на пороге нового этапа мышления, названного им интегральным. Данная структура интегрирует все предыдущие, и только она обладает данной способностью. Идеи «арациональности» (в противоположность рациональности), «аперспективности» (в противоположность одной существующей перспективе мышления, или «узкой щели», сквозь которую интерпретируется реальность), а также «диафании»⁹ (отчетливого признания целого, а не только его частей) являются важными характеристиками данного этапа [Уилбер, 2004]. Именно эта структура сознания даст нам возможность преодолеть дуализм ментальной структуры. Интегральная структура сознания, переход к которой переживает человечество, требует новых возможностей, новых процессов развития и новых методов [Там же].

Говоря о развитии данной структуры сознания (так же как и о соответствии данному ей определенному типу социокультурного строя), хотелось бы в данном случае вспомнить идеи социолога П. Сорокина, очень перекликающиеся с мыслями рассматриваемых ученых. Сорокин также развивал идеи интегральной культуры и интегрального типа сознания (разработанные им на основе анализа большого количества статистического материала в книгах «Социокультурная динамика», «Главные тенденции нашего времени» и др.).

Сегодня, по мнению Сорокина, человечество переживает кризис чувственной культуры во всех сферах общественной и индивидуальной жизни и формирование интегральной культуры. Этот процесс происходит во всех сферах социальной жизни и культуры — в науке, философии, религии, искусстве, политике, экономике, и в душе человека. Основной принцип интегральной культуры гласит, что истинной реальностью-ценностью является Бесконечное Многообразие, которое имеет сверхчувственные, рациональные и чувственные формы, не отделимые одна от другой. Социолог обращает внимание как на эмпирические, так и на сверхэмпирические аспекты истинной реальности-ценности. «А в биологических, психологических и социальных науках в противоположность устаревшим, хотя еще и используемым, клише механистической, материалистической и детерминистской биологии, психологии и

9 Diaphany.

социологии, восходящие значительные теории в этих дисциплинах ясно

показывают, что *феномены жизни, организм, личность, разум и социокультурные процессы не редуцируемы и не могут быть поняты как чисто материалистические, механистические и чувственно воспринимаемые реальности. Согласно этим теориям, они имеют, кроме своего эмпирического аспекта, гораздо более важные рациональные и даже сверхчувственные и сверхрациональные аспекты (Курсив наш. — М. Г.)*» [Сорокин, 1997. С. 32].

Помимо прочих факторов, в пользу данной тенденции говорят, по мнению П. Сорокина, разрастание социальных институтов «семейного» типа, таких как Общество братьев, гуттериты, меннониты и пр.; формы возрастающего социального сотрудничества, услуг и взаимопомощи в больших и малых городах и деревнях. Возникающий строй также предполагает перемены во властных организациях.

«Новый нарождающийся социокультурный строй обещает обеспечить добровольное объединение религии, философии, науки, этики и изящных искусств в одну интегрированную систему высших ценностей Истины, Добра и Красоты. Такое объединение означает конец разделения и конфликта науки, религии и изящных искусств, характерных для эпохи чувственного строя» [Там же. С. 86]. В основании нового социополитического строя будут лежать современное научное знание и аккумулярованная мудрость человечества, считал П. Сорокин [1997. С. 75]. Данная идея является одной из ключевых для интегральных подходов (см. табл. 4.1). В частности, А. Маслоу [1997] призывал экономистов, так же как социологов и политологов, к необходимости признать существование и значимость и материалистических ценностей. Это важно не только для экономической теории, восполняющей редукционизм, и не только для практики управления организацией, сколько для самого общества, его культурной (в широком понимании данного термина) составляющей, для возможности осознания человеком смысла своей деятельности, помимо сугубо потребительского.

Интегральный социокультурный строй воодушевляется не «борьбой за существование и взаимным соперничеством», как в значительной степени были мотивированы договорной, тоталитарный и олигархический строй, но духом всеобщей дружбы, симпатии и неэгоистической любви с взаимной помощью, подразумевающей такие отношения, считал П. Сорокин [1997]. А. Маслоу пишет о значимости такого (перекликающегося с идеей П. Сорокина) феномена, как *синергизм*. Синергизм — это «социально-институциональные условия, способствующие слиянию эгоизма и альтруизма таким образом, что когда я преследую свои эгоистические цели, я автоматически помогаю другим, а когда я стараюсь быть альтруистичным, меня неминуемо ждет поощрение, — словом, когда преодолевается и разрешается дихотомия, противоречие между эгоизмом и альтруизмом. Любое общество, вне зависимости от уровня его развития, жидется на данной общей социальной тенденции» [Маслоу, 1997. С. 33]. В связи с этим Маслоу [Там же. С. 152] выдвинул

гипотезу о том, что «хорошее» общество — это общество, в котором добродетель вознаграждается; чем больше синергизма в обществе или в какой-то его части или во взаимоотношениях между двумя людьми или внутри человека, тем ближе мы оказываемся к высшим ценностям; обедняют же нас те условия в обществе или в нашем окружении, которые настраивают нас друг против друга, которые приводят в антагонизм наши личные интересы и интересы других его членов, делают их взаимоисключающими, такие условия, при которых базовые потребности человека удовлетворяются недостаточно или удовлетворяются за счет потребностей других членов обществ. К позитивным факторам, способствующим синергии, Маслоу относит благотворительные организации, а также прогрессивный подоходный налог (данный налог распределяет удачливость человека во благо всего общества) и пр.

Интегральной стадии в развитии сознания соответствует постиндустриальное общество. Помимо приоритета, который в постиндустриальном обществе отдается высоким технологиям и развитию науки, одной из его характерных черт является значимость человека, его духовного мира (что и является фокусом нашего исследования). Сорокин считал, что корнями основных перемен являются духовная сфера человека (наука, культура, идеология, образование, этика, религия, идеология), социальные отношения. Возможно, в постиндустриальном обществе приоритет будет отдан духовным ценностям [Яковец, 1999. С. 12]. В современном обществе интегральное сознание/культура проявляется в точных и социальных науках через формирующиеся в последние десятилетия интегральные/холистические подходы; в некоторых новых религиозных и духовных движениях и пр.

Матрицы развития согласно теории Дона Бека

Подход, применяемый Беком и его последователями, сегодня также и на практике, был разработан совместно с Т. Коуэном в последние десятилетия XX в. и почерпнул многое у К. Грейвза. Подход Бека в определенном смысле является развитием идей, заложенных А. Маслоу и Ж. Гейбсера: в нем выделяется восемь стадий в развитии сознания, которые по своей внутренней логике коррелируют со стадиями, описанными выше.

Уровни «самобытия» Бек и Коуэн называют матрицами ценностей (value memes). Каждая матрица — это одновременно психологическая структура, система ценностей и стиль, стратегия адаптации, которые могут выражаться множеством способов, от мировоззрений до манеры одеваться и до форм государственного управления [Уилбер, 2004. С. 69]. Она является ключевой характеристикой сознания, «кодом» в развитии человека/группы людей. Данные матрицы можно сравнить с матрешкой, где каждая последующая включает в себя предыдущую (рис. 4.1). Причем, как и в теории Гейбсера, они могут активизироваться при соответствующих обстоятельствах.

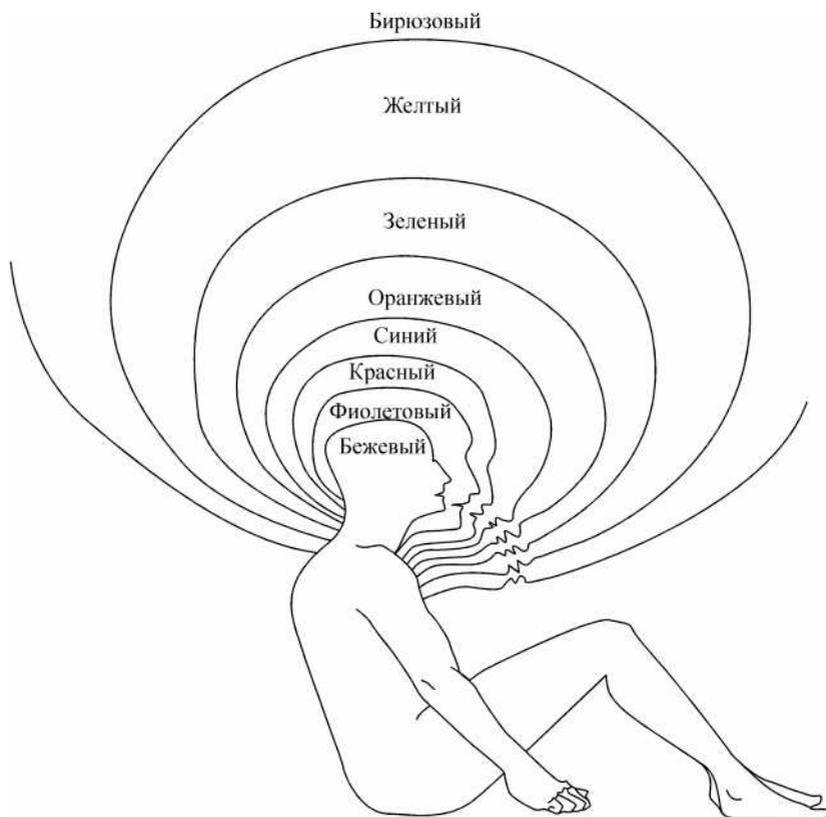

Рис. 4.1. Диаграмма Грейвза: холоны возрастающего развития (по [Уилбер, 2004. С. 70]).

1. Согласно теории Бека, описанной в книге «Спиральная динамика» (Цит. по [Уилбер, 2004. С. 70—76]), первый уровень называется «архаически-инстинктивным» (условно обозначен бежевым цветом), на котором приоритетно физическое самосохранение. Преимущество отдается пище, воде, теплу, сексу и безопасности. Сегодня 0,1 % взрослого населения земного шара, 0 % власти отнесены исследователями к данной матрице. Данная матрица очень близка в своей сущности архаической стадии в развитии сознания Ж. Г ебсера; а если сравнить ее с человеческими потребностями, описанными в теории А. Маслоу, то на этой стадии человек стремится удовлетворить свои базовые потребности — преимущественно физиологические и наиболее значимые для поддержания жизни.

2. «Магически-анимистический» уровень (см. рис. 4.1, фиолетовый цвет). Людям, функционирующим на данном уровне, представляется, что

землю переполняют злые и добрые магические духи, которые оставляют за собой благословения, проклятия и обладают колдовскими чарами, определяющими все события. Общности формируются по типу этнических племен. Духи предков связывают племя воедино, и политические связи устанавливаются в соответствии с принципом кровного и племенного родства. Проявляется в вере в злое колдовство, в талисманы удачи, при кровной мести, в этнических верованиях. Он распространен в странах третьего мира, бандах, корпоративных «кланах» и др. К нему относятся 10 % населения Земли, 1 % власти. По своей сути характеристики данной матрицы близки к «магическому» уровню сознания в теории Ж. Г ебсера, описанному выше.

3. «Уровень богов силы» (красный) — характерен развитием самости — могущественной, импульсивной, героической, эгоцентрической. Мир видится как опасные джунгли, полные врагов. Герой покоряет и подчиняет других силой, хитростью. Наблюдается в феодальных королевствах. Эпические герои, неистовые рок-звезды и др. характеризуют данный уровень. Он является доминирующим у 20 % населения Земли, 5 % власти.

4. «Конформистский стандарт» (синий). Люди, функционирующие на данном уровне, считают, что в жизни есть смысл, направление и цель и все определяется всемогущим Другим или Порядком. Порядок основан на абсолютистских и неизменных понятиях «правильного» и «неправильного». Жесткая социальная иерархия, патернализм. Существует только один правильный образ мышления. Импульсивность контролируется посредством вины; буквалистские и фундаменталистские убеждения. Часто бывает «религиозным», но может быть и светским. Наблюдается в исламском фундаментализме, «моральном большинстве», пуританской Америке, при фанатическом патриотизме и пр. Доминирует у 40 % населения Земли, 30 % власти. Можно предположить, что данный образ мышления и поведения вызван потребностью в ощущении безопасности, выделенной А. Маслоу в качестве одной из наиболее существенных и неотъемлемых. Данная потребность в данном случае удовлетворяется, возможно, благодаря избранию одного четко определенного и не опровергаемого человеком пути в жизни.

Характеристики стадии конформистского стандарта, по всей видимости, коррелируют в социально-политическом отношении с таким типом общества, который в социальных науках носит название традиционного: в нем существует тенденция к авторитаризму, преобладают коллективистские установки, высокую значимость имеет традиция.

По нашему мнению, матрица «конформистского стандарта» ярко проявилась в советском режиме (который некоторые исследователи относят к традиционному типу общества). Ключевой характеристикой данного периода была превалирующая значимость государства перед свободой и инициативой индивида — не творческое самовыражение, трудолюбие, активность рассматривались как залог процветания госу-

дарства, а система принуждения, включение механизмов страха и зависимости.

И сегодня в России существуют социальные группы, в практике и сознании которых доминирует матрица конформистского стандарта, поскольку отношения там построены на традиции, наличии нужных «знакомых» в большей степени, чем на значимости профессиональных качеств, деловой активности (к таким группам можно отнести армию, милицию, государственных служащих и пр.). Современные коммунистические и консервативно-патриотические силы также, на наш взгляд, отражают ценности синей матрицы.

5. «Научный прогресс» (оранжевый). На этой волне самость «спасается» от стадного менталитета предыдущего уровня и ищет истину и смысл с индивидуалистической точки зрения — экспериментальной, объективной, механистической, операциональной. Мир здесь представляется рациональной машиной, функционирующей в соответствии с естественными законами, которые можно изучить и освоить, а затем манипулировать ими в собственных целях. Человек, в сознании которого доминируют ценности данной матрицы, ориентирован на личный успех и карьеру. Наблюдается: в эпоху Просвещения, в нарождающемся среднем классе во всем мире, в холодной войне, индустрии косметики и моды, материализме, либеральном индивидуализме, и очень близка по своей сути «ментальной» матрице в теории Ж. Гейсера. Она является доминирующей у 30 % населения, 50 % власти.

В современной России происходит развитие рыночной экономики, в которой особо значимыми являются такие личностные черты, как предприимчивость, активность, готовность идти на риск и пр. Однако, как было отмечено в исследовании Т. И. Заславской, ответственность и самостоятельность присущи лишь незначительной, наиболее социально продвинутой части российского населения [Заславская, 2004]. Следует отметить к тому же, что в политическом отношении оранжевая матрица, которая, на наш взгляд, ярче всего выражена в сознании либерально-демократических сил, также находится в явном меньшинстве. В состав Думы нового созыва не прошли либеральные силы (партия ЛДПР по своей сути не является таковой, а скорее тяготеет к националистическим и социально-патриотическим силам).

«Большая часть российского общества настроена по отношению к либерально-демократическим реформам консервативно. Экономической системе, основанной на частной собственности и рыночных отношениях, отдают предпочтение 33 % опрошенных при 52 % высказывающихся за государственное планирование и регулирование экономики. Согласно опросам, проведенным в 2000 г., лишь немногим больше четверти россиян были согласны с необходимостью обеспечить независимость ветвей власти, в то время как “сосредоточение всей полноты власти в одних руках” предпочли бы три пятых. Демократию по образцу западных стран поддерживали 26 % граждан, а политическую систему

советского типа — 42 %» [Общественное., 2000. С. 68, 83. Цит. по Заславская, 2004. С. 11] — подобная характеристика массового политического сознания отмечается многими исследователями [Вишневский, 2004; Филатов, Фурман, 1992; и др.].

Тем не менее, можно предположить, что складывающаяся социально-политическая система в России (принципы рыночной экономики, демократические принципы прав и свобод и пр.), на наш взгляд, создают базу для формирования ценностей «оранжевой» матрицы. Психологи отмечают существующую «закономерность», согласно которой требуется больше времени для трансформации массового сознания по сравнению с социальной трансформацией в обществе. А Р. Инглхарт на основе проведенного крупнейшего всемирного исследования ценностей [Inglehart, 1999] утверждает, что должно смениться как минимум одно поколение, прежде чем произойдут устойчивые изменения ценностей. Вне зависимости от того, насколько удастся России в ближайшие годы приблизиться к «идеальному типу» демократического политического режима, возвращение к тоталитаризму вряд ли возможно.

б. «Восприимчивая самость» (зеленый цвет), которую еще называют плюралистическим релятивизмом. Для нее характерны идеалы общности, связи между людьми, осознание экологических проблем. Человеческий дух должен освободиться от алчности, догматизма, разобщенности; чувства и взаимный интерес преобладают над холодной рациональностью; забота о земле, жизни как значимая черта. Противостояние иерархии, установление горизонтальных связей. Акцент делается на диалоге и взаимоотношениях. Плюралистические и релятивистические системы ценностей. Гармония, обогащение потенциальных возможностей каждого человека. Наблюдается: в движении глубинной экологии, постмодернизме, при защите прав человека, экуменическом движении и пр. 10 % населения Земли, 15 % власти.

Можно предположить, что при жесткой формализации отношений, патернализме, чрезвычайно низкой значимости человеческой жизни (присутствовавших, к примеру, в Советском Союзе) маловероятными становятся развитие и расцвет в полной мере тех характеристик, которые присущи для матрицы плюралистического релятивизма. Для них остается место лишь в частной сфере жизни личностных взаимоотношений. Важной в советское время была ценность общности (однако она не была основана на признании значимости плюрализма, уважения к «другому»). Сегодня в России «островки» данной матрицы проявлены в экуменическом и экологическом движениях. Некоторые исследователи отмечают существование группы людей, названной эклектиками, — это к примеру, люди, проявляющие одинаково сильный интерес к различным религиям и лишённые догматизма либо фанатизма [Старые церкви., 2000].

7, 8. Это уровни «мышления второго порядка». К ним относятся 1 % населения Земли и 5 % власти. На данном этапе развития человек спо-

способен охватить умом весь спектр внутреннего развития, понять значимость существования всех других матриц и сделать шаг к целостному видению процесса развития человечества, взаимозависимости людей.

Седьмой уровень называется Бемом интегративным (желтый цвет). На нем различия и множественность интегрируются в целостную систему. И, наконец, восьмой уровень холистический (бирюзовый). Он характеризуется синтезом чувства и знания, целостностью восприятия. Желтая и бирюзовая матрицы по своей сути очень близки интегральной структуре сознания в теориях Ж. Гейсера (рассмотренной выше) и П. Сорокина. А сравнивая вышеописанную классификацию развития сознания с человеческими потребностями в теории Маслоу, можно предположить, что на матрицах 7 и 8 индивид способен реализовать свои высшие потребности — высшие переживания любви, красоты, единения с божественным и пр.

Основные религиозные заповеди и в особенности заповедь «возлюби врага своего», характерная как для христианства, так и для буддизма и других религий, являются проявлением мышления такого порядка. Это призыв любви к человеку вне зависимости как от его отношения к нам, так и от нашего мнения (нашей точки зрения, нашей «перспективы»). Хорошей иллюстрацией в данном случае был бы пример деятельности Далай-ламы XIV: несмотря на то, что современный Китай разрушил тибетскую культуру, изгнал тибетцев со своей земли и продолжает политику истребления тибетского народа, их религиозный лидер не только не стремится начать ответные военные действия, но постоянно ищет возможности для примирения; он практикует не только медитацию прощения, но также специальный вид медитации, в которой он забирает на себя негативные эмоции китайцев и отдает им любовь и прощение [Его Святейшество., 2005]. Осознание глубокой взаимозависимости, взаимосвязанности людей всего мира также создает основу для подобного мировоззрения.

Развитое интегральное сознание присуще матери Терезе, М. Л. Кингу, М. Ганди, Иисусу и др. Это — личности, которые отказались от приоритета собственного «Я» ради других. Они создают «зоны», свободные от социальных, политических, экономических и идеологических уз. Живя с чувством причастности к высшей силе, которая объединяет и трансформирует мир, такие люди часто являются губительными для различных социальных структур (включая религиозные), которые обычно придают чувство безопасности и значимости и обеспечивают индивидуальное и общее выживание. Многие люди на этой стадии умирают от рук тех, кого они надеются изменить. Часто они получают признание и почитание только после смерти [Miller, 1986. Перевод наш. — М. Г.].

Подводя некий итог, можно отметить, что в современной России, по всей видимости, можно отметить как минимум три тенденции в развитии структур сознания. Во-первых, это наблюдаемый сегодня и выражаемый формирующимся средним классом путь (эгоистического) инди-

видуализма, рационализма, интересов в росте материального благополучия (возможно, и за счет других). Во-вторых, это реакционный фундаментализм, озлобленный против преуспевающих, восхваляющий прошлое, выражаемый людьми, не сумевшими адаптироваться в новых условиях, не приемлющими происходящих изменений в современной России (матрица «конформистского стандарта»). В-третьих, можно говорить о существующей тенденции развития «нематериальных ценностей», выражаемой сегодня группами милосердия, оказывающими безвозмездную помощь, отчасти экологическим и некоторыми новыми движениями, и пр. Последняя тенденция наименее распространена и вряд ли, как нам представляется, станет доминирующей в ближайшем будущем.

Успешной адаптацией человека в коллективе/обществе можно считать ситуацию, когда уровень развития индивида соответствует общему среднему уровню развития (данная идея была высказана К. Уилбером в некоторых работах [Wilber, 2000; et al.]). Межличностный и межгрупповой конфликт наступает при несовпадении ценностей носителей различных уровней сознания. И подход Бека является одной из попыток найти способ его преодоления, интегрировать все существующие матрицы развития в определенной организации.

В данном подходе делаются попытки учесть все существующие в определенном коллективе (либо обществе) уровни сознания и удовлетворить потребности, являющиеся для них ключевыми. В организации, к примеру, это делается посредством разработки целого ряда мер и последующего их донесения до работников в наиболее доступной для них форме (видео, мультфильмы и пр.). Акцент делается на позитивной стороне рабочего процесса и отношений в коллективе. Цель — сплотить людей и получить наиболее эффективный результат работы.

В 80-х годах в Южной Африке был период социально-политических беспорядков. Существовали также трудности с экспортом продукции и межрасовое напряжение. В 1980 г. Дон Бек был приглашен в ЮАР в одну из крупнейших компаний Middelberg Steel & Alloys для проведения семинара по ценностям для топ-менеджеров с целью повысить эффективность управления. Непосредственным результатом консультаций явилось создание общей корпоративной стратегии во всех областях бизнеса — от производства до продаж/маркетинга и технологий, финансов, охраны здоровья и труда. Именно в этот период компания выиграла большое количество государственных наград, в том числе за высокую продуктивность и экспорт.

Программа включала в себя следующие пункты: свод правил по условиям занятости (включающие в себя процесс отбора работников, специальные тренинги, дополнительное образование, решение спорных вопросов и пр.); правила безопасности (тренинги по безопасности работы, оказание первой помощи, обращение с оборудованием и пр.); нормы поведения (вопросы небрежности, нечестности, неподчинения и пр.); пра-

вила оплаты труда (включающие, помимо прочих, должностные инструкции, оценку качества работы, продвижение по служебной лестнице) и др. [Middleberg., 2005].

Подход Д. Бека был также использован и в 2000 г. в ЮАР в данной компании и некоторых других. Стоит обратить внимание на разработанные с учетом имеющихся и изученных «типологий» работников «Ценности нашей компании» [Там же]:

«Мы уважаем личность человека и предоставляем ему безопасные условия для работы» (что соответствует потребностям матриц 2 и 4)

«Мы придерживаемся принципов честности во всех взятых на себя обязательствах» (матрицы 6 и 4)

«Мы производим качественную продукцию» (матрицы 4 и 5)

«Мы одобряем и поощряем способности и амбиции» (5, 6, 7)

Президент Управляющий директор Менеджер/Руководитель

Данная инициатива доводилась до сотрудников на специальных брифингах и с помощью других средств. Это был стратегический подход к изменению ценностей в компании.

Вышеописанный подход может применяться не только в процессе управления организацией. Он доказал свою эффективность в ослаблении межрасовых конфликтов и противоречий. Понимание теории спиральной динамики Бека дает также новое направление в анализе социальных/политических/экономических вопросов и новое понимание динамики устойчивого развития. На основе матриц Бека можно проанализировать источники угроз, возникающих в определенном обществе, и прийти к возможному варианту их решения. Эта теория особенно полезна в развивающихся многонациональных обществах.

Так, ученый показывает в своих работах, какие существуют угрозы для устойчивого развития различных типов обществ, исходящие от разных уровней, и какими могут быть способы борьбы с ними/их предотвращения, привлекая другие матрицы — т. е. используя разработанную им методiku «спиральной динамики»¹⁰. В странах развитого мира доминирует синяя матрица (закон и порядок, подотчетное и регулярно избираемое правительство); присутствуют также оранжевая (стимул к предпринимательству) и зеленая (гуманная забота о менее удачливых), пишет Бек. В слаборазвитых обществах преимущественно развит фиолетовый сектор (определяющую роль в котором играют племенные/этнические признаки), а также красный (не имеющие корней, недавно урбанизированные секторы). «Ценности зеленой и интегрированной желтой матриц существуют в таких типах обществ, однако они находятся в явном меньшинстве и часто ограничены университетскими городками,

10 Ученый использует термин «спиральная динамика», вероятно, из-за того, что эволюцию сознания можно сравнить с развитием по спирали: существующие стадии невозможно обойти, «перескочить»; они являются последовательными и взаимосвязанными.

находящимися в контакте с развитым миром» [Ibid. Перевод наш. — М. Г.]

К примеру, сегодня в России при использовании природных ресурсов и ведении бизнеса предприниматели зачастую не учитывают влияние собственной экономической деятельности на окружающую среду; ради кратковременной выгоды могут уничтожаться уникальные природные комплексы. Основной интерес — получение максимальной выгоды (оранжевая матрица), используя для этого любые средства (что наиболее характерно сегодня для олигархических кругов). Руководители предприятий, несущие ответственность за принятие ключевых решений в сфере бизнеса и природопользования, не задумываются о долгосрочной перспективе и возможных последствиях деятельности, ведущей к загрязнению атмосферы, истреблению редкой флоры и фауны¹¹, изменению климата, истощению жизненно важных ресурсов. Данная проблема может быть урегулирована (административными) решениями, исходящими из синей матрицы, так как для нее более всего характерно соблюдение устанавливаемых правил, дисциплины, порядка. Существующая сегодня в развитых странах практика организации сбора, переработки/удаления отходов (желтая матрица) полезна в предотвращении разрушения окружающей среды. В современной России возникла к тому же проблема большого разрыва в уровне жизни наиболее состоятельных и беднейших слоев населения; появились люди, не имеющие места жительства, что ведет к распространению болезней, преступности (красная матрица). Таким людям могут помочь государственные программы устойчивого развития (синяя матрица), позволяющие им найти работу и содержать себя (оранжевая матрица). В целом принимаемые меры включают в себя целенаправленные действия и программы правительства, благодаря которым создаются такие условия, в которых группы людей с доминирующей фиолетовой/красной матрицами проводятся через эволюционные стадии до достижения ими оранжевой матрицы (способствующей экономическому процветанию и самообеспеченности) [Linscott, 2005]. Однако это не означает, что какие-либо матрицы имеют преимущество — все они важны в жизни планеты.

Вышеуказанные принципы в решении проблем общества/организации перекликаются с ключевыми идеями «теории организации» А. Маслоу, также используемыми сегодня на практике. Помимо прочего, она повлияла на создание концепции обогащения труда, применяемой в компаниях Fillips, Volvo и др. Применяя теорию Маслоу [1997] в области управления, уровень здоровья организации можно оценить при помощи техники исследования недовольств и жалоб, техники определения места этих жалоб в мотивационной иерархии. Жалобы у человека есть всегда,

¹¹ Одним из примеров может послужить завод на Байкале, перерабатывающий целлюлозу: отходы, выбрасываемые в озеро, разрушают его уникальную природную среду, ставят под угрозу существование редких видов рыб.

но особенно тревожной является ситуация, когда у работников не удовлетворены базовые потребности (плохое жилье, холод, опасные условия труда и пр.). Единственным мерилom эффективности управления является уровень жалоб — какие потребности он отражает. Маслоу [1997] призывает относиться к работнику как к «самоцельному» (т. е. уникальному, неповторимому и равному по ценности любому другому человеку), представляющему собой наиболее значимый ресурс, а не средство для манипуляции, не инструмент для достижения цели. Такое отношение практикуется сегодня в «гуманистически» настроенных организациях.

Некоторые аспекты интегральной теории Кена Уилбера

Подводя итог рассмотренным выше интегральным подходам, хотелось бы затронуть ключевые аспекты подхода Кена Уилбера, современного американского ученого, основавшего Институт интегральных исследований в США и внесшего особый вклад в развитие интегральной методологии исследования. Понимание Уилбером уровней развития — это некий синтез существующих сегодня интегральных подходов. Сознание *не* находится только в организме, пишет Уилбер [2002]. *Скорее, сознание — это дело всех четырех секторов* (рис. 4.2). «Вся суть четырехсекторного анализа состоит в том, что все те сферы, которые в традиции, как правило, представлены в качестве бесплотных, трансцендентных и нематериальных, в действительности имеют корреляты в материальной сфере» [Там же. С. 459].

Обсуждаемые структуры сознания можно назвать видами мировоззрений, рассматриваемыми Уилбером в своих работах. Мировоззрения — это, по словам Уилбера, обозначение того, как выглядит мир на определенном уровне развития. Мировоззрения не являются бестелесными структурами: они, как и культурные факторы, взаимосвязаны с материальными компонентами общества, производительными силами и пр. Техничко-экономическая база устанавливает широкие пределы, в рамках которых разворачиваются мировоззрения. Каждой стадии в развитии мировоззрения соответствует определенный уровень технико-экономического развития системы (нижняя правая часть рис. 4.2):

«фуражной» стадии (подбор падали, охота, собирательство) соответствуют архаическое мировоззрение, доконвенциональный и доличностный уровни развития;

ранней и поздней садоводческой стадиям — «магическое», «эгоцентрическое» мировоззрение;

ранней и поздней аграрным стадиям — раннее и позднее мифическое, «этноцентрическое» мировоззрение;

индустриальной стадии — «мироцентрический» рационализм; информационной стадии — «интегрально-аперспективный» или эк-

Рис. 4.2. Четыре сектора [Уилбер, 2004. С. 86]. Изображены внутренняя и внешняя стороны жизни индивида и коллектива. Верхняя половина этой диаграммы относится к индивиду, нижняя половина — к сообществу или коллективу; левая половина — к внутреннему (субъективное, сознание), правая — к внешнему (объективное, материя).

Очень важным, на наш взгляд, является вскрытый К. Уилбером механизм общественных изменений в контексте интегрального подхода: он связан с конфликтом парадигм (в понятие парадигма входят не только набор теорий, но и социальная практика, социальные изменения). Вместе с естественным процессом эволюции сознания (левая часть рисунка) и материально-технической сферы (правая часть) происходит взаимодействие и противостояние различных уровней развития. Можно также говорить о столкновении парадигм внутри одного общества, так как, по мнению Уилбера, ни в одном обществе не существует единого монолитного технологического способа производства и единого монолитного мировоззрения. Мы всегда видим некий спектр различных «базисов и надстроек». Так, например, в США наравне с существующей информационной и индустриальной стадиями присутствует и аграрная

(скажем, фермерство). Именно благодаря тому, что изменения в сознании происходят намного дольше, чем изменения в материально-технической и экономической областях, происходят революции — социальные, политические и пр.

Весьма обоснованной представляется точка зрения Уилбера относительно того, что «в современных западных странах основные культурные войны происходят не только в рамках традиционных, модернистских и постмодернистских ценностей, но также между техноэкономическими образцами производства, включающими в себя стадии фермерства, индустриализации и информационную с соответствующими стадиями мировоззрений — мифическим, рациональным и плюралистическим. В незападном мире основные конфликты происходят между “племенно-фуражной” и “мифически-аграрной” стадией с одной стороны, и “модернистской индустриальной” вместе с “постмодернистской-плюралистической” с другой» [Wilber, 2005. Перевод наш. — М. Г.]

Идеи Уилбера имеют особую значимость в том числе и для социологии знания. В свое время социолог В. Г. Немировский отметил, что проблема классической социологии заключается в том, что данная наука не может ответить на вопрос, каким образом общество, находясь в непрерывном движении, регрессивных и прогрессивных изменениях, может одновременно представлять собой стабильную, интегрированную систему, наделенную эффективным механизмом саморегуляции [Немировский и др., 2003]. А модель Уилбера, таким образом, снимает данную проблему, так как в ней заложены принципы системности (выраженный в синтезе индивидуальной, культурной и социальной составляющей) и развития (выраженный в представленных эволюционных стадиях развития в каждом из секторов, взаимосвязанных друг с другом).

* * *

Таким образом, вышеописанные подходы вводят новый ракурс в изучение человеческого развития, включая в него эволюцию сознания как неотъемлемый элемент, коррелирующий в свою очередь и с материально-техническим, и культурным развитием цивилизаций (именно сознание предлагает сделать объектом исследования социологии, к примеру, и проф. Ж. Тощенко).

В области управления данные подходы дают возможность подойти к человеку, рассматривая его как ценный ресурс и самоценное существо, а не только как объект, обладающий неким внешним отношением полезности; поэтому, несомненно, можно утверждать, что проанализированные выше подходы являются глубоко гуманистичными по своей сути. В сфере социологии труда учет данных факторов расширяет границы рассмотрения человека, вводя новые элементы — его духовность, самосознание, что дополняет концепции «человека экономического», «человека технократического» и пр., изучая его во всей целостности и вос-

полняя «бессубъектность экономической жизни»¹², характерную для советского общества.

Сегодня существует достаточно много политологических и социологических работ, в которых детально изучены недостатки (и достоинства) социальной структуры и политического режима как современной России, так и советского времени. Более интересным представлялся бы анализ коррелирующих с ними стадий развития сознания, стремление увидеть в них внутреннюю динамику и в то же время целостность (включающуюся во взаимосвязанности и взаимозависимости духовной и «материальной») составляющих как в жизни индивида, так и в жизни общества — в этом и состоит суть интегрального подхода. Он позволяет дополнить анализ социально-экономических, социокультурных, политических сил анализом массового сознания, отойти от идеи экономического детерминизма (и таким образом избежать редуционизма, т. е. сведения комплексной социальной жизни к одному или нескольким факторам). Мы попытались сделать первый шаг в осуществлении данного подхода. Подобное направление исследований представляется нам необходимым еще и потому, что современные интегральные и холистические теории практически не знакомы российскому читателю и обществу.

Как было показано выше, сознание имеет свою, *внутреннюю логику развития*. И социально-политическая трансформация общества, скорее всего, также следует внутренним законам эволюции (являясь базой для изменения сознания). Это не стихийное изменение, а реализация механизмов развития, заложенных в любой системе (социальной, биологической и пр.), — в случае современной России можно говорить о трансформации от замкнутой тоталитарной к открытой демократической системе. (Хотя данные политические режимы являются скорее «идеальными типами»). Чрезвычайно мудрой представляется в данном случае детально обоснованная мысль П. Сорокина [1997] о конвергенции социальных систем (России и США): как в России присутствовали некоторые черты демократической системы, так и в США — тоталитарной.)

Процесс эволюционного развития не означает, что, утрированно выражаясь, кто-то должен взять и провести страну от несвободы к свободе (в случае с современной Россией), потому что каждому необходимо самому пройти заложенные в нас этапы внутренней трансформации. Человек только сам должен суметь взять ответственность за свою жизнь — хотя, несомненно, большую роль играют решения высокопрофессионального лидера. И поэтому так важно внутреннее развитие человека как имеющего непосредственное влияние и на систему.

¹² Фраза Ж. Т. Тощенко [Социология., 2004. С. 95].

ГЛАВА 5 **Российский модернизационный проект и адаптация: потенциал роста и пределы созидания**

Векторы модернизации и устойчивость роста

Глобализационный императив XXI в. выдвигает жесткое требование к модернизации российского общества — она должна осуществляться в высоком темпе и в режиме устойчивого роста. В противном случае существует угроза оказаться в непривлекательной роли «вечно отстающих» и «вечно догоняющих», отстать «навсегда» от цивилизованных стран, уже вступивших в начальную фазу постмодернити, т. е., в конечном счете, оказаться на задворках истории.

В контексте исторических вызовов такого рода наша цель состоит в уяснении ряда частных теоретических и прикладных вопросов, связанных: 1) с местом и ролью адаптивных процессов в модернизации российского общества, обеспечении его устойчивого роста; 2) теми требованиями, которые предъявляет модернизационный процесс к адаптации (адаптивности, адаптивным ресурсам, потенциалу, капиталу) как социальному феномену.

В конце XX в. Россия предприняла новую попытку включиться в очередной исторический виток радикальных трансформаций. Направленность и суть его, как и ряда предыдущих проектов, в том числе реформ Петра I, «сталинской» индустриализации и пр., заключается в стремлении политических лидеров к тотальному всестороннему преобразованию институциональной среды, отвечающему их представлениям о смысле вызовов нового времени, и почти всегда — в полном или частичном отказе от традиционных форм социальности, в скрытой или явной ориентации (оглядке) на западные образцы («соревнование с Западом»).

В соответствии с этим императивом гипотетически ожидаются с той или иной долей вероятности и уже реализуются следующие векторы движения российского общества. В отношении *материально-технического базиса* — его коренная реконструкция, переориентация экономики страны с добывающих на обрабатывающие отрасли, внедрение передовых новейших информационных и нанотехнологий; *экономических институтов* — диверсификация форм собственности, универсализация рынка и денег, утверждение принципов свободной конкуренции; *политических институтов* — укрепление принципов парламентаризма, многопартийности, демократии, гласности, выборности органов управ-

ления, разделение законодательной и исполнительной власти; *правовых институтов* — обеспечение прав, свобод, безопасности и равенства всех граждан перед законом взамен беззакония и произвола и т. д., *социальных институтов* — становление открытой стратификационной системы, высокой социальной и территориальной мобильности населения; *социокультурной сферы* — рост образовательного потенциала населения, смена гомогенного типа культуры на гетерогенный, характеризующийся большим количеством субкультур с различными нормами и ценностями, переориентация сознания с религиозно-мифологического на рациональный тип, ценностей человека с внешних на внутренние, с материальных на нематериальные (замечу, что эти черты присуща лишь позднему модернити), актуализация ценности знаний и информации, ослабление традиционных ценностей семьи, религии, морали, рост индивидуализма и индивидуализации и пр.; *демографических институтов* — актуализация ценности человеческой жизни, снижение смертности, утверждение нуклеарной модели семьи взамен многопоколенной, нормы неоднократного вступления в брак вместо однобрачия, нормы однодвуственности семьи вместо многодетности, а также перераспределение ролевых обязанностей мужа и жены в семье в направлении усиления эгалитарности их ролевых позиций и отношений и т. д.; *экологической сферы* — актуализация ценности природной среды, акцент на природоохранную деятельность в природопользовании, сбережение уникального многообразия флоры и фауны, чистоты воздушного и водного бассейнов и т. д.

Каждый из этих векторов модернизации в реальном времени и реальном российском социальном пространстве, как свидетельствуют статистические данные, далеко не всегда движется означенным курсом — он либо остается в зачаточном состоянии, либо, начав движение, останавливается, либо начинает перемещаться, что называется, «вкривь и вкось», либо вообще дает задний ход; иными словами, движение векторов модернизации осуществляется асинхронно, несогласованно, вразнобой. Так, в научной литературе неоднократно отмечалось отставание социокультурных процессов от экономических и политических, а также тот факт, что проведение экономических преобразований нередко опережало разработку их надежного правового обеспечения. Более того, ситуация осложняется глубокой рассогласованностью и асимметричностью модернизации в российском региональном пространстве. Каждый российский регион по совокупности своих модернизационных характеристик практически не имеет точных аналогов среди других регионов — в каждом отдельном случае присутствует яркий самобытный экономический и социокультурный контекст, что провоцирует глубинные устойчивые спецификации региональных моделей модернизации (А. Вишневский, С. Лавровский, Н. Михеева, И. Корель, Л. Корель и др.).

В свете вышеизложенного весьма актуальной для России является проблема кристаллизации модернити, поскольку именно кристаллиза-

ция обеспечивает необратимость и устойчивость модернизационных преобразований. Под *кристаллизацией модернити* мы понимаем процесс и результат образования в обществе *устойчивых, взаимоупорядоченных и взаимосвязанных модернизационных форм* как в рамках отдельных направлений, аспектов, сторон, профилей, векторов модернизации — экономическом, политическом, социокультурном, духовном, демографическом, экологическом и т. д., — так и модернизационного процесса в целом, т. е. в единстве и многообразии всех его сторон. Заметим, что кристаллизация модернити обеспечивается *консистентным* характером модернизационных процессов (термин «консистентность» в данном случае заимствован из теории статусной кристаллизации, предложенной У. Ландейкером; см. [Landecker, 1963]). *Консистентная модернизация* — это гармоничное, взаимоувязанное, согласованное протекание модернизационных процессов как в разных сферах общественной жизни — экономической, политической, социокультурной, духовной, демографической, экологической и т. д., так и разных региональных или социальных пространствах, обеспечивающее кристаллизацию модернити. В свою очередь, *неконсистентную модернизацию* можно определить как рассогласованное, негармоничное, противоречивое, несовместное, асинхронное течение модернизационных процессов (в разных сферах общественной жизни — экономической, политической, социокультурной, духовной, демографической, экологической и т. д., либо в разных региональных и социальных пространствах), сопровождающееся модернизационными тупиками, конфликтами и социальными потрясениями, осложняющими кристаллизацию модернити. (См. ниже главу 7 «Модернизация общества в зеркале субэлита.») Неконсистентная модернизация дезориентирует субъекта адаптации, поскольку модернизационное поле предстает перед ним не единым, органичным и цельным, а разрывным, противоречивым и разнонаправленным. Это обстоятельство, с одной стороны, затрудняет ход его адаптации, поскольку ему одновременно приходится приспосабливаться к разнонаправленным в модернизационном отношении процессам (движение вперед, вспять, в сторону), а с другой — вносит неизбежный диссонанс в структуру его сознания (и поведения), делая ее фрагментарной, разрывной и нецельной.

Однако, несмотря на «модернизационный разнорбой» и противоречивую региональную динамику, совокупность означенных выше векторов модернизации (см. выше) все же очерчивает динамичное поле состоявшихся и будущих (ожидаемых) общественных преобразований модернизационного толка, а значит, и то социальное пространство, в границах которого уже осуществляется и, видимо, будет осуществляться в ближайшие полвека (с тем или иным успехом) *адаптация* всех индивидуальных и корпоративных акторов, социальных и территориальных групп, наций, институтов, социальных систем, наконец, российского общества в целом.

В свою очередь, процесс адаптации уже сегодня определяет и будет определять в будущем (стимулировать, тормозить, корректировать, менять, блокировать) ход модернизации российского общества. Однако в действительности при более близком рассмотрении характер пересечений этих двух феноменов (адаптации и модернизации) в социальном пространстве весьма сложен и нуждается в конкретизации. Остановимся на этой тезе подробнее.

Адаптация и модернизация: векторы взаимодействий

Обратимся к истории вопроса. Сопряженность, взаимосвязь, когерентность адаптивных и модернизационных процессов неизменно подчеркивалась учеными-социологами. Г. Спенсер, Т. Парсонс, Н. Смелзер — представители структурно-функционального подхода — рассматривают историю общества и модернизацию как процесс структурно-функциональной дифференциации и образования соответствующих форм интеграции, включая *лучшую адаптивность*, эффективную организацию и новые социальные образцы; С. Айзенштат определяет «модерную систему» как систему, способную обеспечить и поддерживать постоянные перемены, а значит — обладать *высокой адаптивностью* к ним, А. Тоффлер разрабатывает всемирно известную концепцию футурошока и культушока — социальных феноменов, продуцируемых быстрыми общественными переменами и *ограниченностью адаптивного потенциала населения*. Э. Гидденс концентрирует внимание на модернити в контексте все возрастающей рефлексивности общества, не обеспечивающей, тем не менее позиции контроля над окружающей реальностью, а следовательно, и должного *наращивания адаптивных ресурсов*, адаптивности самого общества. Р. Инглхарт развивает идею о социокультурной ригидности населения к процессам модернизации (т. е. состояния, при котором *снижена приспособляемость, переключаемость психических процессов к меняющимся требованиям среды*), так как люди находятся в тисках усвоенных в ходе социализации социокультурных образцов, преодолеваемых только в ходе смены поколений. И, наконец, П. Штомпка, в свою очередь, артикулирует весьма важный тезис о том, что если в XIX—первой половине XX вв. (период кристаллизации модернити) социальные изменения и развитие рассматривались исключительно в увязке с проблемой общественного прогресса, то позднее — главной в данном контексте стала проблема *социальной травмы*, вызванной *болезненными процессами вынужденной адаптации* — пересмотра и крушения ценностей, потерей жизненных ориентиров в эпохи перемен и пр.

Что вносит модернизация в адаптивный процесс?

1. Модернизация формирует экономическое, политическое и социокультурное пространство будущих адаптаций, задает их ориентиры, метрику, определяет русло приспособительных процессов, а также диа-

пазон возможного маневра. Она инициирует, творит адаптацию индивидуальных и коллективных агентов, групп, классов, создает специфическую конфигурацию структуры их приспособительных отношений, образующей динамичное социальное поле адаптаций (структурированное и структурирующее пространство позиций).

2. Модернизация ускоряет темп, задает ритм мирового развития, а значит, и активизирует адаптивный процесс. Этот факт стал очевиден лишь в середине минувшего века. Общественное осознание все возрастающих темпов социального развития пришло лишь совсем недавно, на позднем этапе модернити, лишь в середине XX в. [Уайтхед, 1990. С. 258, 490].

Столь высокий темп общественных изменений в эпоху модернити, как уже отмечалось выше, создал небывалый в истории массовый феномен, диагностированный лауреатом Нобелевской премии Алвином Тоффлером как «футурошок». Футурошок есть болезнь индивида, наступающая из-за страха перед неизбежностью социальных изменений и неспособностью приспособления к требованиям среды. Само понятие «среда» в складывающихся условиях стало эфемерным, так как оно предполагает определенную «незыблемость» основных параметров условий жизни. Между тем социальная среда второй половины XX в. во многих странах мира под воздействием процессов модернизации и глобализации характеризуется высокоскоростными изменениями. Условия жизни меняются столь быстро, что человек не успевает зафиксировать их системное единство, предугадать траекторию их развития [Тоффлер, 1997]. Отсюда — пробуксовывание адаптаций, разного рода адаптивные тупики, кризисы и катастрофы. На событийной поверхности жизни ясно проявляется феномен «неуправляемого дрейфа» актора — попадания его в поток неконтролируемых событий, из которого выйти нельзя, но можно либо ослабить негативные последствия этой ситуации через механизмы «защиты», «ухода», либо усугубить их через механизм «тотального отрицания» (аутизм, наркомания, суицид и пр.).

3. Модернизация меняет доминанты и направленность поведения акторов адаптационного процесса в исторической перспективе. Можно отыскать множество систем координат, позволяющих фиксировать подобные перемены (например, в трудах М. Вебера, К. Маркса, З. Фрейда, К. Юнга и др.). В качестве примера воспользуюсь трудами Стэнфордского исследовательского института. Согласно его разработкам, в истории существует три социально-психологических типа человека по направленности интересов. Первый тип объединяет людей, движимых поиском средств к существованию; они могут быть бедны, а могут иметь достаток, однако главное для них — финансовая и имущественная безопасность. Они — «остаточный продукт философии сельскохозяйственной эпохи» и аграрной культуры. Второй тип включает людей, ориентированных на внешний мир, они «жаждут уважения и социального статуса в качестве внешних символов успеха», по убеждениям являются материалистами и выступают «движущей силой экономически преуспе-

вающих обществ». Третий тип — лица, ориентированные на внутренний мир, т. е. самореализацию, творчество, обостренное восприятие, этические проблемы. Они ищут путей «проявить свою истинную сущность и оставить свой след в жизни» и являются приметой грядущего постмодерна [Хэнди, 1999. С. 181—183].

В рамках данной концепции естественно предположить, что в ходе модернизации меняется, во-первых, соотношение самих субъектов адаптации, т. е. господствующих социально-психологических типов. В аграрном обществе, а также в начальных стадиях модерни преобладал социально-психологический тип, движимый поиском средств к существованию. В стадии зрелой модерни усиливаются ведущие позиции людей, ориентированных на внешний мир. И наконец, становление эры постмодернити сопровождается экспансией третьего социально-психологического типа — восприятие жизни которого определяется ориентацией на мир внутренний. Во-вторых, трансформируются конечные цели адаптивного поведения. В аграрной культуре таковыми выступала удовлетворенность некоторым объемом средств существования. Человек вынужден был осуществлять поиск таких средств и способов взаимодействия с внешним миром, которые обеспечивали бы ему желаемый достаток — возможность физического выживания. В стадии зрелой модерни конечной целью (адаптации) выступал социальный статус и престиж. По мере вхождения в эру постмодернити таковой целью все чаще выступает гармония внутреннего мира, достигаемая через самовыражение и самореализацию.

4. Модернизация дифференцирует возможности адаптации людей, относящихся к разным социально-психологическим типам. К. Юнгу мы обязаны констатацией важнейшего для социологии тезиса о существовании различных социально-психологических типов людей, обладающих заметными отличиями в социальном поведении, в том числе, как можно предположить, и адаптивного плана. Конечно, в первую очередь, речь пойдет о делении людей на экстравертов и интровертов. Если первый обращен своей личностной структурой вовне, к окружающему его миру, то второй «зациклен» на самом себе. То, что для одного представляет ценность, для другого — пустое место. Эти типы довольно легко распознать и они довольно часто встречаются в «чистом виде» в реальной практике [Юнг, 2002].

Естественно предположить, что в ходе адаптации экстраверты ориентированы большей частью на гармонию с внешней средой и в угоду этой гармонии способны идти на «внутренние» подвижки, разного рода уступки и компромиссы в своих личностных предпочтениях и установках. Иное дело интроверты, они, в свою очередь, стремятся сохранить прежде всего внутреннее равновесие, хотя бы и в ущерб сбалансированности своих отношений с внешним окружением. Для первых особенно важна внешняя адаптация (гармония с миром), для вторых — внутренняя (гармония с самим собой).

Думается, что в условиях постмодерна (в сравнении с модерном)

интроверты несомненно получают лучшие шансы для раскрытия своего внутреннего потенциала, гармонизации отношений с внешней средой, поскольку окружающий мир для них предстанет менее агрессивным, более разнообразным, многоликим, поливариантным, а содержанием идеологии этого мира станет гуманизм взамен социоцентризма. В свою очередь экстравертов в эпоху постмодерна будет ожидать несколько иная судьба — сложности выстраивания ориентаций, поиска «значимого большинства», самоидентичности, выбора идентификатора. Сложности эти порождены будут увеличением социального разнообразия, расширением диапазона разного рода микросред, форм и видов деятельности и т. д. Если же вспомнить другой универсальный процесс, охватывающий ныне все уголки земного шара, — глобализацию, то естественно предположить, что к нему наиболее легко будет адаптироваться экстраверты, поскольку они по природе своей ориентированы на окружающий их мир. Интровертов же будет пугать (огорчать?) расширяющаяся перед ними вселенная, требующая необходимых отвлечений от сосредоточенного анализа внутренних переживаний, чувств и состояний.

5. Под влиянием модернизационных процессов меняются главные историко-характерологические особенности процессов адаптации. Если рассматривать их в зеркале веберовской теории социального действия, то в исторической перспективе ясно обозначится тенденция ослабления элементов традиционной и аффективной направленности адаптивной реакции и, одновременно, усиления элементов ценностно-рационального и целерационального толка. (См. об этом главу 6 «Адаптация в меняющемся мире: от традиции к целерациональности».)

А сейчас попытаемся уточнить и конкретизировать, что вносит адаптация в модернизационный процесс, какие функции при этом она выполняет?

1. Адаптация обеспечивает, обслуживает, созидает модернизацию, поскольку речь идет о полном отказе общества от традиционной социальности и экспансии социальности современной. Другого процесса, ответственного за эту миссию, попросту нет. Такие социальные процессы, как ассимиляция, аккомодация, включение, вовлечение, интериоризация, экстериоризация, натурализация, подражание, заражение и пр., являются либо разновидностями (формами) адаптации, либо ее агентами (инструментами, подмеханизмами и пр.).

2. Адаптация, наряду с другими факторами, участвует в детерминации двух главных параметров модернизации: ее скорости, темпа и ритма, а также характера протекания (конфликтная—бесконфликтная, внутренне противоречивая—согласованная, полная—частичная, активная—пассивная, устойчивая—неустойчивая, эффективная—неэффективная, высокозатратная—экономичная и т. д.). Быстрая успешная адаптация к быстроменяющейся среде ускоряет внедрение разного рода передовых инноваций и трансформаций, а значит, и ход модернизации в

целом. В свою очередь разного рода адаптивные конфликты, кризисы, разрывы, катастрофы наряду с высокзатратными, неэкономичными, малоэффективными, противоречивыми, неустойчивыми и пр. адаптациями способны блокировать и провалить модернизационный процесс в целом.

Неизменным фактором, тормозящим адаптацию к инновационным преобразованиям, исторически всегда выступало и выступает сознание человека, которое противится всему чужому и неизвестному. Обратимся к К. Юнгу: «Я уже упоминал о распространенном среди первобытных людей “мизонеизме” — так антропологи называют глубокий суеверный страх нового, тождественный реакции дикого животного на неблагоприятную ситуацию. “Цивилизованный” человек, однако, зачастую реагирует на новые идеи весьма сходным образом, воздвигая психологические барьеры, чтобы защититься от шока встречи с чем-то новым. Многим философам, ученым и даже литераторам, шедшим непроторенными путями, пришлось испытать на себе врожденный консерватизм своих современников» [Юнг, 2002. С. 23—24].

3. Адаптация является ключевым основополагающим понятием в определении общества устойчивого роста, в том числе и модернизирующегося.

Согласно представлениям ряда западных ученых, концепт устойчивого роста означает, что общество должно быть дальновидным и гибким настолько, чтобы нормально функционировать в течение жизни многих поколений, не подрывая системы своего материального и социального обеспечения [Мидоуз и др., 1999. С. 593]. Близко ему по смыслу и определение, предложенное Всемирной комиссией по охране окружающей среды и развитию, согласно которому общество устойчивого роста — это такое общество, которое «удовлетворяет сегодняшние потребности, не ставя под угрозу возможности удовлетворения потребностей будущих поколений» [Там же]. Оба определения акцентируют момент озабоченности судьбой нынешних и будущих поколений, однако первое имплицитно содержит упоминание об обязательной адаптивности общества, вводя императив его «дальновидности и гибкости».

Попытаемся синтезировать, конкретизировать и расширить эти ясные и лаконичные определения, напрямую вводя в них ключевое и очень важное в нашем дискурсе понятие — адаптация. Для этого воспользуемся одним из многих определений базового понятия «общество», семантически связанным с понятием «адаптация», в котором общество определяется «как огромное собрание элементов, взаимно адаптирующихся и переадаптирующихся друг к другу так, чтобы сохранить себя в условиях движущегося равновесия» [Seligman, Johnson, 1967. P. 435—437].

Итак, общество устойчивого роста — это такое «дальновидное», *гибкое и адаптивное общество, которое, постоянно наращивая адаптивный ресурс, обеспечивает плавный переход от низших ступеней раз-*

вития к высшим (более совершенным, продвинутым, устойчивым, перспективным), при этом, выходя на новый виток роста, (а) не подрывает системы экономического, социокультурного и духовного воспроизводства нынешних поколений и, кроме того, (б) не ставит под угрозу возможности удовлетворения экономических, социокультурных и духовных потребностей поколений будущих.

В этом определении важны четыре нарратива: дальновидное и гибкое адаптивное общество., наращивание адаптивного ресурса., плавный переход., система воспроизводства нынешних и будущих поколений. Конкретизируем их. Итак, речь идет о стабильности и устойчивости роста (развития). Что для этого нужно? Комбинация каких требований адаптивного толка обеспечивает стабильность и устойчивость роста, в том числе, модернизационного?

Условия устойчивого роста: адаптивный ракурс

Во-первых, стабильность и устойчивость роста общества немыслимы без успешной адаптации к происходящим изменениям основной массы индивидуальных и корпоративных акторов, социальных групп, наций, институтов, систем, структур и пр., поскольку вне адаптации исключена возможность существования самого общества, согласно приведенному выше определению последнего.

Кризисы адаптации в условиях крупных модернизационных перемен свидетельствуют о подрыве систем экономического, социокультурного и духовного воспроизводства нынешних поколений, а значит, способны похоронить любые мечты о стабильности и устойчивости движения данного общества.

Во-вторых, поскольку устойчивость роста представляет собой совокупность непрерывно «возрастающих», по своим конкретным значениям, параметров, сохраняющих связность, т. е. некоторую формально трудно фиксируемую взаимозависимость, то и движение модернизирующегося общества от «плохого» (некачественного, малоэффективного, отсталого, примитивного и пр.) «к хорошему» (качественному, высокоэффективному, передовому, сложному и пр.) не должно идти через «ужасное» — коллапс, разрушение, откат назад по каким-либо позициям.

В качестве примера движения от «плохого» к «хорошему» без промежуточного пункта под названием «ужасное» обратимся к старинной практике строительства новых домов в деревнях России, сохраняющейся по сию пору. Когда возникает потребность возвести новый большой дом на месте старого, то строительство нового дома начинают вести поверх старого таким образом, что старый дом во время строительства оказывается внутри строящегося нового, что дает возможность сельской семье продолжать проживать в нем, вести привычный образ жизни, никуда не съезжая. По завершении строительства старый сруб разбирают и семья оказывается на старом месте в новом доме. Такого рода строи-

тельная идеология выглядит заманчивой и для обществ, осуществляющих модернизационные преобразования.

Процесс *адаптации* в модернизирующихся обществах также не должен представлять собой череду адаптивных кризисов, социальных травм и шоковых состояний субъекта адаптации, т. е. вести его от «плохого» — дезадаптации (напряжение и дисгармония со средой, невозможность достигать целей в конкретных условиях «устаревшей» среды, рассогласованность интерпретативной картины мира и объективной социальной реальности и пр.) к «хорошему» — адаптации (гармония со средой, возможность достигать целей в конкретных условиях среды, согласованность интерпретативной картины мира субъекта и объективной социальной реальности и пр.) через «ужасное» (кровь, голод, психодрамы, разрушения, суицид и пр.).

В-третьих, стабильность и устойчивость модернизационного роста общества означает, что оно способно решать сегодняшние задачи, не причиняя ущерба будущим поколениям, т. е. не ставя под угрозу реализацию их материальных, социокультурных и духовных интересов, в том числе приспособительного характера, не ограничивая репертуар средств и способов их будущих адаптаций через уничтожение невозпроизводимых уникальных био- и георесурсов. Тезис этот при всей своей простоте и очевидности не инкорпорирован сегодня в систему миропредставлений политических, экономических и управленческих элит. Надежными носителями этой мудрости обычно выступали и выступают представители «народной культуры» ряда современных цивилизаций — малочисленные народности российского Севера, индейские племена Северной и Южной Америки, многие африканские народы и пр., т. е. в первую очередь те, чья социальная и хозяйственная жизнь находилась и находится в гармоничном единстве с природой, разворачивается на лоне природных ландшафтов и в полной мере определяется ими.

Уместно вспомнить, что Зигмунд Фрейд в своих исследованиях цивилизации, катастроф и прогресса пришел к трагическому заключению, что прогресс и катастрофа — две стороны одной медали. Прогресс непреодолим, неостановим и давно уже превзошел порог инстинкта самосохранения человечества. За этим порогом человечество поджидают настоящие и будущие космические, техногенные, экологические и другие катастрофы. Это обстоятельство делает проблематичной саму возможность учитывать и гарантировать соблюдение интересов настоящих и будущих поколений, обеспечить устойчивость развития. Для того чтобы избежать угроз и рисков грядущих катастроф, человечеству придется неизменно подстраховывать (обуздывать?) и непрестанно контролировать свою неизбывную тягу к прогрессу.

В-четвертых, стабильность, и устойчивость роста обеспечивается, гарантируется, подкрепляется и сопровождается постоянным наращива-

нием адаптивного ресурса (потенциала) общества. В этой связи следует вспомнить известный постулат Парсонса, увязывающий общественный прогресс с повышением адаптивной способности общества, причем последняя выступает в качестве мерила общественного развития. Согласно Парсонсу, развитие человеческих обществ неизбежно идет по линии все возрастающей адаптивной способности. Чем выше ступенька, на которой стоит конкретное общество, тем шире становится спектр социокультурных образцов, которыми оно владеет для обеспечения своего выживания, для адекватного ответа на вызовы времени, изменения среды и пр. [Парсонс, 2000]. Расширение спектра социокультурных образцов связано с технологическими прорывами, научными открытиями и достижениями в самых разных областях знания — физике, химии, математике, информатике, биологии, политике, экономике, медицине, экологии и т. д.

Т. Парсонс строит свою теорию все возрастающей адаптивной способности человеческого сообщества, убедительно иллюстрируя ее всем ходом мировой истории. Первоосновой этого процесса выступает, по его мнению, все расширяющаяся во времени дифференциация и специализация экономических и социальных институтов. В исторической вертикали, рассмотренная в границах крупных исторических периодов, адаптивная способность человеческого сообщества несомненно неизменно возрастала. Эта общая тенденция пробивала себе дорогу через разного рода драматические отклонения и отрицания — уход с исторической арены большого числа обществ и государств, постепенно (или вдруг) утративших способность адаптации к новым вызовам времени. Подобные факты лишают нас слепого исторического оптимизма, веры в фатальную неизбежность желаемого — непременного наращивания адаптивного потенциала, всепобеждающей адаптивной способности человека и общества.

Мы поставили пункт о наращивании адаптивных ресурсов человеческого сообщества на четвертое место не по значимости, а по причине композиционной необходимости структурирования текста, поскольку далее вниманию читателя будет предложена более детальная характеристика понятий адаптивный потенциал и адаптивный капитал, столь актуальных для модернизирующегося российского общества. Таким образом, настоящий пункт является логическим мостиком к следующему параграфу.

Адаптивный потенциал и адаптивный капитал как операциональные социологические категории

Адаптивный потенциал — слабо разработанная в социологии научная категория. Тем не менее она обладает мощным эвристическим зарядом и способна, в частности, указать некий ориентир к переходу от концептуальных рассуждений к конкретным операциональным процедурам, критериям, оценкам и измерениям, до которых, правда, и науке, и общественной практике еще очень далеко. Она означает степень «мощности»

(меру способности) субъекта в отношении возможных адаптаций и представляет собой совокупность свойств, качеств, характеристик (ресурсов), существующих у адаптанта в скрытом виде и «задействуемых» (актуализируемых) им в ходе адаптации. Адаптивный потенциал имеет две важные «разнонаправленные» составляющие: способность к сопротивлению среде с последующей перестройкой среды «под себя» (экстериоризации) и способности быть ассимилированным средой с последующим поглощением ею (интериоризации) [Корель, 2005. С. 401—402]. И в том, и в другом случае мы будем свидетелями одного и того же процесса — адаптации. Правда, в одном случае работает адаптивный механизм экстериоризации, в другом — интериоризации.

Надо ли говорить, что соотношение этих двух составляющих не является константной величиной, а варьирует в разных диапазонах как (1) у разных субъектов, находящихся в одной адаптивной ситуации, так и (2) у одного и того же субъекта, переживающего в течение своей жизни разные адаптивные события.

Приведем примеры, раскрывающие суть первой позиции. Организаторы и участники всевозможных модернизационных (революционных, инновационных) начинаний, преобразований и переворотов являются зачастую легко узнаваемыми знаковыми фигурами адаптирующихся субъектов (индивидуальных или корпоративных акторов, систем, обществ), переделывающих мир «под себя». В то время как субъекты адаптации, принимающие жизнь такой, каковая им навязывается извне, являют собой второй тип — адаптантов-ассимилянтов. Приведем и другой пример. Известно, что люди, попавшие в исправительную зону, поразному начинают вести себя там: одни сразу и полностью принимают существующие порядки, язык, символы, отношения доминирования, негласную социальную иерархию, установленную «ворами в законе», другие, напротив, способны переломить эту иерархию, разрушить устоявшиеся структуры межличностных отношений, переменить правила игры, подчинив и то, и другое, и третье своим интересам.

Заметим, что деление адаптантов на тех, кто преобразует среду — экстериоризирует ее, и тех, кто ее ассимилирует — интериоризирует в ходе адаптации, не является постоянным, абсолютным и окончательным. Все определяется ситуацией. Многообразие адаптивных ситуаций побуждает адаптирующегося субъекта в одних случаях использовать модель экстериоризации, в других — интериоризации. Хотя теоретически, видимо, возможно существование двух полярных типов — тех, кто во всех адаптивных ситуациях предпочитает придерживаться стратегии экстериоризации — навязывания внешнему миру своих условий, и тех, кто, напротив, придерживается стратегии интериоризации — включения в среду через усвоение ее особенностей, ценностей, смыслов, символов, знаков, правил и пр. Так, Наполеон Бонапарт, наверное, мог бы быть причислен к первой группе, поскольку был харизматичен, авторитарен, деспотичен и не только обустроивал свою жизнь «по своему хотению», но и переделывал общественную и политическую жизнь Европы соглас-

но своим представлениям, идеям и принципам, демонстрируя тем самым экстериоризационную модель поведения. Однако большую власть над ним имела его жена Жозефина, к рекомендациям и желаниям которой он неизменно прислушивался (интериоризировал их). Наверное, каждый из нас в своей жизни не раз имел возможность наблюдать такие семьи, главы которых имели неограниченную власть на возглавляемых ими предприятиях, однако в приватном кругу ими уже командовали и заставляли приспособляться к тому, что пожелают, уже другие — их малолетние дети и внуки.

Или другой исторический сюжет на эту тему. Обратимся к страницам русской истории. Вот что пишет Н. Костомаров об Александре Невском, успешно разбившем шведов, но покорившемся монгольским завоевателям.

«Александр мог оружием переведаться с западными врагами и остановить их покушения овладеть северную Русью, но не мог он с теми средствами действовать против восточных врагов. Западные враги только намеревались покорить северную Русь, а восточные уже успели покорить прочие русские земли, опустошить и обезлюдить их. При малочисленности, нищете и разрозненности остатков тогдашнего русского населения в восточных землях нельзя было и думать о том, чтобы выбиться оружием из-под власти монголов. Надо было избрать другие пути. Руси предстояла другая историческая дорога, для русских политических людей — другие идеалы. Оставалось отдаться на великодушие победителей, кланяться им, признать себя их рабами и тем самым, как для себя, так и для своих потомков, усвоить рабские свойства. Это было тем легче, что монголы, безжалостно истреблявшие все, что им сопротивлялось, были довольно великодушны и снисходительны к покорным. Александр, как передовой человек своего века, понял этот путь и вступил на него. Еще его отец Ярослав отправился в Орду, но не воротился оттуда» [Костомаров, 2006. С. 82—83].

Частным случаем более общего понятия — адаптивный потенциал является другое понятие — адаптивный капитал, совсем не разработанное в современной социологии, однако крайне важное как для политиков, определяющих модернизационную стратегию развития, так и для ученых, исследующих модернизационный процесс.

Под адаптивным капиталом здесь и далее будем понимать репертуар фактических, потенциальных и виртуальных (могущих или должных проявиться при определенных условиях) ресурсов и активов, который обеспечивает не только выживание (гомеостазис), но и развитие (гомеорезис) адаптирующихся социальных систем (единиц, образований) в меняющихся условиях.

Отметим, что понятие адаптивный потенциал — весьма общее по своей природе; оно предполагает лишь некоторую потенцию (потенциальную способность) к приспособливанию, не выдвигая к субъекту адаптации требований и претензий относительно обязательного достижения *полной адаптации* как состояния гомеостазиса или, более того, гомеорезиса системы. Иное дело понятие «адаптивный капитал», оно акцентирует момент обязательного развития, т. е. гомеорезиса адаптив-

рующей системы, что представляется исключительно важным для устойчивого развития модернизирующегося российского общества XXI в.

Поскольку, согласно К. Марксу, капиталом является стоимость, приносящая прибавочную стоимость, мы попытались в табл. 5.1, при всей ее условности, дать сжатую характеристику разновидностей социального (общественного) капитала, выделяя в нем экономическую, социальную, культурную, политическую, человеческую составляющие и добавив, в качестве производной, адаптивную составляющую. Примечательно, что капиталы существуют не в безвоздушном пространстве и обладают способностью взаимной конвертации, что неоднократно отмечалось в социологической литературе [Bourdieu, 2001. P. 106; Радаев, 2003. С. 15]. Этот тезис является ключевым для наших дальнейших рассуждений.

В центре внимания в данной таблице находятся, во-первых, специфические ресурсы, лежащие в основе каждого вида капитала, во-вторых, характер прибыли (приращения, «выгоды»), получаемой в ходе «воспроизводственного цикла» конкретного капитала, и, наконец в-третьих, модель (точнее, результат) конвертирования этой прибыли в «адаптивный капитал». И действительно, по сути все разновидности социального капитала — экономического, социального, культурного, политического — в сумме представляют собой не что иное как адаптивный капитал общества (социума) в конкретный исторический период, а значит, в общем случае «задают» границы преобразований, в рамках которых общественные переустройства ведут не к стагнации, тем более не к упадку, а к устойчивому развитию социальной системы без трагических сбоев и катаклизмов.

Как видим, понятие адаптивный капитал является однопорядковым, родственным и во многом релевантным по смыслу таким понятиям, как капитал экономический, социальный, культурный, политический, человеческий и др., во всяком случае, он тесно сопряжен с ними в силу уникальной природы адаптации. Ведь социальной системе для адаптации, как правило, нужны ресурсы и капиталы самого разного профиля — экономические, социальные, культурные, политические, человеческие и т. д., поскольку именно они задействуются и реализуются в ходе адаптации, обеспечивая степень ее успешности. Примечательно, что в ходе адаптации каждый из этих капиталов конвертируется в адаптивный капитал и обеспечивает его наличие и прирост. В свою очередь, прирост адаптивного капитала системы (приспособительной мощи, силы, репертуара средств), реконвертируясь, обеспечивает (гарантирует) приращение всех других видов ее капитала — экономического, социального, политического, культурного, человеческого и пр., поскольку, чем выше уровень адаптивности (последняя напрямую зависит от объема адаптивного капитала. — *Л. К.*) системы, тем более успешно она преодолева-

Виды социетального капитала и адаптация

Вид социетального капитала	Ресурсы и активы (реальные, потенциальные и виртуальные)	Тип прибыли, приращения, прироста, выгоды Вклад в	адаптацию (умножение адаптивного капитала)
Экономический	Материальные (производственное оборудование, здания, сооружения, товары и пр.) и финансовые активы, деньги	и денег	тельности Обеспечение материальными и финансовыми ресурсами
Социальный	Сеть взаимоотношений, существующих между людьми, нормы этих отношений и доверие, т. е. все, что позволяет участникам отношений действовать совместно более эффективно в достижении общих целей [Putnam, 2000]	Социальная выгода, возникающая ввиду того, что все участники отношений действуют более эффективно в достижении общих целей	Укрепление доверия, солидарных начал, взаимопомощи и поддержки, позволяющих повысить уровень успешности (эффективности) адаптаций
Культурный	Материальные (архитектура, тексты, холсты, посуда и пр.), духовные (знания, культурные коды, знаки, символы, идеи, ценности) компоненты, практические навыки и образцы поведения	Приращение культурных благ на базе уже имеющихся, совершенствование поведенческих образцов, развитие системы ценностей	Расширение, обогащение и обновление адаптивного репертуара — набора способов, средств и инструментов адаптации
Политический	Власть как возможность реализовывать свою волю, несмотря на сопротивление	Выгода: расширение возможностей контроля над средой, доступа к информации и пр. благам	Наделение способностью при помощи властных рычагов вмешиваться в ход событий, чтобы изменить их в своих интересах (экстериоризировать)
Человеческий	Ресурсы: генетические, психофизиологические, интеллектуальные, эмоциональные, аксиологические, символические (знания), духовные и пр. Прибыль в форме товаров	Выгода: расширение возможностей контроля над средой, доступа к разного рода благам и созидательной дея-	Обогащение и расширение адаптивного репертуара через развитие и совершенствование человеческого капитала в ходе созидательной деятельности

Примечание. Частично использованы материалы статей: Радаев В. В. Понятие капитала, формы капитала и их конвертация// ОНС. 2003. №2. С. 3—16; Стрельникова Л. В. Социальный капитал: типология зарубежных подходов// Там же. 2003. №2. С. 33—41; Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N. Y., 2000; Bourdieu P. Forms of Capital// The Sociology of Economic Life. Boulder, 2001.

ет новые вызовы времени в экономической, социальной, культурной, политической и др. сферах, открывая эксклюзивные возможности и перспективы для наращивания, совершенствования и развития специфических ресурсов и активов (капиталов) каждой из данных сфер.

Уроки российской модернизации или архитекторы преобразований в модернизационном поле России

Социальная драма последних десятилетий разыгралась в России потому, что на старте радикального модернизационного переустройства общества архитекторы преобразований, занимая в большинстве своем значимые государственные посты, во-первых, руководствовались принципом примата частных интересов перед общественными, что является атрибутивной характеристикой обществ с низким социальным капиталом (отсутствие доверия между взаимодействующими индивидуальными и корпоративными субъектами, солидарных начал, осознания необходимости инкорпорирования общественных интересов и пр.); в результате страна оказалась разграблена и разорена самими же архитекторами преобразований и их ближним кругом.

Во-вторых, архитекторами преобразований не были четко отрефлексированы и соотнесены между собой объемы ожидаемых преобразований и реальные величины адаптивного капитала социальных групп, требуемого для обеспечения устойчивого поступательного развития страны. Адаптивного капитала оказалось явно недостаточно для реализации столь масштабного амбициозного модернизационного эксперимента — перехода России к стадии кристаллизации модернити, разворачивающегося на фоне крупных экономических и политических преобразований всего общественного уклада жизни. Одновременно игнорировалось и критическое состояние важнейшего фактора развития — социального капитала общества.

Неудачи реформирования мотивировали архитекторов преобразований к выработке стратегии самозащиты. Слабо осведомленные о законах и механизмах адаптации социальных систем, в качестве «охранной грамоты» (в целях самозащиты) они прибегли к рассуждениям о неизбежности разного рода жертв: «пролития крови», тотального обеднения народа и прочих социальных бед, для него уготованных. Сами же архитекторы-реформаторы, находясь «у руля», де-факто оказались в политическом и правовом отношении самой защищенной, а в экономическом — самой процветающей частью общества, подтверждая истинность правила «кому война, а кому мать родна».

Не удивительно, что средства масс-медиа в такие периоды активно вбрасывают в информационное поле и тиражируют спасительную идею об обязательных жертвах, сопутствующих крупным преобразованиям, призывы «терпеть» во искупление исторических грехов, поскольку иного не дано. Сентенции эти сродни религиозной практике разного рода

жертвоприношений, укорененной в длинном ряду священнодействий многих конфессий и отдельных мировых религий как далекого прошлого, так и сегодняшних. Думается, что эта спасительная идея в автоматическом режиме извлекается не иначе, как из глубин коллективного бессознательного. (Невольно вспоминаются настойчивые призывы П. Бурдьё к социологии «пролить свет на структуры национального культурного бессознательного» [Бурдьё, 2007. С. 50].)

Аналогию с религией можно продолжить, и это действие проливает свет на весьма потаенные стороны модернизации «сверху», т. е. управляемой модернизации. Если взглядеться внимательнее в тексты Пьера Бурдьё, мы увидим, что формирование «поля модернизации» оказывается сродни формированию «поля религии». И то, и другое является «результатом монополизации корпорацией специализированных служителей», в одном случае — «культы права сношения со сверхчувственным миром», в другом — «культы права выбора (детерминации) высшей идеологии, целей и стратегии модернизации. Эти служители получают (добиваются, достигают через конкуренцию либо наследуют) социальное признание в качестве эксклюзивных носителей специфической компетенции, необходимой для производства специально организованной совокупности в случае религии — тайных (а значит, редких, скрытых) знаний, в случае модернизационных преобразований — эксклюзивной информации, эксклюзивного права выбора важнейших управленческих решений и эксклюзивного контроля над ситуацией. Данный процесс объективно связан в обоих случаях с «исключением» особого рода из этих двух пространств (религиозного и модернизационного) всех тех, кто наделяется статусом обычного гражданина, человека, мирянина, т. е. профана, лишённого в одном случае религиозного, в другом — управленческо-информационного капитала, и признающего законность этой экспроприации, поскольку либо не замечает ее как таковую, либо не видит легитимных каналов, способов, путей ее устранения [Бурдьё, 2007. С. 19—20]. По сути дела мы встречаемся здесь с феноменом отчуждения больших масс населения от контроля над ситуацией, от понимания глубинной сути и смысла проводимой элитами политики, что является косвенной причиной упрощения и примитивизации жизненных установок и стандартов поведения многих групп. (См. ниже главу 10 «Механизм отчуждения от духовности в модернизирующемся российском обществе».)

В кризисных ситуациях, вызванных тактическими и стратегическими ошибками курса модернизации, архитекторы модернизационных преобразований для удержания своих позиций во власти прибегают к старым изведенным способам дезавуирования подлинного смысла происходящего: «валят с большой головы на здоровую», кричат: «держи вора» и пр. Они также прилагают недюжинные усилия, чтобы вызвать у основной части общества «чувство исторической вины» — «а судьи — кто?» — за прошлое (минувшие режимы и политические устройства), за настоящее (неумение быстро освоиться в новых условиях: отказаться от «устаревших» ценностей, этических норм, мировоззрения, мировос-

приятия, социальных практик и пр. в пользу новых, зачастую сомнительного свойства). Дело в том, что носители комплекса исторической вины легко делаются удобными объектами социального и политического манипулирования, превращаются в аморфную массу, не способную ни к рефлексии, ни к активному действию, ни к самозащите. Синдром приобретенной беспомощности провоцирует социальное оцепенение и депрессию.

Так случилось в России в 90-х гг. XX в. В результате преобразований тех лет страна не только не сумела приблизиться к стадии кристаллизации модернити, но и оказалась отброшенной в модернизационном плане далеко в прошлое.

Социетальный капитал и российский модернизационный проект

Российский модернизационный проект начал реализовываться в 90-е гг. прошлого века при крайне низком экономическом капитале общества (неэффективность производства, бедность населения, финансовый кризис, крах банковской системы, международные задолженности и пр.), столь же низком социальном капитале (отсутствие солидарности, доверия и толерантности между индивидуальными и корпоративными акторами, этническими общностями, размытое нормативное пространство, десоциализация, социальная апатия и пассивность, пр.). Низкими были и остальные виды общественного капитала: политического (беспомощность и са-модискредитация власти, устаревшие политические проекты, идеологический кризис, отчуждение народа от органов государственной власти и правосудия, политические анекдоты и пр.), культурного (отсутствие мотивации к производительному труду, ценностные деформации и разрывы, мифологический тип сознания, идеологическое засилье, жесткая цензура, клановая и групповая замкнутость, напряженность и пр.) и человеческого (алкоголизм, наркомания, преступность, генетические и психические деформации, низкая продолжительность жизни и пр.). В этих условиях не могли быть запущены и реализованы социально здоровые институциональные механизмы конвертации социетальных капиталов в капитал адаптивный и, соответственно, институциональные механизмы реконвертации адаптивного капитала в другие разновидности капитала социетального, что привело в 90-е гг. к адаптивному кризису российского социума, российского общества как социетальной системы и отодвинуло начало реализации нового модернизационного проекта.

Важнейшие объективные индикаторы адаптированности населения, каковыми выступают, в частности, показатели смертности, психического здоровья населения, а также уровень преступности, эмиграции и др., позволяют утверждать, что в 1991—2004 гг. значительная часть россиян перманентно находилась в глубоком адаптивном кризисе и стрессе.

Так в 1991—1995 гг. (период коренной ломки социально-экономических и политических институтов, ценностных разрывов и др.) в ответ на шоковую терапию общая заболеваемость психическими расстройствами выросла с 259 до 320 случаев на 100 тыс. населения (причем авторитетнейшие российские профессионалы в области психиатрии, с мировыми именами — Т. Дмитриева и В. Положий — утверждают, что реальные данные носили более драматический характер: действительное число заболевших было выше в 100 раз), число зарегистрированных преступлений — с 1462 до 1860 на 100 тыс. населения (реальный уровень преступности был выше в десятки-сотни раз), кроме того начался цикл «статистического зашкаливания» показателей смертности и эмиграции. Максимальных значений за всю историю России достигли показатели самоубийств.

Грабежи, заказные убийства, проституция, коррупция, подлоги, взятки, «подставы» со стороны партнеров по бизнесу стали нормой социальных, экономических и политических взаимодействий, знакомым символом социальной ситуации в России конца предыдущего и начала нынешнего веков. Неспособность больших социальных групп в российском обществе решать возникшие адаптивные проблемы в правовом и нормативном поле привела к массовому исходу индивидуальных и корпоративных акторов за пределы этих полей, длящемуся по сию пору; а кроме того, к появлению и массовизации в российском обществе нового социального феномена, обозначенного нами как «нормы адаптивного оправдания» [Корель, 2005. С. 134, 400].

Норма адаптивного оправдания — это социокультурные образцы, с помощью которых люди оправдывают осуществление каких-либо запретных желаний и действий адаптивного плана (собственных или чужих), противоречащих существующим моральным нормам, однако необходимых, с точки зрения людей, для выживания в изменившихся условиях. Нормы адаптивного оправдания создаются там и тогда, где и когда в ходе адаптации происходит частое нарушение моральных норм без последующих санкций со стороны ближайшего социального окружения, формальных и неформальных социальных институтов, а нарушение самих этих норм оказывается целесообразным, поскольку обеспечивает поддержание социальной и физической жизнеспособности самого адаптанта.

Обращаясь к первоисточкам этих явлений, следует заметить, что нормативно-правовой нигилизм, присущий «архетипу» российского этноса, уходит корнями в глубь истории, он взращен на почве интуитивного понимания того, что правовые нормы и законы — «от лукавого», поскольку де-факто обслуживают в первую очередь интересы верхов (власть имущих, «богатых», «начальников») и агрессивны по отношению к «простым людям», а потому несправедливы и безнравственны по своей сути. (И, действительно, во все времена на Руси пирамида правовой защищенности была копией, опрокинутой с ног на голову, иерархической пирамиды

власти и богатства социальных групп.) Помимо этого большое разнообразие жизненных укладов, вызванное существованием российского этноса в границах огромнейшей территории с разными географическими и природно-климатическими условиями, уникальными социально-хозяйственными и культурно-историческими практиками делало проблематичным прописывание основных универсальных законов общего назначения — единых, равно действенных и актуальных для столь разнообразных жизненных укладов. Значительная сфера социального регламентировалась и контролировалась религией, местными, партикулярными обычаями, нравами, порядками, установившимися в границах той или иной конкретной территориальной, религиозной, национальной или какой-либо иной общности (например, поморы, староверы, казаки и пр.), что инициировало мысль об относительности самих норм, правил и законов.

Отсюда три важных социально-правовых следствия. *Во-первых*, присущие русскому человеку активные бесконечные поиски «правды—истины» за чертой закона в пространстве личностных нравственных императивов, представлений и смыслов. Не удивительно, что то тут, то там мы встречаем в исторической ретроспективе России «русский бунт — бессмысленный и беспощадный». *Во-вторых*, образование устойчивого сложно сегментированного поля социальных норм, правил, установлений и символов, господствующих на тех или иных территориях, в тех или иных социальных сословиях, слоях и группах вместо единого и универсального. В качестве позитивного приведу такой уникальный пример. Известен исторический факт, что русское купечество второй половины

XIX в. избегало формализации в торгово-промышленных делах и нередко заключало важные сделки «на словах», не прибегая к разного рода распискам и контрактам, этого было достаточно, нарушивший слово оказывался в жесткой социальной изоляции со стороны купечества, а потому вынужден был закрывать свое дело и уходить в другие сферы хозяйственной жизни. К сожалению, эта норма доверия между взаимодействующими субъектами, номинированная в

XX в. как «социальный капитал», не прижилась в других социальных сегментах российского общества, а в конечном счете была разрушена с приходом Октябрьской революции. *В-третьих*, культивируемое православием всепрощение и принцип «не судите и не судимы будьте», народной культурой — вековая мудрость «от тюрьмы да от сумы не зарекайся», доброжелательность и сердечность к беглым заключенным — «хлебом кормили крестьянки меня, парни давали махорку» (известная русская песня о беглом каторжанине), светской культурой — «милость к падшим призывал» исторически вырабатывали в социальном генокоде народа известную терпимость и снисходительность к разного рода девиациям экстремального толка, «к заблудшим овцам».

Однако вернемся к реалиям конца XX—начала XXI вв. и для проникновения в суть психики российских масс последнего десятилетия XX в. обратимся к учению З. Фрейда о взаимосвязи Оно и Я. Прибегнем к цитате «Я является той частью Оно, которая модифицировалась благодаря близости и влиянию внешнего мира, приспособлена к восприятию раздражений и защите от них, может быть сравнима с корковым слоем, которой окружен комочек живой субстанции. Отношение к

внешнему миру для Я стало решающим, оно взяло на себя задачу представлять его (Внешний мир. — Л. К.) для блага Оно, которое в слепом стремлении к удовлетворению влечений, не считаясь с этой сверхсильной внешней властью, не смогло бы избежать уничтожения. Выполняя эту функцию, Я должно наблюдать за внешним миром, откладывая в следах своих восприятий правильный его образ, путем проверки реальностью удалить из этой картины внешнего мира все добавления, идущие от внутренних источников возбуждения. По поручению Оно Я владеет подходами к моторике, но между потребностью и действием оно делает отсрочку для мыслительной работы, во время которой использует остатки воспоминаний из опыта. Таким образом, принцип удовольствия, который неограниченно правит ходом процессов в Оно, оказывается низвергнутым с трона и заменяется принципом реальности, который обещает больше надежности и успеха. Пользуясь популярными выражениями, можно сказать, что Я в душевной жизни представляет здравый смысл и благоразумие, а Оно — неукротимые страсти» (Курсив наш. — Л. К.) [Фрейд, 1991. С. 346—347]. Иными словами, именно Я обеспечивает приспособленность личности к условиям среды, наблюдает за характером изменений во внешнем мире, откладывает в следах своих восприятий правильный его образ, постоянно проводя сверку этого образа с реальной картиной мира. В свете рассуждений такого рода становится понятным, что в эпохи радикальных ценностных перемен, сопровождаемых аномией, «реальная картина мира» размывается, Я оказывается в состоянии подавленности и растерянности, поскольку не получает адекватные сигналы из внешнего мира — последние имеют вид хаотических, неопределенных, бессистемных, противоречивых требований. Эту ситуацию Оно использует в своих интересах. Ощущая слабость и растерянность Я, Оно усиливает давление из глубин душевной жизни, «изнутри» на Я. В результате «корковый слой, которым окружен комочек живой субстанции» (т. е. Я) разрушается, дает брешь, и Оно «из недр души» выливается наружу, захватывая все новые бастионы Я, в результате чего часть Я вновь «превращается» в Оно (бессознательные инстинкты). Иными словами Оно торжествует: ему удается совершить успешную агрессивную экспансию по отношению к Я.

Думается, что именно поэтому в быстро реформирующихся обществах, т. е. таких, в которых преобразования осуществляются не только без оглядки, но и вопреки доминирующим ценностям и традиционной культуре, человек зачастую превращается в животное худшего толка — наступает падение морали и нравственности, разврат и преступность правят бал. Этот тезис является аргументом в пользу эволюционных в противовес революционным преобразованиям и предъясняет жесткие

требования к характеру проведения любых трансформаций, в том числе и модернизационного плана.

Таким образом, З. Фрейд, удивительным образом углубляя учение Дюркгейма об аномии, убедительно и по-новому объясняет устройство механизма «падения нравов» в эпоху крупных перемен. Хотя тезис о преимуществах эволюционного развития давно стал очевиден для просвещенных масс и политиков, тем не менее обращение к фрейдовской теории личности позволяет обнаружить и объяснить новые аргументы в его защиту.

Итак, все описанные выше явления, процессы и нормы вызвали существенное понижение уровня социального капитала (доверия) в обществе, и без того бывшего низким. В то же время именно этот капитал — социальный — вполне обоснованно рассматривается рядом ведущих социологов мира как основа и экономического процветания, и демократизации любого модернизирующегося общества, т. е. является первичным по отношению к экономическому и политическому капиталу. В обществах же с низким уровнем социального капитала (доверия) государственная регламентация хотя и способна поддерживать хозяйственную эффективность, но не способна привести к позитивным переменам в социальном целом (см., например, [Фукуяма, 1999. С. 123—162]).

В 1996—1999 гг. (период фактической «легитимизации» криминальной приватизации, осознания большинством населения необратимости свершившихся перемен, «дефолт» и пр.) психическое здоровье населения продолжало ухудшаться: в 1999 г. — 375 случаев заболеваний на 100 тыс. населения, преступность же достигла максимального значения — 2052 случаев на 100 тыс. населения. Аналогичные тенденции наблюдались с показателями смертности и эмиграции. Социальный капитал как выражение доверия в обществе (к власти, к партнерам и пр.) продолжал сдавать позиции.

В 2000—2004 гг. (период относительной стабилизации экономической и политической ситуации на фоне роста терроризма, продолжающихся военных действий в Чечне и т. д.) кардинального перелома в картине психического здоровья населения, преступности, смертности и эмиграции не происходит, хотя с 2003 г. и начался период некоторого снижения уровня самоубийств в России. (Увы, забегая вперед, замечу, что и в 2007 г. этот показатель продолжал оставаться катастрофическим — в мировом рейтинге Россия занимала по нему трагическое 2-е место.) В целом, объективные статистические данные свидетельствовали о том, что российское общество как социальная система и его население продолжали находиться под тяжелейшим прессом высочайших адаптивных нагрузок, де-факто приблизившихся по своим значениям к критически опасной черте — верхнему абсолютному порогу адаптации, за гранью которого царит роковое пространство тотальных дисфункций, дезинтеграции и распада. Попад в подобное пространство на

один-другой десяток лет, общество навсегда утрачивает возможность существовать в биологическом, антропогенном и социальном качествах.

Напомним, что в социологическом и психологическом дискурсах под верхним абсолютным порогом адаптации (не путать с понятием верхний абсолютный порог адаптивного потенциала!) понимается максимальная величина, граница внешних (со стороны среды) или внутренних (со стороны системы) изменений, за пределами которой социальная система утрачивает возможность адаптации.

Однако России, балансирующей на столь опасной грани, видно, исторически суждено было избежать столь трагического исхода.

Начиная с 2005 г. по настоящее время в целом ситуация начинает очень медленно и постепенно меняться по ряду показателей, в первую очередь экономических, в лучшую сторону: растет ВВП (по его размерам в 2007 г. Россия вошла в семерку самых развитых стран мира), актуализируется демографическая политика, направленная на стимулирование рождаемости (в 2007 г. коэффициент рождаемости достиг максимальной за последние 15 лет величины), в разы увеличивается зарплата участковых врачей-терапевтов и педиатров, а кроме того, врачей скорой помощи, «ответственных» за здоровье населения (в том же 2007 г. коэффициент смертности достиг минимальных, начиная с 1999 г., значений), растут доходы, разворачивается жилищное строительство, ипотечное кредитование жилья, нарастает борьба с коррупцией, причем на самых верхних этажах власти. С 2005 по 2007 г. в 10 раз сократилось число случаев терроризма в стране (2005 г. — 205, 2006 — 130, 2007 — 25). Впервые за многие десятилетия возникает доверие в обществе к высшему символу государственной власти — президенту.

Однако о кардинальных переменах в жизни общества — устойчивых во времени, существенных и позитивных — говорить еще рано. Россия XXI в. живет в ожидании эры стабильности, прогнозируемости внешних и внутренних вызовов, актуализации социального и творческого капитала народов, ее населяющих, созидания и процветания.

глава 6 **Адаптация** **в меняющемся мире:** **от традиции к рациональности**

Вопрос о том, как меняются механизмы и характер адаптации по мере перехода общества от традиционного к современному типу остается неисследованным. Прирост любого научного знания в этой слабо изученной области, помимо теоретического, имеет и большое практическое значение, поскольку трансляция соответствующих идей в те пласты об-

щества, которые принимают ответственные управленческие решения (прежде всего политические элиты), могла бы помочь им отрефлексировать знаковую проблему — ныне слабо осознаваемую — дезадаптивности больших групп населения (социальных структур, общества в целом) к быстро меняющемуся глобализирующемуся миру. И, как результат этой рефлексии, у общества, наконец, возможно бы появился шанс избежать глубочайших социальных потрясений и катаклизмов, снизить градус общественного напряжения — вечных спутников, сопровождающих структурные сдвиги, которыми так богат наш быстроменяющийся современный мир.

Данную научную проблему можно было бы рассматривать, находясь в зоне разных теоретических подходов и научных школ. Мы же попытаемся здесь обратиться к сокровищнице идей М. Вебера, К. Юнга, Г. Беккера, Э. Гидденса, отчасти К. Уилбера и ряда других ученых, содержащей мощный эпистемологический ресурс с точки зрения познания исторической динамики процессов адаптации.

Согласно теории социального действия М. Вебера, магистральной линией общественного развития является ослабление элементов традиционной и аффективной направленности и, одновременно, усиление ценностно-рационального и целерационального начал социального поведения его акторов; причем рационализация социального действия — это тенденция самого исторического процесса. Реально протекающее поведение актора, по М. Веберу, ориентировано, как правило, в соответствии с двумя или более видами действия: в нем имеют место и целерациональные, и ценностно-рациональные, и аффективные, и традиционные моменты. Однако в разных типах обществ те или иные виды действия становятся преобладающими: в традиционных обществах преобладают традиционный и аффективный типы ориентации действия, в индустриальном — целе- и ценностно-рациональный с тенденцией вытеснения второго первым [Вебер, 1990. С. 630].

Адаптивное поведение, являясь в полной мере поведением социальным, может быть подвержено такого же рода типологизации со стороны исследователя, также в реальной исторической практике заключает в себе, в той или иной комбинации, элементы разных типов социального действия, а кроме того, имеет те же самые тренды в исторической вертикали: движение от традиционного типа ориентации к целерациональному. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Традиционные и аффективные адаптации

Следуя в фарватере идей М. Вебера и К. Юнга, можно предположить, что в традиционных обществах адаптация осуществлялась, как правило, в рамках уже существующих праформ, архетипов, а главным образом, традиции — готовых клише, шаблонов и стереотипов адаптивного поведения, т. е. по негласно установленному порядку.

Обратимся к традиции, понимаемой как то, что перешло от одного поколения к другому, что унаследовано от предшествующих поколений [Ожегов, 1994. С. 700]. Такие социальные институты, как обычаи, обряды, неформальные правила и пр., регламентировали трудовое и бытовое поведение людей, предоставляя им «готовые рецепты» для решений не только их обыденных повседневных дел, но и достаточно редких, а то и непредвиденных проблем, предполагающих «адаптивный момент». В разных культурах были свои специфические наработанные способы адаптации к вхождению «во взрослую жизнь», утрате близких, неверности супругов, возникающим хозяйственно-экономическим проблемам, последствиям войн, эпидемий, пожаров и природных катастроф. Например, во Франции в XVI—XVII вв. в крестьянских семьях существовал такой обычай: сын мог привести в дом родителей невесту только тогда, когда его отца или матери уже не было в живых. Две семьи не могли сидеть на одном земельном наделе — иначе не выжить. Поэтому крестьяне конца средневековья поздно женятся и поздно обзаводятся детьми [Всемирная история., 1994].

Общим же для всех народов и наиболее универсальным традиционным способом адаптации к неблагоприятным обстоятельствам (истощение земель, охотничьих угодий, золотых запасов, награбленных в ходе завоеваний, набеги враждебных племен и др.) издавна являлась миграция — бегство или постепенное перемещение по континентам в поисках лучших мест обитания. Вспомним, например, знаменитое «Великое переселение народов» — передвижение «варваров» из Северного Причерноморья в Причерноморье IV—V вв.; движение в IV в. гуннов (кочевников монгольского и тюркского происхождения из Азии), сперва подчинивших кочевые и полукочевые племена, жившие между нижней Волгой, Доном и Кавказом, в том числе аланов, затем перешедших Дунай и вторгшихся в пределы Римской империи.

Справедливости ради отметим, что, как показывает история, уже в древние времена были исключения из этого общего правила, имели место и иные «не традиционные» модели адаптивного ответа на оскудение мест обитания, земель, охотничьих угодий, лесов, водоемов. Сравним, например, разные модели приспособления (адаптации) народов Шумера и Китая, вызванные увеличением антропогенного давления на окружающую среду. В древнем Шумере от чрезмерного полива произошло засоление почв в низовьях Тигра и Евфрата, урожайность упала. Тогда люди бросили свою землю и ушли с насиженных мест, выражаясь современным научным языком — эмигрировали, рассредоточились по миру. «Культура Шумера рухнула, о ней забыли, и только в 20-х годах прошлого столетия археологи установили существование одной из самых старых земледельческих цивилизаций древнего мира. Китайцы оказались умнее шумеров: когда население возросло и его стало нечем кормить, они научились выращивать рис в чеках, залитых водой, и разводить в них рыбу. Продуктивность земли увеличилась во много раз.

Страна вышла из экологического кризиса, более того, разбогатела, и тогда ярко вспыхнула древнекитайская цивилизация» [Моисеев, 1995. С. 6—7]. И так, в нашем примере шумеры продемонстрировали миру традиционную модель адаптивной реакции «на вызовы среды» (истощение земель), а китайцы — рациональную (о ней мы поговорим ниже).

По мере развития общества и человека, его духовных и эмоциональных начал, его индивидуализации (отделение себя от общности) в адаптивном поведении все чаще стали возникать протестные элементы, направленные против традиции или идущие в обход ее, и одновременно усиливаться моменты аффективности — в данном случае избирательности и предпочтительности того или иного варианта адаптивного выбора под «давлением» чувств, внутренних импульсов, эмоций, настроений, переживаний (таких как страх, гнев, зависть, ревность, любовь, воодушевление, гордость, мстительность, почтение, преданность, различные стремления и т. д.). Иными словами, человек все чаще стал сам делать свой выбор, освобождаясь от традиции, а основу его зарождающейся избирательности составляла возникшая потребность прислушивания к внутреннему голосу чувств, сердца, чтобы поступить так, как хочет Самость (самопознание смысла жизни): «хочу — не хочу», «нравится — не нравится».

Напомним, что эмоции характеризуют оценочное отношение индивида к явлениям окружающего мира (в том числе к отдельным условиям, которые способствуют или препятствуют осуществлению деятельности, к конкретным достижениям в ней, к сложившимся и возможным ситуациям и т. д.) и находят свое выражение в знаке (положительный—отрицательный) и модальности (удивление, радость, отвращение, негодование, тревога, печаль и т. д.) [Психология, 1990. С. 461—463].

Вебер использует термин «аффективный», а не «эмоциональный», видимо, для того чтобы обозначить, акцентировать исходную историческую «точку» траектории развития эмоций человеческого сообщества: от неосознанных и неконтролируемых сильных переживаний (аффектов) ко все более осознаваемым и контролируемым. Речь здесь идет о спонтанных реакциях, инстинктивных, бесконтрольных влечениях и эмоциональных порывах, возникающих в подсознании человека, вырывающихся наружу и преодолевающих волю сознания. Эти проявления (аффекты) свойственны не только первобытным людям, чье сознание недостаточно развито, а потому они не готовы противостоять эмоциональным порывам, но и представителям более позднего исторического периода — аграрного общества, а, кроме того, современным цивилизованным людям, которые должны понимать силу своих инстинктивных влечений и свою слабость перед эмоциями, автономно возникающими в их подсознании. По мнению А. Яффе (ученицы К. Юнга), увы, но и для цивилизованного человека весьма «велик риск того, что из подсознания вырвется и пределает свою смертоносную работу негативный импульс,

преодолевший волю сознания» [Яффе, 2002. С. 211]. Однако рациональные начала, рефлексия, расширяют спектр способов и средств самоконтроля, что делает современного человека, по сравнению с представителями минувших поколений, более свободным и более «защищенным» от тех необузданных эмоциональных порывов, которые уходят корнями в личностное и коллективное бессознательное.

Ценностно-рациональные адаптации

Позднее в стадии «эмбрионального развития» модернизи, растянувшейся на несколько столетий и предшествующей начальному этапу модернизации, датируемому концом XVIII в. (годами Первой промышленной революции в Англии), на авансцене истории стали появляться, а позднее закрепляться в качестве социально типических ценностно-ориентированные модели адаптивного поведения. Их распространение связано с ростом влияния мировых религий, обусловленным экспансией города; это способствовало преодолению пространственной рассредоточенности сельского населения, затрудняющей экономический и символический обмен, осознанию коллективных интересов, ценностей и норм (К. Маркс, П. Бурдьё), общему росту просвещенности, образованности и духовности людей, а помимо религиозных корней, уходящих в толщу веков, опиралось на духовные достижения великих эпох Возрождения, Научной революции и Просвещения.

Ценностно-рациональные адаптации «основаны на вере в безусловную — эстетическую, этическую, религиозную или любую другую — *самодовлеющую* ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет» [Вебер. С. 628]. «Чисто ценностно-рационально действует тот, кто, невзирая на последствия, следует своим убеждениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных предпочтениях, благочестии или важности предмета любого рода» [Там же. С. 629].

Ценностно-рациональные адаптации имеют для достижения адаптивного успеха одно существенное ограничение — господствующие в культуре (субкультуре) и интериоризированные актором ценности и нормы. Они почти всегда ограничивают арсенал возможных средств и способов достижения адаптивной цели (гармонизация отношений с внешним миром, умение ставить цели и достигать их в каких-либо конкретных условиях), а кроме того, способны корректировать и саму адаптивную цель, т. е. задают жестко ограниченный адаптивный коридор.

Ценностно-рациональные адаптации всегда подчинены заповедям или требованиям, в следовании которым видит свой долг субъект адаптивного процесса. Так, свыше двух тысячелетий в христианском мире как минимум семь библейских заповедей (из десяти) очерчивают нормативное пространство допустимых моделей социального поведения, в том числе адаптивного плана, поскольку содержат императив, обяза-

вающий, чтобы способ выживания «в земной юдоли» не противоречил непреложным правилам. Вспомним их: 2. «Не сотвори себе кумира, и всякаго подобия.», 5. «Чти отца твоего и мать твою.», 6. «Не убий», 7. «Не прелюбы сотвори», 8. «Не укради», 9. «Не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна», 10. «Не пожелай жены искренняго твоего, не пожелай дому ближнего твоего».

Сами же ценности — богатство, власть, красота, свобода, знание, честь, достоинство, искусство, информация, общение, путешествия, самореализация, спасение души, аскеза, здоровье, семья и пр., — их актуальный набор, приоритеты и иерархия в веках и историях разных народов оказывались весьма динамичными и многогранными в своих существенных чертах и проявлениях, что позволило социологам сделать заключение об отсутствии в историческом контексте «трансцендентального рационального базиса ценностей» [Гидденс, 1999. С. 108].

Данный класс адаптаций представлен сегодня, в том числе, во многих цивилизованных странах мира, переживающих или завершающих стадию кристаллизации модерни, однако время его уходит.

Распространение ценностно-рациональной модели адаптации в границах какого-либо конкретного общества не является тотальным, оно охватывает те или иные социальные группы в большей или меньшей степени, поскольку одновременно имеют распространение и другие адаптивные модели, т. е. общество неизбежно оказывается дифференцированным (стратифицированным) и по данному основанию. Кроме того, ценностно-рациональные модели адаптации имеют спецификации, обусловленные разным уровнем интериоризации и «преданности» определенному типу ценностей тех или иных социальных групп, даже если эти ценности и носят в конкретном обществе так называемый всеобщий характер. Помимо общекультурных ценностей отдельные социальные группы выступают носителями эксклюзивных (порой альтернативных) ценностей, обусловленных существованием в обществе различных суб- и контркультур. И первые, и вторые, и третьи — очерчивают специфические адаптивные коридоры для своих агентов.

Ценностно-рациональное адаптивное поведение человека (актера) имеет двойственную направленность. Во-первых, оно всегда устремлено к сохранению (сбережению) некоей ценности, весьма важной для него по каким-либо причинам (богатство, слава, власть, свобода, достоинство, спокойная совесть, исполнение священного долга и пр.). Во-вторых, оно ориентировано на максимальный успех «выживания», поскольку в каждом человеке заложены ответственные за этот процесс: а) биологическая программа в виде природных инстинктов; б) структуры подсознания, в том числе, коллективное бессознательное, включающее в себя архетипы, т. е. древние фундаментальные структуры, составляющие социальный генокод, сформированный множеством предшествующих поколений в ходе их адаптаций и, наконец; в) рациональные, в противовес иррациональным, начала.

Рациональность человека проявляется в навыках мышления практического — постановка целей, нахождение средств их достижения, выработка планов, проектов и пр., мышления репродуктивного — применение готовых знаний и умений и мышления творческого — создание новообразований и инноваций, касающихся мотиваций, оценок и смыслов, образцов поведения, разного рода материальных и духовных благ. Рациональность отдельного человека, как и всего общественного уклада жизни, дает возможность оценивать ситуацию и свои шансы на успех, формулировать (и обновлять) цели, находить (и обновлять) средства их достижения и, наконец, достигать этих целей.

Понятно, что в определенных «идеальных» ситуациях векторы этих направленностей — ценностных и рациональных — могут совпадать абсолютно. Это возможно в том случае, когда внутренние диспозиции и установки актора (человека) окажутся максимально приближены к условиям, ожиданиям и требованиям изменившегося мира. Иными словами, произошедшие во внешнем мире изменения будут не противоречить имеющимся у человека ценностям, а наоборот, развивать и подпитывать их, раскрывать их внутренний потенциал и таким образом стимулировать их направленность («работу») в нужное русло.

Но может иметь место и альтернативная ситуация, когда адаптивный успех («выживание») обеспечивается только в случае полного или частичного отказа от ценностей. Такого рода адаптивные диссонансы чреватые, как правило, весьма неблагоприятными исходами. (Речь здесь идет о глубинных ценностях, действительно присущих человеку, а не о тех, которые он декларирует на вербальном уровне, либо пребывая в состоянии искреннего самообмана и самозаблуждения из-за несовершенной поверхностной саморефлексии, либо сознательно прибегая к лжи и мимикрии, вводя в заблуждение окружающий мир.) Ситуация разрешается либо ценой полной или частичной утраты ценностей — отсюда разного рода сбои, надломы и разломы в ценностной системе, утрата жизненных целей, фрустрация, либо (при сбережении ценностей) — кризисом адаптации как таковой при «сохраненном» наборе ценностей. Получается нечто в виде амплитуды раскачивающегося маятника: одна ее точка — сохранить ценности, но потерпеть адаптивное фиаско (утратить комфортность существования, полноценную встроенность в среду и пр.), вторая — адаптироваться, но поменять ценности в интересах «целесообразности».

В качестве примера обратимся к российскому социальному контексту. Жизненные судьбы первой группы — т. е. тех, для кого приоритетом в дуальности ценностность—рациональность выступила ценность, — показывают, что именно эти люди расплатились за свою неадаптивность к постсоветской России психическим и физическим здоровьем и, наконец, годами самой жизни, являющейся во все века одной из наивысших ценностей (наряду с честью, добром, любовью). Это подтверждает широко известный ныне в странах СНГ феномен высокой

смертности как результата неадаптивности населения к неумело проводимым модернизационным преобразованиям. Хотя одна часть населения вынужденно поменяла поведение, но не поменяла ценности (прецедент адаптивного диссонанса или адаптивной асимметрии), а другой удалось найти социальные ниши и не поменять ни того, ни другого, — исход для данной социальной группы получился по сути один — социальный и психологический дискомфорт, депрессия, бедность на грани нищенства и неоправданно ранний уход с исторической сцены.

Что касается второй группы — т. е. тех, для кого приоритетом в рассматриваемой выше дуальности выступала рациональность, — то им выпало три дороги. 1. Искренний и глубокий пересмотр жизненных ценностей, отказ от прежних ценностей, взглядов на общественное развитие, на историю России, предполагающие порой длительную внутреннюю интеллектуальную и духовную работу. Она завершается интериоризацией новых ценностей, новых «условий игры», признанием прошлых взглядов и ценностей в качестве ошибочных. 2. Сознательный самообман, рационализация предательства прежних ценностей: «тогда я верил в одни ценности, а сейчас верю в другие, потому что время пришло другое», «время такое было, надо было подстраиваться, иначе не проживешь» и пр., — этот путь короче и психологически легче первого. 3. И, наконец, феномен легкой, почти мгновенной смены ценностей, затронувший значительную часть постсоветского общества, В. Э. Шляпентох назвал его «сменой кассет».

Репрезентативных социологических обследований по соотношению представительности этих трех данных групп в постсоветской России не проводилось, однако среди большого числа чиновников, партработников, ученых-обществоведов и прочих «бойцов» идеологического фронта доперестроечной России третья модель «рациональности» оказалась, по всей видимости, наиболее массовой.

Обратимся к трудам В. Э. Шляпентоха, объяснившего феномен быстрой «смены» ценностей на примере советской и постсоветской эпох следующим образом: «Именно тогда, наблюдая мгновенную, буквально мгновенную (есть английское слово “overnight” — “за одну ночь”) идейную трансформацию многих людей, я понял, как не правы те, кто оценивает сознание как непротиворечивую систему, которая базируется на глубинных ценностных ориентациях человека и которая так же устойчива, как гены. В действительности, размышлял я тогда, сознание обладает набором идеологических “кассет”, которые пускаются в ход, как только индивидуум попадает в новую ситуацию. За один день мои знакомые заменили одну “кассету”, которую они использовали для демонстрации своих либеральных взглядов (поддержка “пражской весны”, либеральных реформ в стране, самиздата, бардов), другой: стали рассуждать об опасности ревизионизма, идеологических диверсий с помощью самиздата и бардов, об угрозе социализму и интересам СССР в Чехословакии. Много лет спустя я наблюдал новую массовую смену “кассет” в

Москве. На этот раз многие знакомые из убежденных марксистов и членов партии почти с такой же скоростью превратились в яростных антикоммунистов и православных верующих, не признающих ни одного положительного явления в советском обществе или марксизме» [Шляпентох, 2003. С. 175].

Как мне представляется, есть базовые, глубинные ценности, имеющие неизменный, глубокий, имманентно присущий человеку характер, а кроме того, есть и другие ценности — лежащие на поверхности сознания, они легко подвергаются разного рода флуктуациям и взаимопереходам одна в другую. Первые ценности — или ценности первого порядка — это цели-ценности, они составляют ядро личностной структуры, постоянны и сопровождают актора всю его жизнь. Скупец никогда не откажется от богатства, честолюбец — от славы, властолюбец — от власти, трудолюбец — от труда, гедонист — от наслаждений, монах или верующий — от спасения души, служения Господу, воин — от исполнения священного долга служения Родине, родители — от моральных обязанностей перед детьми, дети — от моральных обязанностей перед родителями и т. д. (речь идет здесь об идеальных типах «веберовского толка»).

Достичь же цели-ценности можно лишь посредством ценностей второго порядка, а именно ценностей-средств (норм), т. е. тех ценностей (прежде всего идеологического или мифологического характера), придерживаясь которых и двигаясь в коридорах которых (индивидуализм—коллективизм, традиция—новация, национализм—космополитизм, идеализм—материализм, законопослушность—правовой нигилизм, единомыслие—плюрализм, солидарность—разобщенность, конкуренция—сотрудничество, демократизм—авторитаризм, конформизм—нонконформизм, свобода—порядок, гармонизация отношений с природной средой — агрессия по отношению к природной среде, религиозность—атеизм и пр.), актор только и может достичь собственных целей-ценностей (власть, богатство, наслаждение, слава, труд, спасение души, моральные обязанности и пр.) в данных конкретных исторических условиях. Ценности-средства (нормы) меняются в том случае, если в условиях трансформации внешнего мира они перестают обеспечивать достижение целей—ценностей. Так, например, богатство в тоталитарной России «законным» образом можно было приобрести либо непосредственно работая на идеологическом фронте, служа коммунистической идеологии, либо, занимаясь другой профессией, неизменно декларируя и подтверждая во всеуслышание личную приверженность коммунистическим идеалам. Понятно, что в условиях рынка модель, эксплуатирующая коммунистическую идею, перестала быть гарантом материального благополучия — в этом качестве она сохранила свой ресурс лишь для «избранных» коммунистов-политиков высшего уровня. Приобрести же финансовые капиталы оказалось возможным, лишь отказавшись от коммунистической доктрины и уже эксплуатируя новые идеологические идеи

и образцы либерального и рыночного толка.

Быстрота, мгновенная смена старых ценностей-средств (норм) на новые диаметрально противоположные (альтернативные) стала гарантом успеха в новом обществе. Благодаря этому многие социальные группы, в первую очередь лица идеологического фронта, продолжили свое благоденствие уже в новых условиях. Они не только сохранили свой имущественный и властный статусы, но и преумножили свои богатство и власть в условиях реформы, начав эксплуатировать новые ценности-средства. Для этого понадобилось лишь сменить «кассету», т. е. одни ценности-средства (коллективизм, патриотизм, общественная собственность на средства производства и пр.) заменить на другие (индивидуализм, космополитизм, частная собственность на средства производства и пр.). Их же доминантными целями-ценностями по-прежнему оставались богатство и власть.

История России и других государств не раз предьявляла миру примеры того, как легко этот достаточно массовый тип людей встраивается в любую политическую систему (фашизм, коммунизм, демократия), интериоризирует ее, естественно, на поверхностном уровне, чтобы при случае легко было перестроиться, и для достижения своих доминантных целей транслирует в массы любые ее доктрины, мифы и лозунги.

В то же время многие рядовые коммунисты, целью-ценностью которых действительно выступал патриотизм, труд на благо родины, не смогли сменить ни цели-ценности, ни ценности-средства и быстро стали уходить с исторической арены, находясь в разладе с новыми порядками.

Мне вспоминаются респонденты, которых случилось опрашивать на о. Сахалин во время социологического обследования «Моя жизнь на пороге рынка» в 1992 г., организованного научно-консультационным центром «Мнение» г. Южно-Сахалинск (руководитель Л. П. Кейш). Речь идет в первую очередь о статистически представительной группе мужчин-респондентов пенсионного возраста, которые не могли скрыть слез и плакали, что называется, «в открытую», переживая за судьбу родины, за утрату старых ценностей (коллективизм, бессеребренничество, патриотизм, принцип «человек человеку друг, товарищ и брат», а не волк и пр.), за «пересмотр» взглядов на историю страны, в первую очередь Великую Отечественную войну, забвение трудового подвига народа в послевоенный восстановительный период и т. д. Они торопились раскрывать ящики в столах и шкафах, показывали свои награды за военный и ратный труд, как бы пытаясь убедить опрашивающего их социолога в величии и подлинности минувшей истории, хотя социологический инструментарий не предусматривал вопроса про «награды» и был направлен в основном на оценку проводимых в России современных преобразований. Эта группа не была склонна отказываться от прежних взглядов и ценностей и тяжело переживала за судьбу Родины.

Существует и несколько иное объяснение мгновенных превращений человека. Быстрая смена «идолов» и мифов объясняется фактом «раздвоенности» современного цивилизованного человека. Дело в том, что

его сознание — это часть психики, которая радикальным образом отделилась от первичных инстинктов, но они никуда не делись, а лишь утратили контакт с сознанием и вынуждены напоминать о себе окольными путями. Как результат, возникает следующая ситуация, описанная К. Юнгом: «Человеку нравится считать себя хозяином своей души. Но коль скоро он не способен контролировать свои настроения и эмоции или осознавать мириады тайных путей (способов), которыми образования подсознательного пользуются, чтобы добиться от нас нужного им решения или порядка, он определенно не может считаться хозяином своей судьбы. Эти неосознаваемые факторы существуют благодаря самостоятельности архетипов. *Современный человек защищает самого себя от столкновения с собственной раздвоенностью путем создания системы изолированных участков, где он размещает в определенном порядке происходящие с ним и вокруг него события. Тем самым они как бы хранятся в разных ящичках и не пересекаются*» (Курсив наш. — Л. К.) [Юнг, 2002. С. 72].

Эта черта современного «цивилизованного» мышления свидетельствует о том, что разлад личности достиг угрожающего, порогового уровня, за пределами которого личность утрачивает возможность адекватной ориентации в жизненном пространстве, а отсюда и рациональность ее не может состояться в полной мере и, более того, принимает превращенные квазиформы. «Если взглянуть на мгновение на человечество как на отдельную личность, то мы увидим, что его несут по течению неосознаваемые силы, и оно тоже склонно запрягивать некоторые проблемы подальше по разным ящикам стола. Ведь человечеству угрожают им же порожденные проблемы, представляющие смертельную опасность и выходящие из-под его контроля» [Там же. С. 72—73].

Целерациональные адаптации

По мере развития общества и человека, завершения процесса кристаллизации модернизации и возрастания «рефлексивности модернити» (Гидденс) в адаптивных процессах все больше усиливаются элементы целерациональности. В свою очередь целерациональные адаптации все чаще начинают претендовать на роль доминирующих, вытесняя собой адаптации ценностно-рационального толка. Не лишним будет напомнить, что традиционные и аффективные адаптации хотя и уходят в прошлое, однако еще долгое время сохраняют свое присутствие в отдельных группах и субкультурах.

Вопрос о рациональности любого социального действия не является таким уж простым и очевидным. Целерациональные адаптации, если строго придерживаться веберовского подхода, должны включать в себя в качестве обязательных элементов, во-первых, рационально направленные и регулируемые (корректируемые под влиянием новой информации) адаптивные цели, а во-вторых, ожидание в ответ на собственные

адаптивные действия определенного поведения других акторов, составляющих социальный контекст или социальное поле, и при использовании актором этого ожидания «как условия» или «как средства» достижения цели.

Формирование целерационального типа поведения связано, по Веберу, с исторической встречей в определенный период и в определенном районе мира нескольких феноменов, содержащих в себе рациональные моменты. Это, во-первых, античная наука, особенно математика, дополненная в эпоху Возрождения экспериментом и приобретающая — со времен Галилея — характер новой экспериментальной науки, внутренне связанной с техникой. Во-вторых, рациональное римское право, которого не знали прежние типы общества и которое получило свое дальнейшее развитие в Средние века. В-третьих, рациональный способ ведения хозяйства, возникший благодаря отделению рабочей силы от средства производства и, стало быть, на почве того, что К. Маркс назвал «абстрактным трудом» — трудом, доступным количественному измерению. Фактором, позволившим синтезировать эти элементы, оказался, согласно Веберу, протестантизм, создавший мировоззренческие предпосылки для осуществления рационального способа ведения хозяйства (прежде всего для внедрения в экономику достижений науки и превращения последнего в непосредственную производительную силу). Суть мировоззренческих предпосылок протестантизма составляла убежденность в том, что каждая профессия как божье предназначение есть призвание, которое человек должен выполнять со всем тщанием, а экономический (или профессиональный) успех — это подтверждение предызбранности к спасению [Вебер, 1990. С. 44—60; Гайденко, 1990. С. 23]. Уместно вспомнить в этой связи слова пуританского проповедника Бакстера (1651—1691): «если Бог вам указывает путь, на котором вы без вреда для души вашей или для других законным путем можете заработать больше, чем на другом пути, и вы это отвергнете и изберете менее доходный путь, тогда вы вычеркнете одну из целей вашего призвания, вы отказываетесь быть управляющим Бога и принимать его дары, чтобы иметь возможность употреблять их для него, если он того захочет. Конечно, не в целях плотского удовольствия или греха, но для Бога должны вы работать, чтобы разбогатеть» [История., 1952. С. 124].

Причина замены обычаев на целерациональное поведение состоит в том, что «ориентация только на собственные и чужие интересы» способствует достижению желаемого эффекта, которого обычно пытаются — очень часто тщетно — добиться с помощью норм» [Вебер, 1990. С. 635]. Дело здесь в том, что «индивид, не ориентирующийся в своем поведении на интересы других, — не “считающийся” с ними», вызывает противодействие этих других, вследствие чего может быть нанесен урон его собственным интересам, в общем же случае — приходит к нежелаемому и не предполагаемому им результату. «В качестве примера можно привести ценообразование на “свободном” рынке. Индивиды,

интересы которых связаны с рынком, ориентируют свое поведение, рассматриваемое ими как “средство”, на собственные *типические* субъективные хозяйственные интересы в качестве “цели” и на столь же типические ожидания предполагаемого поведения других в качестве “условий” для достижения этой цели. По мере того, как они действуют таким образом — чем более целерационально их поведение, тем более сходны их реакции на данные ситуации, — возникают единообразие, регулятивность и длительность установки и поведения, которые часто обладают значительно большей стабильностью, чем поведение, ориентированное на нормы и обязанности, считающиеся “обязательными” в определенном кругу» [Вебер, 1990. С. 635].

В этом состоит выгода, прагматичность и историческая целесообразность отказа от ценностно-рациональной модели социального (в том числе адаптивного) поведения в пользу целерациональной. Место же адаптации в этом процессе Вебер определил следующим образом: «*Одним* из существенных компонентов “рационализации” поведения является замена внутреннего следования привычным обычаям *планомерной адаптацией* к констелляции интересов» [Там же. Курсив в слове «адаптацией» наш. — Л. К.].

Обращаясь к недавней практике реформирования социальных льгот, проводимого российским министром М. Зурабовым, несложно заметить, что монетизация льгот не была успешной, поскольку отсутствовала процедура «констелляции интересов» — абсолютно не учитывались реальные интересы и предпочтения самих групп пенсионеров, что и вызвало бурный общественный протест с их стороны.

Целерационально действует тот индивид, чье поведение ориентировано на цель, средства и побочные результаты его действий, кто рационально *рассматривает* отношение средств к цели и побочным результатам и, наконец, отношение различных возможных целей друг к другу. Выбор между конкурирующими и сталкивающимися целями и следствиями может быть в свою очередь ориентирован ценностно-рационально — тогда поведение целерационально только по своим средствам. Индивид также может включить конкурирующие и сталкивающиеся цели — без ценностно-рациональной ориентации на «заповеди» и «требования» — просто как данные субъективные потребности в шкалу по степени их *сознательно* взвешенной необходимости, а затем ориентировать свое поведение таким образом, чтобы эти потребности по возможности удовлетворялись в установленном порядке (принцип предельной полезности). Ценностно-рациональная ориентация действия может, следовательно, находиться в различных отношениях с целерациональной ориентацией. С целерациональной точки зрения ценностная рациональность всегда *иррациональна* и тем иррациональнее, чем больше она абсолютизирует ценность, на которую ориентируется поведение, ибо она тем в меньшей степени принимает во внимание последствия совершаемых действий, тем безусловнее для нее

самодовлеющая ценность поведения.

Увы, самодовлеющая ценность поведения весьма важна для тех, кто обладает чувством долга, ответственности перед собой и другими, совестью, нравственностью, порядочностью и пр.

Здесь необходим комментарий следующего содержания. Ф. Сиксел вслед за Н. Луманом полагает, что человек действует в плане *адаптации-рациональности*, если он принимает условия, поставленные некоторым институтом. Это обычно бывает, когда, например, научный работник имеет дело с бюрократической организацией, ведающей распределением денег на исследования. Он не спорит с этой организацией относительно порядка распределения финансов, он подчиняется ему [Sixel, 1988. P. 104]. Н. Луман в данном случае использует пример Адама и Евы, чтобы противопоставить адаптационно-рациональному аспекту — моральный императив. Ева реагирует на проклятие Бога рожать детей в страдании путем адаптации-рациональности, а именно: она принимает это бремя, и в этом принятии способна сохранить свой интерес, т. е. избегать беременности. Адам выбирает мораль, он убеждает Еву уважать Бога. По мнению Н. Лумана, адаптация-рациональность есть форма рациональности в современном, высоко дифференцированном обществе — не спорить с решением и приспособливаться к нему. Трудно согласиться с этим примером. Осмелимся отметить подчас роковые последствия «рациональностей» данного вида для актора. Ведь «Ева», движимая инстинктом материнства, может иметь «интерес», направленный на детей, т. е. естественное желание иметь их как можно больше. Однако вынуждена отказать себе в этом намерении, чтобы избежать физических страданий, связанных с родами. В рамках наших представлений такого рода адаптации-рациональности вернее относить к адаптивной мимикрии, или же к аккомодации. А от них — весьма далеко до полноценной (успешной, внутренне гармоничной) адаптации.

Замечу, что определенную подсказку в решении данной проблемы дал М. Вебер, упомянув категорию предельной полезности. И именно его идеей воспользовался Г. Беккер, рассмотрев и изучив феномен максимизации функции полезности, позволяющий пролить свет в том числе и на проблему целерациональной адаптации (Подробнее об этом см. [Корель, 2005. С. 370—373]).

Целерациональные адаптации в свете теории «человеческого капитала» Г. Беккера

Свою знаменитую статью «Экономический анализ и человеческое поведение» Г. Беккер открывает афоризмом Дж. Шоу, в сжатом виде отражающим суть его центральной идеи, «Экономика — это умение пользоваться жизнью наилучшим образом». Эта идея, как отмечает Г. Беккер, базируется в известной степени на методологических спецификациях Маркса: «Маркс и его последователи применяли “экономический” подход не только к поведению на рынке, но и к политике, браку и

другим формам нерыночного поведения» [Becker, 1987. Р. 3—17; Беккер, 1993. С. 30].

Экономический подход, по Г. Беккеру, способен одинаково успешно проникать в сущность различных форм человеческого поведения и объяснять их. Он уникален по своей мощи, потому что способен интегрировать множество разнообразных форм человеческого поведения, а значит, как мы полагаем, в том числе и адаптивного.

Этот подход предполагает максимизирующее поведение в более явной форме и в более широком диапазоне, чем другие подходы, так что речь может идти о максимизации функции *полезности* или богатства все равно кем — семьей, фирмой, профсоюзом или правительственными учреждениями. Предполагается также, что предпочтения не изменяются сколько-нибудь существенно с ходом времени и не слишком разнятся у богатых и бедных или даже среди людей, принадлежащих к разным обществам и культурам.

Максимизирующее поведение и стабильность предпочтений, по Г. Беккеру, являются не просто исходными предпосылками, но могут быть выведены из «концепции *естественного отбора пригодных способов поведения* в ходе эволюции человека» (Курсив наш. — Л. К.) [Беккер, 1993. С. 27]. И далее цитата, иллюстрирующая данный подход. «Хорошее здоровье и долгая жизнь представляют собой важные цели для большинства людей, но каждому из нас достаточно минутного размышления, чтобы убедиться, что это цели далеко не единственные: иногда лучшим здоровьем или большей продолжительностью жизни можно пожертвовать, потому что они вступают в конфликт с другими целями. Экономический подход подразумевает, что существует “оптимальная” продолжительность жизни, при которой полезность дополнительного года жизни оказывается меньше, чем полезность, утрачиваемая в результате использования времени и других ресурсов для его достижения. Поэтому человек может быть заядлым курильщиком или же пренебрегать физическими упражнениями из-за полной поглощенности своей работой, причем не обязательно потому, что он пребывает в неведении относительно возможных последствий или “не способен” к переработке имеющейся у него информации, а потому, что отрезок жизни, которым он жертвует, представляет для него недостаточную ценность, чтобы оправдать издержки, связанные с воздержанием от курения или с менее напряженной работой» [Там же. С. 31]. Согласно экономическому подходу человек решает вступить в брак, когда ожидаемая полезность брака превосходит ожидаемую полезность холостой жизни или же дополнительные издержки, возникающие при продолжении поиска более подходящей пары. Точно так же человек, состоящий в браке, решает прервать его, когда ожидаемая полезность возвращения к холостому состоянию или вступления в другой брак превосходит потери в полезности, сопряженные с разводом (в том числе из-за разлуки с детьми, раздела совместно нажитого имущества, судебных расходов и т. д.).

Основываясь на идеях Г. Беккера, можно предположить, что модель адаптации человека (любой социальной системы) — это модель выбора такого варианта адаптивной траектории, которая обеспечивает максимальный прирост полезности (с точки зрения достижения адаптивной цели) либо на каждом шаге адаптации, либо в перспективе, — решение этого вопроса лежит в области субъективных обстоятельств, предпочтений, значений и смыслов адаптирующегося.

Требуем уточнения в данном контексте категория «максимальный прирост полезности». Что имеется в виду? Какие критерии полезности могут быть использованы? Речь идет, в первую очередь, о восстановлении утраченных ценностей — «параметров жизни», наиболее социально значимых для человека. Ими выступают прежде всего универсальные жизненные ценности — доход, любимая профессия, квартира, социальная защищенность, свобода, возможность поддержания здоровья, семья, престиж, власть и т. д. Адаптивный механизм должен работать таким образом, чтобы либо восстановить планку «полезности» на прежнем уровне, либо превзойти ее. При этом один адаптант предпочтет стратегию «медленного и постепенного» продвижения к цели, наращивая «максимизируемую полезность» на каждом шаге. Другой — добьется цели одним рывком, но при этом будет долго разрабатывать стратегию ее достижения.

Наверное, каждый российский ученый, адаптирующийся к рынку в постсоветский период, сравнивал полезность разных вариантов адаптивного поведения и стремился найти такой, который бы обеспечивал ему максимальную величину этой полезности. Польза отъезда за рубеж — это безбедное существование, возможность заниматься своей научной проблемой в условиях надежного материально-технического обеспечения, познакомиться ближе с иной природной и социокультурной средой и пр. Потери, связанные с отъездом, — это разрыв с привычным социальным окружением, родными и друзьями, языковой средой, ущербный статус «иммигранта» в чужой стране и пр. Подобные адаптивные задачи решали все слои населения. Студенты взвешивали «полезность» альтернативных вариантов: продолжение учебы либо высокооплачиваемая работа на фирме, не предоставляющая, однако, время для занятий. Колхозник размышлял о том, остаться в колхозе или стать фермером, и т. д. А кто-то раскидывал умом, насколько окажется полезным уход в криминальные структуры, и соотносил положительные стороны такого ухода с отрицательными. «Экономический подход исходит из посылки, что преступная деятельность — такая же профессия, которой люди посвящают полное или неполное рабочее время, как и столярное дело, инженерия или преподавание. Люди решают стать преступниками по тем же соображениям, по каким другие становятся столярами или учителями, а именно потому, что они ожидают, что “прибыль” от решения стать преступником — приведенная ценность всей суммы разностей между выгодами и издержками, как неденежными, так

и денежными, — превосходит “прибыль” от занятия другими профессиями. Рост выгод или сокращение издержек преступной деятельности увеличивают число людей, становящихся преступниками.» [Там же. С. 33—34]. Г. Беккер полагает, что уголовные преступления вроде краж и грабежей совершаются в основном менее состоятельными людьми не вследствие аномии и отчуждения, а из-за недостатка общего образования и профессиональной подготовки, что сокращает для них «прибыль» от занятия легальными видами деятельности [Там же].

Вооружившись экономическим подходом Г. Беккера, нетрудно понять, почему адаптации в неправовом поле оказались столь распространенными в России, а также уяснить феномен массового появления «новых русских» — людей без образования, но с большими капиталами.

Религиозное сознание и религиозные практики в современной России: абрис ситуации в контексте проблемы рациональности

Рассматривая вопрос о традиционных и рациональных типах адаптивного поведения, мы не можем обойти вниманием феномен религии. Его основным предназначением является установление взаимоотношений с тем «высшим», что находится за предела человеческого разума. На протяжении всей истории человеческого общества этот феномен выступал и выступает важным институциональным средством адаптации к происходящим изменениям. По утверждению Дж. Мердока, культура, а религия является ее органической частью, представляет собой символическую адаптацию людей к окружающим условиям, обстоятельствам среды и исторического момента [Мердок, 1997. С. 52—53].

Отцы-основатели мировой социологии (О. Конт, Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Маркс и др.), впрочем, как и современные ученые (П. Бурдьё, П. Бергер, Н. Лукман и др.), неизменно подчеркивали влияние религии на экономические, политические и социокультурные процессы в обществе, на его социальный порядок, стабильность, интеграцию, солидарные взаимодействия индивидуальных и корпоративных акторов, общественных групп и т. д.

В России в период шоковой терапии и последовавшее за ним десятилетие (сначала экономического провала, затем стагнации и медленного подъема) в религиозном сознании и религиозных практиках больших групп населения произошли значительные, порой противоречивые, разнонаправленные изменения.

Во-первых, в массовом порядке состоялся исход из поля так называемой социальной религии — в данном случае советской коммунистической идеологии, точнее будет сказать, мифологии. Создатель теории социальной религии немецкий ученый Альфред Вебер полагал, что источником социальной религии, разновидностями которой, по его мнению, выступают демократический капитализм, демократический социа-

лизм, советский коммунизм, явилась декларация прав человека (1776 г.) с ее религиозно-социальным содержанием как выражением нового типа человека. Этот тип человека начиная с середины XIX в. полемизировал с вновь возникающей социальной структурой, при этом полностью разрушались конкретные формы воплощения старых душевно-духовных (т. е. относящихся к духу и душе) абсолютов и исчезала основанная на трансцендентальной религии форма существования человека (см. [Краткая философская энциклопедия, 1994. С. 429]). По представлению ученого: «Эта социальная религия в дальнейшем занимает место трансцендентальной религии; являясь идеальной (т. е. базирующейся на идее, а кроме того, стремящейся к идеалу. — Л. К.), она формирует в невиданных масштабах практически-динамические преобразующие силы современного человеческого бытия. Ни одна трансцендентальная религия, за исключением разве ислама, не обладает в настоящее время такой силой, которая хотя бы в незначительной мере была бы сравнима с преобразующей силой социальной религии» [Weber, 1950. S. 423].

Трудно не согласиться с А. Вебером, тем более если вспомнить, что именно эта сила помогла советскому народу в исключительно короткий исторический период (менее 20 лет) не только полностью восстановить разрушенные Второй мировой войной города и села, народное хозяйство страны, но и преумножить ее экономический потенциал, достичь грандиозных достижений в точных и естественных науках, открыть эру космических полетов. В то же время начавшаяся 20 лет назад знаменитая перестройка, а затем шоковая терапия, фегишизирующая деньги, материальный успех в ущерб духовному, не только лишенная фундаментальных элементов какой бы то ни было «социальной религии», но к тому же поправшая естественные законные интересы и права человека (право на труд, на вознаграждение за труд, на физическую безопасность и пр.), привели к разрухе, которая по своим экономическим и демографическим масштабам в одних отношениях превзошла, в других — оказалась сопоставима с трагическими последствиями Великой Отечественной войны. На этом фоне вполне закономерно обозначила себя проблема нарастания отчужденности от духовности, спровоцированная погоней за потребительскими благами и материальным успехом. (См. ниже главу 10 «Механизм отчуждения от духовности в модернизирующемся российском обществе».)

Во-вторых, с закатом эпохи социальной религии советского образца на рубеже 80—90-х гг. XX в. одновременно в России актуализировались, стали возвращаться и вновь наращивать свое влияние традиционные трансцендентальные религии — православие, ислам, буддизм, иудаизм, католицизм. Подтверждение тому — активное строительство новых храмов, мечетей, костелов, синагог, не вмещающих ныне всех желающих во время религиозных празднеств, участие первых лиц государства в исполнении религиозных практик. Согласно закону «природа не терпит пустоты», наступила, образно выражаясь, эпоха ренессанса тра-

диционных трансцендентальных религий, отката назад — к религиозным первоосновам.

Проблема религиозного ренессанса в современной России не раскрыта в полной мере. Здесь мы хотели бы, апеллируя к трудам Макса Вебера, обратить внимание лишь на один момент — идею спасения и ее место в данном процессе (имеется в виду религиозный ренессанс) в контексте рациональности. Дело в том, что потребность в спасении, «сознательно культивируемая в качестве содержания религиозности», всегда и повсюду возникала «как следствие попытки *систематической практической рационализации реальностей жизни*» (Курсив мой. — Л. К.), как следствие притязания показать, «что мировое устройство (во всяком случае постольку, поскольку оно затрагивает интересы людей) носит в той или иной мере *осмысленный характер*» [Вебер, 1990. С. 338]. Стремление к спасению, идея спасения возникли как результат рефлексии проблемы несправедливости страдания, как постулирование необходимости «справедливого распределения индивидуального счастья в мире». Причем, «чем интенсивнее рациональное мышление занималось проблемой справедливого распределения благ по заслугам, тем невозможнее представлялось ее мирское решение и тем вероятнее и тем осмысленнее решение внемирское» [Там же]. Обратившись к ситуации в современной России, несложно обнаружить, что огромное неравенство, этически не мотивированное в распределении счастья и горя, материальных благ и бед, активировало в сознании людей проблему расплаты и проблему спасения. Дело в том, что мирская жизнь предстает безнадежно иррациональной, бессмысленной, жестокой и несправедливой пред всяким, кто пытается ее хоть как-то осмыслить в рамках универсальной общечеловеческой этической системы координат. И если прежняя авторитарно-социалистическая система хотя бы декларировала, пусть для будущих поколений, идею «света в конце туннеля» — светлое коммунистическое будущее, то брошенные в дикий рынок люди оказались без спасительной идеи (мировоззренческой платформы), которая хоть как-то помогала бы им осмысливать и рационализировать их существование и назначение на земле, объяснять феномены неизбежного страдания и несправедливости в земной юдоли. В этой ситуации вполне естественным явилось обращение людей к существующим уже столетия и даже тысячелетия фундаментальным традиционным религиям, где проблема добра и зла, несправедливости в распределении земных благ и горя осмысливается и находит тот или иной тип рационального объяснения, толкования, решения и аргументации. Вспомним хотя бы то утешение, которое посылает неимущим христианам библейская сентенция: «Легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем богатому попасть в рай», или понятие кармы в буддизме — «закона возмездия», по которому в соответствии с суммой добрых и злых дел живому существу предопределяется судьба в последующих перевоплощениях.

Не случайно, по данным репрезентативного социологического исследования, проведенного нами в 1992 г., т. е. на входе в рынок, на альтернативный вопрос: «Что дает Вам вера в Бога?» — 37 % опрошенных сказали, что она сохраняет надежду на справедливость, на то, что зло будет наказано, а добро — вознаграждено, 29 — дает силы терпеливо переносить невзгоды, 20 — духовно обогащает, облагораживает душу, учит любить ближнего, 18 — помогает в беде, исцеляет от болезней, 15 — облегчает душу, дает возможность покаяться в грехах, 11 — наполняет жизнь смыслом и еще 11 % — дает надежду на жизнь после смерти¹³ [Корель, 2005]. Как видим, самая значительная часть респондентов оказалась наиболее чувствительна именно к проблеме справедливо-го воздаяния всем по их заслугам.

В-третьих, одновременно в России на фоне реабилитации в общественном сознании трансцендентальных религий активировались старые и стали нарождаться новые религиозные секты, в том числе тоталитарного типа — эффект пролонгирования тоталитарной ментальности советского образца на новое время. По данным экспертов, сегодня в России насчитывается более полутора тысяч религиозных сект, причем около 80 % из них — тоталитарного толка. Носители, в том числе наследники, мифологического сознания, сформированного в эпоху советского тоталитаризма, утратив старый идол, занялись поиском новой религиозной ниши, в границах которой они имели бы возможность «разместить» свою тоталитарную ментальность: обрести новый объект поклонения и мифологизации, следовать нормам поведения, принятым в тоталитарных сообществах и т. д. Им равно чужды и христианство, и ислам, и иудаизм, и буддизм, а их идентичность обращена к религиозным образованиям исключительно тоталитарного типа.

Перечисленные выше процессы, происшедшие в религиозном сознании и практиках, внесли заметные изменения, коррективы, подвижки (до сих пор не отрефлексированные наукой) в конструирование интерпретативной картины мира, габитусов, жизненных смыслов и символов многих социальных групп в современной России. Одни обратились к Богу, другие — к Маммоне, одни идентифицировали смысл жизни с духовными началами, другие — с материальным успехом.

Однако следует подчеркнуть, что интериоризация социальными группами религиозных учений и ценностей все же осуществляется зачастую на поверхностном формальном уровне, не затрагивая глубин сознания и поведенческих стереотипов (что подтверждено исследованиями многих российских социологов: В. Немировского, Г. Солодовой, Л. Корель и др.). Кроме того, необходимо напомнить, что при переходе от традиционного общества к модернити и далее к постмодернити (этот путь еще предстоит пройти России) объективно нарастает многообразие религиозных систем, внецерковных форм религии (П. Бергер, Н. Лукман

13 Можно было дать несколько ответов.

и др.), к которому общество оказывается далеко не всегда готово, а значит, в определенной степени возрастает и потенциал внутренних и внешних конфликтов, связанных, в частности, с вопросами власти, влияния, давления, самоопределения, позиционирования и взаимодействий всех этих религиозных образований в общественной жизни в контексте диакризиса «свой — чужой».

Заканчивая рассмотрение данного сюжета, хотелось бы подчеркнуть, что сегодня в стране возник и на глазах формируется абсолютно неизученный рынок религиозных услуг, на котором «правят бал» классические законы рынка: разворачивается жесткая конкуренция за потребителя религиозных услуг, за обладание монополией распоряжаться ценностями спасения, одновременно актуализируется погоня за прибылью, циркулируют значительные финансовые и материальные средства, что дезорганизует и, в определенном смысле, дискредитирует работу самих религиозных образований, отвлекая от высокой духовной миссии, а кроме того дезориентирует потенциального заказчика духовных услуг. Весь этот круг явных и латентных социальных проблем и «белых пятен» свидетельствует о необходимости углубленного и тщательного изучения религии как социологического феномена и инструмента адаптации социальных групп в контексте современных российских реалий.

О тенденциях и перспективах адаптации в модернизирующемся мире

Первый тезис. В русле обсуждаемой проблемы считаем возможным высказать следующую научную гипотезу. Каждый из рассмотренных выше типов адаптивного поведения не является неизменным во времени, а эволюционирует «внутри себя», подчиняясь смыслу и логике тех изменений, которые происходят в традициях, ценностной, эмоциональной, когнитивно-рациональной, мировоззренческой сферах жизни человека на разных этажах исторической вертикали. Так, следуя в фарватере идей К. Уилбера, фиксирующего доконвенциальный, конвенциальный, постконвенциальный и постпостконвенциальный этапы в развитии эмоций, морали, когнитивной компоненты и мировоззрения, целесообразно было бы выделять в ряду аффективных, ценностно-рациональных и целерациональных моделей адаптации их исторические разновидности — доконвенциальную, конвенциальную, постконвенциальную и постпостконвенциальную (цит. по: [Гаськова, 2005]). В этом случае, применительно к аффективным адаптивным моделям, содержанием и спецификацией первого этапа — доконвенциального — выступит актуализация импульсивных самоощущений, самозащитных реакций, второго — чувство принадлежности, причастности к «целому», третьего — глобальная забота, вселенская любовь, четвертого — трансцендентальные переживания (любовь-блаженство). Что касается целерациональных адаптивных моделей, то здесь также можно рассуждать о доконвенци-

альном этапе, атрибутивным признаком которого выступают сенсомоторные и дооперационные процессы в когнитивной сфере, конвенциональном — оперирование конкретными схемами, правилами и ролями, постконвенциональном — опора на формальную логику, рациональность и т. д. Аналогичные изменения на протяжении веков проходили и ценностные структуры, вектор развития которых был направлен от доминирования материальных к акцентуации высоких духовных ценностей (сообразно известной пирамиде потребностей Маслоу).

В свете вышезложенного, содержание моделей адаптации, которым в будущем предстоит расширить и обогатить адаптивный фонд человечества, будет, в конечном счете, определяться характером развития эмоциональной, ценностной, когнитивно-рациональной и мировоззренческой сфер человека по мере перехода миросистемы от доконвенциональной к конвенциональной, затем к постконвенциональной и далее к постпостконвенциональной эре (табл. 6.1).

Таблица 6.1

Трансформация смыслообразующих констант типов адаптации на разных этапах развития индивида/общества

Ориентации адаптивного поведения (адаптаций)	Этап развития индивида/общества			
	доконвенциональный	конвенциональный	постконвенциональный	постпостконвенциональный
Традиции	Микролокальные, доминирование индивидуально-опыта, неустойчивые	Коллективный опыт и образцы локальных социальных образований	Макролокальные, предполагающие возможность выбора из многих вариантов	Уход от традиций
Эмоции	Защитные нужды, импульсивные самоощущения	Чувство принадлежности	Глобальная забота	Трансцендентальная любовь
Ценности	Физиологические	Принадлежность к сообществу, дружба, уважение, признание, статус, престиж и пр.	Творческая активность, самореализация, новые знания	Обретение трансцендентального смысла и переживаний
Рациональность (когнитивность)	Сенсомоторное, дооперационное познание	Схемы, правила, роли	Формально-рациональное, зрительно-логическое	Гнозис, савикальпа, праджня

Примечание. В таблице использованы материалы книги К. Уилбера (цит. по [Гаськова, 2007]).

Тезис второй. Сегодня в современной научной литературе идет уточнение, осмысление и развитие научной гипотезы о «сегментарности ментальных миров» и структур сознания в ряде обществ (см. [Вовель и др., 1998; Фирсов, 2005; Гаськова, 2005; и др.]), а следовательно, продолжая этот ряд, добавим, и типов социального действия. Де-факто этот социальный феномен присущ и модернизирующейся России, где существует многообразие ментальных картин мира, структур сознания и типов социального действия народов, ее населяющих. Проживая в одно время в границах одного государства, народы эти представлены многими социальными группами, которые располагаются как бы на разных хронологических этажах эволюционного процесса (исторической вертикали).

Обратимся, например, к трудам Б. Фирсова: «Одна из важных черт российской истории — наслоение *разновременных* политических, социальных, социокультурных структур. В этой толще гаснут любые импульсы перемен, на любой тип действия находится свой тип противодействия, своя форма мимикрии, *приспособления* к внешним обстоятельствам» (Курсив наш. — Л. К.) [Фирсов, 2005. С. 375]. Драма этой ситуации заключается, в частности, в том, что в результате в России «имеет место периодическое накопление нереализованного потенциала нескольких поколений, принудительно оказывающихся в одном (и том же) времени, которое они не могут назвать “своим”» [Там же].

Как результат, в стране «... возникают очаги молчаливого сопротивления, которое опирается на инерцию ментальности, не способной к перекраиванию картины мира синхронно с общественными преобразованиями и переменами, в какой бы форме (революция, исторический перелом, рывок в развитии, “большой скачок”, реформы и т. д.) они не выступали. Здесь вступают в силу долговременные ментальные структуры (“темницы долгого времени” по Ф. Броделю), которые более всего противодействуют изменениям и сохраняются при смене поколений» [Там же].

Многообразие ментальных карт мира, структур сознания и типов социального действия обусловлено в России, во-первых, «исторической памятью» поколений — социокультурным следом веков минувших (наиболее ярко он представлен в провинции, сельской местности, национальных и религиозных образованиях, старших возрастных группах населения), во-вторых, глубоким социальным расслоением общества — феномен бразилификации социальной структуры, — предопределяющим разные образцы социализации, разный доступ к информации, власти, универсальным благам и ценностям современности, и, наконец, региональными природно-климатическими, историческими, экономическими, демографическими и социокультурными особенностями страны, порождающими и поддерживающими пространственную рассогласованность и асинхронность траекторий ее развития.

Факт упомянутой выше «сегментарности» уже предопределяет, и будет предопределять в перспективе, не только разнообразие реализуемых

типов адаптивных моделей (синтезируя идеи М. Вебера и К. Уилбера, их можно насчитать в «чистом виде» 16), механизмов, стратегий и результатов, имеющих отношение к модернизационным преобразованиям, но и градус адаптивного напряжения в обществе, продуцируемого межличностными, межгрупповыми конфликтами и расхождением, в основе которых — несовпадение или противоречие ментальных картин мира, матриц ценностей, структур сознания, типов социального действия адаптирующихся индивидуальных и корпоративных акторов.

Налаживание в этих условиях устойчивых взаимодействий, социальных структур, надежных социальных сетей, социального доверия в обществе становится весьма проблематичным. Человеческое сообщество в данном случае подобно сообществу зверей в тесном зоопарке без клеток, где все виды животных хаотично и безрезультатно пытаются наладить жизнь по своим «законам», согласно своей природе, однако не могут, потому что постоянно натываются на конкурентов и мешают друг другу.

В этой связи можно высказать следующее предположение. Чем быстрее и чем дальше уходит общество в своем развитии в течение жизни одного поколения, тем менее однородным и тем более сегментарным оно становится в связи с наличием длинного шлейфа реальных социальных структур и групп, чьи социальные времена (а каждому из времен свойствен неповторимый конгломерат ментальных картин мира, структур сознания, типов социального действия людей) остались в прошлом.

Возникает громоздкая сложная архитектура общества из структур и групп, располагающихся на разных этажах социальной истории. Эти структуры и группы, полностью или частично «пережившие свое время» (аналог феномена Дон Кихота Ламанчского, чей идеал остался в прошлых веках), порождают сложный узел адаптивных проблем, требующих решения, а значит, обществу нужно научиться справляться с этой ситуацией, либо контролируя, «притормаживая» свое развитие, либо наращивая адаптивные ресурсы подобных структур и групп.

Тезис третий. Рассуждая о типах адаптивного поведения в дискурсе модернизации, трудно обойти вниманием такую научную категорию как рефлексия (и саморефлексия). Напомню, что рефлексия представляет собой процесс осмысления чего-либо при помощи изучения и сравнения; она является неотъемлемым базовым элементом как ценностно-рациональной, так и целерациональной модели поведения, причем с приходом эры модернизации роль этого процесса все более возрастает.

Неотъемлемая черта модерниста — присутствие свободного, самостоятельного индивидуального взгляда на мир, постоянная рефлексия со стороны отдельных социальных акторов (индивидуальных или корпоративных) и общества в целом (напомню, что возникновение и развитие социологии в эпоху модерности есть подтверждение подобной рефлексии)

— казалось, должна была бы помочь снять проблему неадаптивности в будущем.

Однако в эпоху модернити в полной мере проявил себя альтернативный вариант — предъявление актерам усложненных «завышенных» адаптивных требований, с которыми они не в силах справиться посредством нарастающей рефлексивности. [Гидденс, 1999; Тоффлер, 1997]. Такая опасная реальность катализируется существованием разного рода рефлексивных ловушек.

Уровень адаптации актора, благодаря совершаемой им процедуре рефлексивности, может не только не вырасти или остаться неизменным, но и понизиться, поскольку новое знание об общественной жизни к моменту «адаптивного ответа» со стороны актора может оказаться неактуальным либо из-за быстрых перемен, произошедших в окружающем мире вследствие непрерывного процесса рефлексивности со стороны многих других акторов, действующих в этом мире и меняющих его, либо из-за перемен в иерархии ценностей самого актора, обусловленных новациями в познавательной ориентации, создаваемыми изменяющимися взглядами на социальный мир.

Есть и другой момент. Все было бы проще, как отмечает Э. Гидденс, — если бы новое знание всегда достигалось (могло достигаться) на «трансцендентальном рациональном базисе ценностей». Но подобного базиса не существует, а потому перемены мировоззрения, происходящие от привносимых знаний или вновь осмысленного жизненного опыта, способны вызывать и нередко вызывают изменения в ценностных ориентациях [Гидденс, 1999. С. 108].

Аксиологической инновацией, например, явились в конце XX в. экологические ценности — чистота воздушного и водного бассейнов, натуральные продукты питания и пр. — абсолютно не актуальные и не отрефлектированные обществом еще несколько десятилетий назад, но упорно перемещающиеся на верхние позиции ценностной шкалы в последние годы в свете новейших научных достижений экологического характера.

Пространство же возможного дрейфа ценностей секуляризованного христианского мира очерчивается, по большому счету, границами аксиологической дихотомии — коммунитарное редистрибутивное идеократическое общество, базирующееся на традиционной системе ценностей (коллективизм, этатизм и государственный патернализм, родственные узы, межличностное доверительное общение, аффективность, открытость, особое понимание и приоритет духовности и др.), и современное субсидиарное рыночное западное общество, опирающееся на синтез либерально-консервативных ценностей (индивидуализм, рационализм, богатство, успех, социальный престиж и др.).

Примечательно, что агрессивная экспансия рефлексивности не только со стороны поставщиков экспертного знания об общественной жизни (социологов, философов, политологов, социальных психологов), но и

просвещенных обывателей, ныне «до зубов» вооруженных информацией, благодаря масс-медиа, сети Интернет, включенности в «мировую информационную паутину», с одной стороны, в известном смысле, облегчает, с другой — делает проблематичным контроль над своей судьбой любого из акторов в быстро меняющемся окружающем нас мире. С максимальной быстротой умело просчитывать ходы, планировать и разбивать на логические этапы социальное действие — «свое» и «значимого» в каждой конкретной интеракции «другого» (партнера, коллеги, конкурента) — умело отделять в нем субъективные эмоции, страсти, привязанности, случайности от объективных условий и последствий и т. д. — удел лишь избранных. Что касается массового актора, то для него попытка взять верх над непредвиденными обстоятельствами, подчинить их себе становится столь же проблематичной, как и движение к постоянно ускользающей линии горизонта. Отсюда — угроза все того же «потолка адаптации» и полных опасностей «адаптивных порогов» [Корель, 2005. С. 306, 401].

Социальный парадокс в образе пресловутого порочного круга рефлексивности—адаптации заключается в том, что, с одной стороны, рефлексивность модернизирует усложняет адаптацию для актора ввиду иницирования непредвиденных, трудно просчитываемых и прогнозируемых ситуаций, порождающих адаптивные тупики, ловушки и патовые ситуации (связанные, как уже отмечалось выше, в том числе и с необходимостью перемен в собственной иерархии ценностей, а кроме того, с переменами, которые надлежит учитывать, в иерархии ценностей и стереотипах поведения других акторов). С другой стороны, неопределенность адаптивной реальности — отсутствие в пространстве социальных практик относительно устойчивых моделей адаптации (все динамично, все меняется, все привязано к случаю, к конкретной ситуации и пр.) — в свою очередь вносит черты дезорганизации и порождает пробуксовку как самой модернизации, так и рефлексивности модернизи.

Понятно, что задача заключается в том, чтобы снять проблему противостояния адаптации и рефлексивности модернизи. Но для этого необходимо постоянно отслеживать и поддерживать режим их взаимной сопряженности и благоприятствования. Во всяком случае, как минимум, иметь в виду существование самой этой проблемы.

А теперь уместно было бы вспомнить одно из базовых положений психоанализа З. Фрейда. Оно гласит: «Согласно первому коробящему утверждению психоанализа, психические процессы сами по себе бессознательны, сознательны лишь отдельные акты и стороны душевной жизни. Вспомните, что мы, наоборот, привыкли идентифицировать психическое и сознательное. Именно сознание считается у нас основной характерной чертой психического, а психология — наукой о содержании сознания. Согласно его (психоанализа. — Л. К.) определению, психическое представляет собой процессы чувствования, мышления, желания, и это определение допускает существование бессознательного мышления и

бессознательного желания» [Фрейд, 1991. С. 11].

Следуя этому постулату, можно высказать предположение, что одной из «сфер интересов» рефлексивности модернити в XXI в. продолжает оставаться сфера бессознательного. Деконструкция природы бессознательного — распознавание той части бессознательного, которое переводится в сознательное либо легко, либо с большим трудом, либо вообще не переводится, выявление возможностей, условий и технологий перевода части бессознательного в сознательное (З. Фрейд называет переводимую часть бессознательного в сознательное — предсознательным) — должна существенно расширить горизонты познания и самопознания психики человека и масс, а значит обогатить их адаптивный потенциал и ресурсы в эру модернити.

Стратегическая цель состоит в том, чтобы укрепить Я, сделать его более независимым от Сверх-Я, расширить поле восприятия и перестроить его (Я) организацию так, чтобы оно могло освоить новые части Оно. Там, где было Оно, должно стать Я [Там же. С. 349]. Продвижение к этой цели делает Я более автономным и самостоятельным по отношению к Сверх-Я и Оно, способным не только интериоризировать, но и экстериоризировать микросреду — Сверх-Я и Оно, возрастет свобода выбора, а значит, возрастут шансы успешной адаптации Я к внешней среде.

Двигаясь в фарватере идей З. Фрейда и К. Юнга, особо следует отметить тот факт, что все перечисленные типы адаптивной реакции (от традиционной до целерациональной) в большей или меньшей степени базируются на фундаменте «бессознательного». И от этого никуда не уйти. По всей видимости, первые из перечисленных типов адаптивной реакции опираются на бессознательное в большей, вторые — в меньшей мере ввиду нарастания рефлексивности и саморефлексивности индивида (и общества) в ходе кристаллизации модернити. Эта рефлексия (и саморефлексия) способствует постижению актором двух уровней бессознательного — личностного и коллективного, — а значит, вооружает его в ходе исторического процесса новыми возможностями контроля и самоконтроля за адаптивным поведением и его контекстами.

В заключение хотелось бы выразить надежду, что со временем успехи современной науки, не в последнюю очередь социологии и психологии, помогут человечеству обрести баланс между извечной тягой к прогрессу и наращиванием в соответствующих объемах адаптивных ресурсов, включающих физическое и ментальное здоровье, интеллектуальное развитие, навыки рефлексии, социальной солидарности и коммуникации, знания о мире, человеке, обществе и т. д.

глава 7

Адаптивные механизмы социальных систем: особенности строения и спецификация

В связи с переносом центра тяжести социально-экономических реформ в России на низовые этажи территориально-управленческой иерархии, либерализацией условий деятельности индивидуальных и корпоративных акторов, территориальных общностей особое значение для последних приобретает проблема адекватного самоориентирования и самопозиционирования в современном динамичном пространстве экономических, социальных и политических вызовов, обусловленных процессами глобализации.

По сути дела, главной здесь становится проблема самостоятельного выбора конструктивных вариантов приспособления к быстроменяющейся реальности, разработки и реализации собственной адаптивной стратегии в непрерывно обновляющихся экономическом и социокультурном пространствах.

В этих условиях многократно возрастают и требования к уровню профессиональной компетенции и ответственности агентов всех управленческих звеньев (в первую очередь представителей высшего менеджмента), предполагающие, в том числе, и немалые социологические познания в области законов адаптации социальных систем разного уровня.

К сожалению, социологическая наука не готова вооружить сегодня управленцев сколько-нибудь внятными теоретическими подходами, конструкциями и практическими предложениями, касающимися особенностей адаптации систем низового уровня (например, регионов), выступающих частью адаптирующихся систем более высокого уровня (например, федерации). Наверное, это дело ближайшего десятилетия.

Не подвергающийся сомнению, непреложный факт заключается в том, что адаптивный потенциал любых социальных систем и образований, в том числе региональных, не беспределен, адаптивные ресурсы ограничены, а адаптивные механизмы, определяющие в конечном счете эффективность приспособления, остаются трудно познаваемой «вещью в себе», «черной кошкой», которую мы хотим обнаружить в «темной комнате».

Здесь нам как раз и хотелось бы обсудить в первом приближении универсальный вопрос об иерархичности внутреннего устройства адаптивных механизмов социальных систем разного типа, полагая, что содержащаяся в ней информация способна обогатить представления ученых и практиков об этом сложном предмете.

Определение социального механизма адаптации

Проблема механизмов адаптации остается одной из самых сложных и слабо разработанных в современной теоретической социологии. Интерес к ней носит волнообразный характер. Пик увлеченности пришелся, пожалуй, на 60—70-е гг. прошлого столетия. В эти годы был заложен надежный теоретический фундамент интерпретаций базового термина «адаптация», а кроме того, в общих чертах обозначен обширный ареал возможных направлений поиска законов о сути и смысле, устройстве и функционировании адаптивных механизмов в рамках самых разных научных подходов, в первую очередь, системного и популяционного. Сегодня, к сожалению, проблема эта оказалась на периферии исследовательских интересов, а вектор социологической мысли устремлен не столько к познанию внутреннего устройства этого сложного феномена, сколько к накоплению разного рода эмпирических сюжетов, затрагивающих те или иные стороны адаптации. Благо современная российская действительность в обилии предоставляет такой материал. Задачу данной публикации мы видим в том, чтобы, во-первых, попытаться возродить и некоторым образом инициировать интерес научного сообщества к изучению проблемы внутреннего «устройства» адаптивного механизма (с целью необходимой передислокации научных сил), во-вторых, затронуть концептуальные вопросы, связанные с иерархичностью механизмов адаптации.

Центральной и наиболее сложной проблемой в изучении любого социального процесса является адекватное представление его механизма. Термином «механизм» в российской языковой практике определяется обычно «внутреннее устройство объекта, приводящее его в движение» [Ожегов, 1994. С. 300], или же «совокупность состояний и процессов, из которых складывается какое-либо явление» [Словарь., 1989. С. 316]. Второе определение несколько ближе по смыслу душе социолога, поскольку изучение состояний и процессов является его основным занятием. Р. Будон, давая определение социального механизма, мастерски использует элементы и того, и другого, синтезируя их следующим образом: «Объяснение социального явления означает выделение более или менее сложного набора каузальных положений, ответственных за это явление. Такие наборы соответствуют тому, что мы обычно называем социальными механизмами» [Будон, 1998. С. 109—110]. Итак, набор каузальных положений, ответственных за конкретное социальное явление, и назовем, следуя в фарватере идей Р. Будона, социальным механизмом. Опираясь на данное представление и богатое разнообразие научных интерпретаций термина «адаптация», попытаемся дать определение механизма социальной адаптации, учитывая, в меру своих возможностей, мультипарадигмальный и поликонцептуальный фон теоретической социологии, а также органическую встроенность проблематики адаптаций в контекст разных теоретических подходов и ракурсов.

Механизм социальной адаптации — это симбиоз уникальных каузальных состояний, явлений и процессов: 1) существующих в контексте сопутствующих им и продуцирующих их социальных факторов (детерминант, регуляторов, факторов-аттракторов и т. д.), 2) актуализирующихся в определенной последовательности, 3) направленных на:

восстановление *гомеостазиса* системы, вследствие нарушенного равновесия в рамках бинарной оппозиции система — среда (Бернар, Кеннон, Селигман, Джонсон, Крозье и др.),

гомеорезис, рост приспособленности системы к среде посредством совершенствования внутренней структуры, перехода системы на более высокие стадии развития, а также развитие и совершенствование самой бинарной оппозиции система — среда (Царегородцев и др.),

купирование дисфункций системы, повышение эффективности функционирования системы в данной среде, в том числе и через «сдвиг в функции или форме» (Encyclopedia Americana, 1963, vol.1, Мертон, Гумилев Л. и др.),

восстановление в изменившихся условиях достигаемости *целей* индивидуальными или корпоративными акторами, предпочтительно с минимальными энергетическими и социальными затратами (Вебер, Беннет и др.), наличие *надежного набора решений* (Добжанский, Джочим и др.), устранение рассогласованности, несоответствий, разрывов, противоречий, конфликтов во *взаимодействиях* индивидуальных или корпоративных акторов и, напротив, установление состояния консенсуса, согласованности, гармонизации их интересов, действий и социальных ожиданий (Вебер, Х. Инглиш, А. Инглиш и др.),

устранение рассогласованности, несоответствий, разрывов, противоречий, конфликтов между: а) экономическим базисом и надстройкой, уровнем развития производительных сил и производственных отношений (Маркс), б) разными подсистемами общества — экономической, социальной, политической, культурной, правовой, демографической и т. д., в) материальной (орудия труда, вещи, здания, транспорт и пр.) и нематериальной (обычай, убеждения, философские системы, законы и формы правления) культурой (Огборн и др.), институтами формальными и неформальными (Норт) и т. д.,

преодоление противоречий между неторопливыми «естественными» биологическими ритмами человека и ускоренными ритмами жизни, навязанными ему агрессивной быстро развивающейся технотронной и социальной средой (Дюссер, Гюан, Сен-Марк и др.), между биологическими инстинктами человека как вида и социокультурными требованиями, предъявляемыми ему обществом (Фрейд),

преодоление разрывов и несоответствий в *социокультурных образцах*, в *ценностно-нормативной системе* общества, рост приспособленности социальных норм к изменившимся обстоятельствам (Козер и др.), преодоление возникшего в новых условиях объективного состояния (либо субъективного ощущения данного состояния таковым) социального

дискомфорта, отчуждения, изоляции, депривации, эксклюзии, утраты идентичности, дезорганизации, дезинтеграции, разобщенности, дисбаланса и, более того, достижение состояния (либо субъективного ощущения состояния таковым) социального *комфорта*, *социальной идентичности*, *интегрированности*, *солидарности*, *инклюзии* (включенности), обладания, полноценности, организмичности, *сбалансированности* и т. д. (Дюркгейм, Сорокин, Маслоу, Гидденс, Фромм, Кули и др.),

преодоление социально-психологических патологий разного рода — *тревог*, *страхов*, напряженностей, негативного мироощущения, *трагического мировосприятия*, бессилия, *пессимизма*, апатии и т. п. (Левицкий, Шибутани, Фромм и др.),

«переход» (перевод) ситуационного поведения адаптанта, представляющего собой пробную, подчас случайную реакцию на новые вызовы времени, в разряд устойчивых *социальных практик* (Хоманс),

освоение (освоенность) новых *ролей* либо восстановление нарушенных старых социально-ролевых предписаний, связей и отношений (Линтон, Мертон, Мид, Г офман и др.),

преодоление *гистерезиса* — эффекта несоответствия, запаздывания изменений габитуса (т. е. ментальных или когнитивных структур, посредством которых люди действуют в социальном мире; системы структурированных и структурирующих диспозиций, которая образована практикой и постоянно нацелена на практические функции) в связи с физическим перемещением в принципиально иную социальную среду (поле) (Бурдьё),

сокращение диапазона рассогласованности, разрывов между *интерпретативной картиной мира* субъекта и социальной реальностью (Гадамер, Г арфинкель и др.),

включение индивидуального или корпоративного актора в новые модели связей, новые или скорректированные *сети*, *сетевые структуры* из-за необходимости их обновления или ввиду их утраты (Уэлман, Берт, Грановеттер и др.),

восстановление *разрушенной диалектики* (консенсуса, способности к коммуникации и достижению понимания) между *системой* (понимаемой как внешний взгляд на общество «с наблюдательной позиции кого-то извне»; структурные характеристики такого рода системы — семья, судоустройство, государство, экономика и др.) и *жизненным миром* (тракуемым как взгляд изнутри, точка зрения действующих субъектов на общество), проявляющейся в увеличении власти первой над последним (Хабермас) и т. д., и т. п.,

дифференциацию системы, суть которой состоит в постепенном ее (системы) освобождении от аскрипции (феномен сплава независимых функций в одной и той же структурной единице) и в результате этого — росте ее (системы) приспособленности к окружению (Парсонс).

Данное определение социального механизма адаптации — много-ступенчатое, амбициозное, претендующее на широту подхода и все же

весьма ограниченное, с точки зрения очевидной всеобъемлющей широты данного феномена несомненно вызовет справедливую критику. Более того, определение это является яркой иллюстрацией полного отчаяния его автора. Ведь оно исполнено в жанре «социологической окрошки» (или «социологического компота») и представляет собой попытки по кусочкам соединить многие идеи и подходы, которые можно использовать, чтобы пролить свет на социальное видение механизма адаптации. Однако, несмотря на явные недостатки, оно содержит и заметные удобства (преимущества) для пользователя, поскольку выполнено в технике «пазла». Любой исследователь, фокусирующий свой предметный интерес на одной из сторон адаптации, на одном из многих научных ракурсов, может с легкостью отбросить ненужные ему сюжеты и собрать из предлагаемых ему деталей (блоков) любое, соответствующее его задачам, определение механизма социальной адаптации или же сконструировать по предлагаемой схеме собственное определение, опираясь на иные, не содержащиеся в нашем определении, социологические сюжеты и концептуальные подходы.

«Механизменный» подход к анализу адаптаций состоит в выяснении многих групп вопросов, имеющих универсальный характер. 1. Результатом какой цепи событий, состояний, явлений, процессов она является? 2. Какие главные стадии проходит? 3. Под воздействием каких сил (рычагов, детерминант, факторов, факторов-аттракторов, катализаторов и пр.) возникает и развивается? 4. Какие адаптивные ресурсы задействует? 5. С помощью каких средств осуществляется? 6. Какие противодействующие силы и барьеры преодолевает и какими средствами? 7. Каковы естественные пределы пространства функционирования конкретного механизма? 8. Какова, наконец, эффективность данного механизма адаптации с точки зрения целого ряда критериев — экономичность, скорость, результативность и пр.? И так далее.

Для изучения этой группы вопросов, на наш взгляд, в систему социологических понятий следует ввести ряд дополнительных терминов. Так, описание адаптивных механизмов предполагает поиск и обнаружение *адаптера*. Это главный блок в механизме адаптации, его несущая конструкция, та самая, которая созидает адаптацию (термин этот широко используется в естественных науках, например, медицине). Целесообразно выделение и *адапализаторов*, т. е. совокупности элементов, факторов, условий, регуляторов, детерминант, повышающих адаптивную способность, помогающих раскрыться адаптивному потенциалу, ускоряющих адаптивный процесс. В свою очередь под *адаптивной технологией* следует понимать совокупность конкретных методов и процедур реализации того или иного адаптивного механизма (в соответствии со словом технологический — относящийся к технологии, к обработке материала, изделия по строго установленной технологии), термин этот включает моменты самоуправления, а также управленческого воздействия «со стороны».

Ниже вниманию читателя будут предложены две концепции, касающиеся *архитектоники* адаптивного механизма, а также концепция спецификации адаптивных механизмов. Концепции эти имеют достаточно универсальный характер и могут быть использованы в социологических исследованиях адаптационных процессов многих социальных систем — организаций, институтов, социальных групп, территориальных общностей, обществ, цивилизаций и пр.

Концепция постепенного включения разных по глубине механизмов адаптации

Эта концепция зародилась в естественных науках, медицине. Здесь мы попытаемся несколько переосмыслить отдельные позиции данной концепции «в социологическом ключе» и таким образом интегрировать ее (концепцию) в социологическое поле «идей, смыслов и представлений» об адаптациях.

Важный момент — в зарубежной научной литературе отмечается специфическая архитектоника адаптивных механизмов. Они иерархически упорядочены, в том смысле, что а) более глубокие механизмы связаны с большей структурной модификацией и происходят более медленно и б) если данный механизм эффективен, адекватно реагируя на импульсы среды, то включение более глубоких механизмов можно предотвратить. Структура отдельного механизма определяет диапазон условий среды, или пертурбаций, на которые он может отвечать. Характером среды и ее изменений, в свою очередь, определяется, какой механизм (или вообще никакой) может быть эффективным и на какой глубине, вероятно, будет находиться такой эффективный механизм [Slobodkin, 1968, 1974].

В унисон идеям зарубежных исследователей, а также российских патофизиологов И. Р. Петрова и В. Б. Лемуса [1966], выделяющих адаптационные механизмы разной глубины, рассмотрим теоретическую концепцию ступеней адаптивного механизма, верную, на наш взгляд, не только для биологических, но и для социальных систем разного уровня. Для начала введем новое понятие — ступени включения адаптивного механизма. Оно означает последовательность, очередность, уровни задействования адаптивных механизмов (подмеханизмов) разной глубины в результате давления со стороны среды и в зависимости от его силы.

Уровни включения адаптивных механизмов разной глубины имеют, как минимум, четыре главные ступени. Первая ступень адаптивных механизмов — это предохранительные барьеры адаптирующегося субъекта, т. е. те внутренние структуры (в медицине они именуется «морфофизиологическими»), которые априори защищают, страхуют его от «флуктуаций» многих социальных факторов среды. В границах этих флуктуаций субъект адаптации оказывается *преадаптирован* (т. е. обла-

дает свойством, имеющим приспособительную ценность для еще не осуществленных форм взаимодействия со средой) или *постадаптирован* (т. е. обладает свойством, некогда имевшим приспособительную ценность, затем утратившим эту ценность в силу каких-либо обстоятельств и, наконец, вновь вернувшись, обретшим, возродившим ее в новых условиях), а сами адаптации носят весьма поверхностный характер, не затрагивая глубинных процессов, связанных со сдвигами в поведении или внутренней структуре самого адаптанта. Такого рода защитные барьеры делают адаптацию почти не заметной для субъекта. Например, летом, покидая дом в ненастье, мы берем с собой зонтик или плащ; зимой, когда случается гололедица, мы стараемся чаще ездить на транспорте, нежели ходить пешком по не посыпанным песком улицам; когда меняются курсы валют, стремимся избавиться от невыгодных валют; когда обостряются наши отношения на работе с руководством, одни из нас стараются не попадаться ему на глаза, вторые же наоборот, стремятся продемонстрировать свое рвение к работе и т. д.

Приведем и другой пример. Если речь идет о таком социально-территориальном образовании (системе), как регион, то и здесь на первой ступени включения адаптивного механизма сперва активизируются его внутренние резервы, или «потенциальные активы» (финансовые, экономические, политические, социальные и др.).

Когда потенциал защитных барьеров оказывается исчерпанным, а адаптация не происходит, включается вторая ступень адаптивного механизма.

Вторая ступень адаптивных механизмов — защитные формы регулирования трансформирующего и преобразующего плана — актуализируется под воздействием крупных сдвигов в «среде» или заметных «внутренних» перемен (т. е. «сильных раздражителей», мед.) и делится на следующие подступени: 1) простые, элементарные, «естественные» защитные формы реагирования (аналог условных рефлексов в медицине) и 2) сложные, многообразные по составу входящих элементов защитные формы реагирования. Понятно, что последние подключаются в том случае, когда репертуара форм реагирования (социокультурных образцов) первого типа оказывается недостаточно для успешного завершения адаптации.

Представим, к примеру, такой сюжет. Некто потерял работу на производстве, не сумев найти общий язык с непосредственным начальником. Простые элементарные формы реагирования в этой ситуации — активный поиск подходящей работы на своем же предприятии либо в месте своего проживания. Когда такого рода поиск не удается, включаются более сложные защитные формы реагирования — выезд в поисках подходящей работы в другой регион страны или даже за рубеж.

Если же речь идет о социально-территориальном образовании (системе), каковым выступает регион, то на второй ступени включения адаптивного механизма можно ожидать уже таких более сложных пове-

денческих решений, как, например, поиск инвесторов «на стороне», заем финансовых средств, активизация иммиграции рабочей силы и пр.

Содержание третьей ступени адаптивных механизмов составляет «актуализация компенсаторных процессов». Она возникает в том случае, когда спасительного действия механизмов второй ступени оказывается недостаточно, а риск будущего адаптивного поражения становится весьма реальным. Подтягивание компенсаторных процессов к решению адаптивных задач — это, как правило, способ «адаптивного выживания» отдельных частей адаптирующейся системы либо за счет своей собственной деформации (чаще всего, негативного, опасного, патогенного характера), либо за счет агрессивной разрушающей деформации уже других частей системы или же системы в целом. Компенсации могут (1) разворачиваться в последовательном порядке — одна за другой, при этом каждый раз последующая как бы подстраховывает и «выручает» предшествующую, (2) начать действовать одновременно и согласованно либо (3) вразнобой и хаотично (в случае, когда адаптирующаяся социальная система переживает состояние «паники»). Как долго могут работать адаптивные механизмы в компенсаторном режиме? Во-первых, пока жива сама адаптирующаяся система, ведь компенсаторные процессы выводят систему за пределы тех параметров жизнедеятельности, в границах которых она «полноценна», «здорова» и сохраняет свою жизнеспособность. Во-вторых, адаптирующаяся система сможет отказаться от помощи компенсаторных процессов в том случае, если со временем сила давления среды вернется к первоначальным параметрам (или во всяком случае значительно ослабнет).

В качестве иллюстрации продолжим грустную историю о человеке, потерявшем работу и уехавшем в другой регион или за рубеж. Увы, на новом месте его также ожидают проблемы. Подходящей работы нет, смена места жительства, непривычный климат, иная (а может быть, и враждебная) социокультурная среда подорвали его здоровье, и, не имея медицинской страховки, он должен прибегнуть к механизмам адаптивного выживания компенсаторного плана (например, переехать из элитного района в трущобы, сменить просторную квартиру на тесную, снизить качество питания, завести долги, начать распродавать ценные вещи и т. д.). Иными словами, проблемы своего здоровья (лечения) он решает посредством ухудшения, «за счет» своих жилищных условий.

Для иллюстрации третьей «компенсаторной» ступени адаптивного механизма обратимся к результатам анализа адаптации региональных рынков труда России к экономическим преобразованиям 1990-х гг. Как удалось установить, в условиях экономической дезорганизации и спада в те годы осуществлялась парадоксального вида «штопка» зияющих дыр института рынка труда (безработица, напряженность) за счет компенсаций особого типа — сбоя функционирования других институтов, например, финансовых. Чем больше финансовых средств регион оставлял у себя, не выплачивая в консолидированный бюджет налоги на прибыль, акцизы и

пр., тем благополучнее складывалась у него ситуация в сфере занятости. Лоббирование финансовых интересов сильными региональными лидерами на федеральном уровне неизменно оказывало положительный эффект на состояние регионального рынка труда, его адаптацию к происходящим в стране переменам, разрушая тем временем финансовые институты в стране. Иными словами, одни экономические институты решали свои проблемы за счет других [Корель, Корель, 1999].

Заметим, что в режиме декомпенсации адаптирующейся системы — неспособности ее приспособительных устройств компенсировать сбои в функционировании одних ее элементов, частей, структурных блоков за счет поддерживающего эффекта других — наступает разрушение и распад этой системы, а значит, и выход ее из адаптивного пространства. Декомпенсация может возникнуть как из-за отсутствия в адаптирующейся системе необходимых структур, способных работать в компенсационном режиме, так и ввиду исчерпания компенсаторных ресурсов, вызванного длительностью задействования компенсаций.

Однако стадия актуализации компенсаторных процессов не всегда завершается столь драматически. По большому счету, предназначение ее состоит в том, чтобы: 1) либо *переждать*, когда иссякнет возмущающее воздействие неблагоприятного фактора, и вернуться к исходному «доадаптивному состоянию», 2) либо, оттянув время, *подготовиться к более адекватному ответу* на вызов среды (например, пересмотреть и скорректировать концептуальный образ мира, отыскать новые более совершенные способы реагирования на агрессию со стороны внешней среды и т. д.), а значит, в этом случае социальная система на протяжении всех трех стадий должна осуществлять в «автономном параллельном» режиме поиск и отбор наиболее эффективных образцов адаптивной реакции инновационного плана, причем таких, которые обеспечат гомеорезис (развитие) системы.

Итак, на смену третьей приходит четвертая стадия — «активация инновационных процессов». Эта стадия становится возможной лишь в том случае, если адаптирующаяся система *наделена способностью противостоять внешним и внутренним воздействиям путем преобразования своей структуры и функций*. В социологической практике содержание этой ступени составляет, как правило, интернализация новых, соответствующих измененным требованиям среды, ценностей, норм, габитусов, социальных практик, ролей, сетей, стереотипов поведения, интерпретативных картин мира и многое другое. Впрочем, момент экстернализации (экстериоризации) также может иметь место.

Существует большое число разнообразных социологических теорий социального изменения, акцентирующих внимание на инновационном аспекте. В качестве иллюстрации обратимся, например, к парадигме эволюционного изменения Парсонса и его идеям о динамическом равновесии системы. Предложенная им схема такова: противодействующие силы проникают в сбалансированную систему, выполняя функцию сти-

мулов; сбалансированная социальная система *адаптируется* к таким возмущающим воздействиям, вводя их в функционирующую систему и устанавливая новый уровень равновесия [Парсонс, 1994, 1996].

Подытожим ключевые идеи данной концепции.

1. В ходе адаптации социальной системы к изменениям в среде выделяются четыре ступени адаптивного механизма — барьеры, защита, компенсация, инновация.

2. Эффективный адаптивный ответ может быть найден во время нахождения субъекта адаптации на любой из ступеней (стадий) адаптивного механизма. Причем каждая последующая ступень актуализируется только в том случае, если на предыдущей не было найдено эффективное адаптивное решение.

3. Ареал ответственности (действия) каждой ступени адаптивного механизма ограничен величиной ее адаптивного потенциала, объемом адаптивных ресурсов, репертуаром наличных социокультурных образцов и пр.

4. Включение адаптивных механизмов разной глубины определяется величиной нагрузки (давления) со стороны среды. Иными словами, от силы давления среды зависит порядковый номер ступени, на которой субъект адаптации находит эффективное адаптивное решение. Чем выше давление среды, тем выше вероятность поэтапной актуализации всех четырех ступеней. При слабом и умеренном давлении достаточно включения механизмов I и II ступеней, сильном и сверхсильном — требуется активизация механизмов III и IV ступеней.

5. В границах I, II и III ступеней адаптивного механизма система имеет шанс обрести адекватный адаптивный ответ на основе актуализации «запасника», «схрона» готовых эффективных форм адаптивного реагирования (аналогично тому, как перетряхивая старый гардероб, мы можем обнаружить в нем, помимо всего прочего, совершенно новое платье или новую материю вместе с выкройками, ножницами и швейной машинкой). Тем не менее, думается, что, находясь на компенсаторной (III) ступени адаптивного механизма, система ограничена в возможностях широкого маневрирования, поскольку в данном случае затрагивается режим функционирования глубинных базовых функциональных блоков, массовое переустройство которых «на ходу» представляется проблематичным и чревато риском тотальной декомпенсации.

6. Гибель системы наступает в результате исчерпания лимита ресурсов всех четырех ступеней.

7. Описываемая конструкция адаптивного механизма в целом статична. Динамизм ее состоит исключительно в возможном обогащении и расширении, в известных границах, поля действия структурных элементов каждой из двух первых ступеней. Что касается содержания IV ступени — инновации — то механизм ее возникновения остается за кулисы данного концептуального анализа и предполагает специальные изыскания. Увы, один из самых интересных элементов адаптивного механизма остается

неразгаданным в рамках данной концепции. Но это и понятно, поскольку, зародившись в медицине, она оказалась скорее направленной на выяснение обстоятельств нарушения и восстановления гомеостаза организма, подверженного воздействию неблагоприятных условий среды, нежели на его гомеорезис.

При определенной ограниченности исходного замысла обсуждаемой концепции, она все же содержит глубокие и верные идеи о много-ступенчатой системе защиты адаптирующегося субъекта, попавшего под пресс крупных преобразований, о высокой целесообразности и экономичности устройства его адаптивного механизма.

Многочисленные труды социологов и экономистов о способах и путях рыночных преобразований в России дают наглядную картину того, что в период шоковой терапии враз были сметены и адаптивные барьеры, и защитные формы адаптивного реагирования многих социально-экономических, политических, демографических и социокультурных институтов, организаций, регионов, территориально-национальных общностей, групп и отдельных людей. Все эти образования в ходе адаптации попали в плен затяжной полосы разного рода компенсаций (бартер вместо товарно-денежных потоков, «понятия» вместо отсутствующих законов, мыльные оперы взамен реального жизненного мира, труд бессмысленный и спекулятивный взамен созидательного, производство символов и знаков взамен производства материальных и духовных благ и т. д.) и декомпенсаций (о чем свидетельствует банкротство многих тысяч предприятий, разрушенные интерпретативные картины мира психически больных людей, переполнивших больницы, суицид, агрессия, террор и войны), длящихся и по сю пору. Стратегическое направление развития России в адаптивном ракурсе в ближайшее десятилетие, видимо, будет являть собой не что иное как последовательное восстановление режима компенсаций в зонах воцарения декомпенсаций и утверждение режима действия инновационных начал взамен компенсационных механизмов.

Концепция спецификации адаптивных механизмов, обслуживающих разные адаптивные стратегии: развитие, защита, уход, реверсия

Адаптивные механизмы при всем их многообразии можно свести к четырем основным типам, в соответствии с тем, какие принципы (как осознаваемые, так и неосознаваемые) исходно были заложены в реализуемую адаптивную стратегию и какой результат в итоге был получен — развитие, реверсия, защита или уход адаптанта от перемен. Обратимся к существу каждого из механизмов.

Механизм адаптации-развития имеет место в тех ситуациях, когда субъект адаптации (агент, индивидуальный или корпоративный актор, социальная система) конструктивно относится к прогрессивным общественным изменениям, готов к корректировке (или изменению) жизнен-

ных целей и (или) средств их достижения. В основе этого механизма лежат процессы освоения (осваивания) инноваций — новых целей, новых средств достижения старых целей, новых средств достижения новых целей, овладения новыми ролями, моделями поведения, а также корректировки или создания нового субъективного образа мира, релевантного изменившимся условиям. Процессы эти, в свою очередь, осуществляются посредством рефлексии, обучения, заимствования, подражания «успешным другим» и т. д. (табл. 7.1). В результате происходит совершенствование внутренней структуры субъекта адаптивного процесса.

Таблица 7.1

Виды адаптивных механизмов

Развитие (адаптация как развитие)	Защита (адаптация как защита)	Уход (адаптация как уход, уклонение)	Реверсия (адаптация как откат назад, как регресс)
<ol style="list-style-type: none"> 1. Освоение новых средств достижения старых целей 2. Освоение новых целей и средств их достижения 3. Корректировка старого или конструирование нового позитивного субъективного образа мира, релевантного изменившимся условиям 4. Совершенствование внутренней структуры субъекта адаптивного процесса с учетом новых требований 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Агрессия (в явной или скрытой форме) 2. Сопротивление (скрытое или явное) 3. Мимикрия 4. Аккомодация 5. Вымещение 6. Дискредитация 7. Терпение 8. Компенсаторность 9. Сбережение сложившегося субъективного образа мира, релевантного прежним условиям 10. Сохранение внутренней структуры субъекта адаптации 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Поиск и обретение социальной ниши 2. Физическое перемещение в иную среду: <ol style="list-style-type: none"> а) эмиграция за пределы страны (города, села и пр.); б) увольнение с предприятия, фирмы и пр. 3. Отчуждение 4. Аутизм 5. Вытеснение 6. Корректировка субъективного образа мира, ослабляющая релевантность адаптанта прежним условиям существования, но и не формирующая его релевантность новым условиям 7. Деформация (в сторону упрощения) внутренней структуры субъекта адаптации 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Занижение требований к себе 2. Занижение уровня потребностей 3. Понижение социальных позиций в обществе 4. Занижение или распад социальной сети 5. Ограничение выполняемых в обществе функций 6. Деформация-разрушение старого, невозможность конструирования нового позитивного субъективного образа мира (или же создание его враждебного образа) 7. Упрощение внутренней структуры субъекта адаптивного процесса

Механизм адаптации-защиты включается тогда, когда субъект адаптации: а) не в состоянии достичь старых целей в новых условиях, в том числе новыми средствами, б) не считает возможным или не способен интериоризировать новые цели, новые средства, либо то и другое вместе. Механизм этот многолик и объединяет в себе достаточно разнообразные процессы:

социальную агрессию (применение силы, активное противодействие, активный протест — например, забастовки, демонстрации, открытый саботаж и т. д.);

социальное сопротивление или противодействие (неподчинение, скрытый саботаж и т. п.);

социальную мимикрию (внешнее «подстраивание» под социальный ландшафт при внутреннем его отторжении и сопротивлении ему);

аккомодацию (процесс формирования приспособлений в конфликтных ситуациях, связанный с сознательными обоюдными усилиями адаптирующихся сторон выработать такие соглашения, которые способны отсрочить конфликт и сделать отношения более сдержанными; иными словами, приведение конфликтных элементов в состояние взаимной терпимости, толерантности);

социальное вымещение (переориентацию отрицательного импульса с одного объекта, недоступного для ответного действия, на другой, более достигаемый; например, отрицательное отношение к реформам может проявляться в бойкоте выборов, голосовании «против всех»; адаптивные неудачи предпринимателя в бизнесе — вызвать необоснованное увольнение подчиненных и т. д.);

социальную дискредитацию (принижение, умаление авторитета, подрыв доверия к другим для оправдания собственного поражения, например, умаление авторитета осуществляющих реформы властей с целью сохранения самоуважения, позитивного «Я-образа» в условиях собственных адаптивных неудач);

социальную проекцию (бессознательное или сознательное приписывание контрагенту по адаптивному процессу собственных негативных желаний, интересов, намерений социального плана, такого рода процесс расширяет спектр адаптивных средств, выводя их за рамки права и морали, поддерживает позитивный «Я-образ»);

социальное терпение (безропотное и стойкое перенесение неприятных, нежелательных социальных испытаний, невзгод, надежда «переждать» ситуацию: «авось, со временем все переменится»);

компенсаторность (реакцию субъекта адаптации в условиях декомпенсации, т. е. неспособности приспособительных устройств отдельных его подструктур компенсировать вызванные давлением со стороны среды болезненные, повреждающие или разрушительные изменения; суть данной реакции состоит в возмещении функций поврежденных элементов структуры за счет непострадавших);

социальную конверсию (умаление субъектом значимости чувствительных для него по своим негативным социальным последствиям адаптивных событий);

сохранение ментальной карты мира, его сложившегося субъективного образа, релевантного прежним условиям и т. д., при возможной деформации (или корректировке) поведенческих стереотипов.

В ходе актуализации данного механизма субъект адаптации стремится сохранить свою внутреннюю структуру, свою диспозицию в социальном поле.

Механизм адаптации-ухода, как и предыдущий, задействуется тогда, когда субъект адаптации: а) не в состоянии достичь старых целей в новых условиях, в том числе новыми средствами, б) не хочет или не способен интериоризировать либо новые цели, либо новые средства, либо то и другое вместе. Однако внутреннее содержание этого механизма составляют процессы иного плана — выхода из силового поля неблагоприятных изменений среды, на которые невозможно оказывать корректирующее воздействие. Определяющими здесь являются ощущения бесилия, потребность в самоотстраненности, самоизоляции. Каковы же конкретные способы такого «выхода»? К ним относятся:

поиск и обретение социальной ниши, т. е. локальной среды, в которой еще можно жить по-старому, поскольку инновации ее не коснулись (например, известно, что реформирование общества начинается со столицы, на периферии государства жизнь еще долго идет по старым порядкам; впрочем, любая реформа всегда сегментирована и долгое время оставляет экономические и социокультурные зоны, свободные от своего воздействия);

физическое перемещение в иную среду, например, эмиграция как «физический уход» из пространства нежелательных социальных перемен или увольнение с предприятия либо фирмы, адаптироваться к порядкам в которых трудно или невозможно;

отчуждение (состояние отрешенности от происходящих изменений, адаптивных проблем);

аутизм как крайняя форма отчуждения (уход от контактов с окружающей действительностью и погружение в мир собственных переживаний);

вытеснение (стремление забыть те социальные изменения, адаптивные события и факты, которые неприятны, болезненны или таят угрозу для субъекта адаптации; осуществляется через занятия экстремальными видами спорта, погружение в быт, употребление алкоголя или наркотических средств, уход в работу — трудоголизм и т. д.);

корректировка субъективного образа мира, ослабляющая релевантность адаптанта к прежним условиям и т. д., но и не формирующая его релевантность новым условиям.

Использование данной модели адаптивного механизма приводит к деформации внутренней структуры субъекта адаптации.

К механизму адаптации-реверсии субъект адаптации прибегает в том случае, когда, как и в двух предыдущих, он: а) не в состоянии достичь старых целей в новых условиях, в том числе новыми средствами, б) не считает возможным или не способен интериоризировать либо новые цели, либо новые средства, либо то и другое вместе. Составляющими этого механизма выступают следующие «негативные» процессы: занижение требований к себе; занижение уровня потребностей;

примитивизация быта, моделей и образцов повседневной жизнедеятельности;

локализация, ограничение (или распад) социальной сети; утрата значимых социальных позиций, обеднение набора выполняемых в обществе функций, ролей и пр.;

деформация, разрушение старого, невозможность конструирования нового позитивного субъективного образа мира (или же создание его враждебного, агрессивного образа) и т. д.

Действие этой модели механизма провоцирует упрощение, примитивизацию внутренней структуры адаптанта.

Такова в общих чертах концепция спецификации адаптивных механизмов, обслуживающих разные адаптивные стратегии. В ней мы попытались выделить и описать четыре важнейшие типа адаптивных механизмов, характеризующиеся принципиальными, существенными различиями: 1) адаптация как развитие, 2) адаптация как защита, 3) адаптация как уход (уклонение), 4) адаптация как реверсия. Данная концепция имеет универсальный характер и приложима в той или иной мере практически ко всем адаптирующимся социальным субъектам: индивидуальным и корпоративным акторам, территориальным общностям, региональным образованиям, социальным системам разного уровня и пр., хотя, разумеется, необходима должная «привязка» понятийных и эмпирических индикаторов к конкретному классу адаптирующихся субъектов. Кроме того, подчеркнем следующее: если первую модель следует рассматривать как позитивную, обеспечивающую совершенствование внутренней структуры субъекта адаптации, то последняя — является безусловно негативной по своей направленности и содержанию. Вторая и третья модели, в зависимости от событийного контекста, могут иметь как нейтральный, так и негативный характер. *В постсоциалистической России в ходе реформирования наибольшее распространение получили вторая, третья и четвертая модели.* Это подтверждается результатами государственной статистики, фиксирующей состояние экономической, демографической и социокультурной подсистем общества, а кроме того, данными многих социологических исследований, проведенных, в частности, в отделе социальных проблем ИЭОПП СО РАН, Институте социологии РАН, ВЦИОМ, Левада-Центре и др. (см., например, работы Г. Гвоздевой, М. Горшкова, Т. Заславской, З. Калугиной, П. Козыревой, Н. Лапина, Ю. Левады, Н. Римашевской, Н. Тихоновой, Ж. Тощенко, В. Ядова и др.).

Комбинаторная концепция иерархичности адаптивных механизмов

Смысл данной концепции, назовем ее комбинаторной, станет понятен, если мы вспомним об устройстве русской складной матрешки, позволяющем уяснить, как адаптивные механизмы могут быть «вложенными» один в другой. В данном случае в основе упорядочения механизмов лежит принцип генерализации — от частного к общему, от малого к большому.

Истоки этой концепции восходят к трудам К. Маннгейма. В своей книге «Человек и общество в век преобразования» [Маннгейм, 1991] он высказал замечание, интерпретируя которое, можно заключить, что в условиях крупных общественных перемен перед индивидом возникает дилемма: либо выстроить самостоятельную индивидуальную стратегию адаптации, не оглядываясь на способы и направления адаптации социальных групп, социальных организаций, в которые он входит, либо поступить прямо противоположным образом — войти в фарватер адаптивных стратегий этих групп и организаций и совместно с ними осуществлять процесс адаптации. В начале 1990-х гг., занимаясь эмпирическим изучением адаптивного поведения общественных групп, мы получили возможность убедиться в правильности этого заключения. Позднее возникло соображение о необходимости презентации этих идей в виде соответствующей концепции.

Итак, в ходе адаптации институтов (и организаций) к изменениям среды входящие в них индивиды (социальные группы) могут либо органично, так сказать, автоматически, влиться в «институциональный», «организационный» или «групповой» адаптивный процесс, прилагая усилия к выработке собственной стратегии адаптивного поведения лишь в определенных границах (многие стратегические вопросы об их адаптациях принимаются вне сферы их компетенции), либо же попытаться выработать свои индивидуальные (групповые) стратегии адаптации самостоятельно, вне зависимости от институциональной и организационной сред. В первом случае все проще: адаптирующийся субъект подобно песчинке, подхваченной гигантской морской волной, несется в общем потоке воды и песка, направляемый преимущественно чужой волей — волей волн. А его адаптация — есть, в значительной мере, результат адаптивных решений, принимаемых структурами более высоких уровней, в которые он входит, таких как группа, организация, институт, общество. Во втором случае — адаптивная инициатива, ответственность и риски — становятся прерогативой исключительно самого адаптанта.

И тем не менее, какова возможная диспозиция адаптации в первом случае? Конечно, все не так уж однозначно, как в примере с морской волной. Момент индивидуального выбора, относительной самостоятельности все же присутствует и здесь. В силу этого обстоятельства, как представляется, адаптации такого рода могут быть: 1) синхронными

(совпадающими во времени) и однонаправленными (с точки зрения содержания действия, конечной цели), 2) асинхронными, но однонаправленными, 3) синхронными, но разнонаправленными и, наконец, 4) асинхронными и разнонаправленными. Понятно, что результаты реализации этих четырех моделей адаптации будут разными.

В данном контексте важно отметить не только универсальный факт адаптивного влияния структур (образований) высшего уровня на характер адаптации структур более низкого уровня в режиме «лестницы, ведущей вниз» (например, социетальной адаптации на институциональную, институциональной на организационную, организационной на групповую, групповой на индивидуальную), но и встречный (обратный) процесс — воздействие последних на первые (феномен «лестницы, ведущей вверх»). Ведь в определенном смысле индивидуальные адаптации создают групповые адаптации, групповые адаптации участвуют в формировании организационных адаптаций, организационные адаптации оказываются задействованными в институциональные адаптации, а институциональные — в социетальные.

Вот один из возможных конкретных примеров — ситуация в науке в России 1990-х гг. Институт науки реорганизовывался, трансформировался, перестраивался в связи с резким сокращением государственного финансирования. Шел поиск новых источников финансирования: создались международные исследовательские центры, технопарки, «дочерние фирмы» прикладной направленности и пр. В этих условиях одна часть работников науки приняла новые «институциональные условия игры», влилась в общий ход преобразований, не предпринимая собственных адаптивных инициатив, однако находясь в фарватере уже заданных адаптационных стратегий групп, лабораторий, отделов, организаций и институтов. Вторая — одновременно подключилась к параллельному самостоятельному поиску дополнительных способов выживания вне рамок данного института: занялась предпринимательской деятельностью, всякого рода подработками на стороне, уехала на временные заработки за рубеж и т. д. Третья — предпочла решать свои проблемы сама за пределами данного института: вовсе ушла из сферы науки в предпринимательский сектор, пополнила ряды государственных чиновников, политиков, отбыла на постоянное жительство за рубеж («утечка мозгов») и пр.

В первых двух случаях принадлежность ученого к адаптирующемуся институту, лаборатории, группе как бы автоматически включала его в их адаптивные процессы и тем самым «облегчала» адаптивную задачу, сберегая адаптивные ресурсы, снижая адаптивные риски, упрощая поиск индивидуальной стратегии выживания и пр., т. е. архитектура механизма их адаптации оказалась сродни устройству русской «матрешки», хотя матрешки эти разные. Матрешка второго типа — более устойчива в социальном плане, ее социальные риски значительно ниже, согласно пословице: «ласковое дитя двух маток сосет».

В третьем случае — «уход на свободные хлеба» — ситуация уже принципиально иная, она требует затрат больших объемов адаптивных ресурсов и сопряжена с повышенными рисками из-за отсутствия (утраты) поддерживающих, патерналистских структур более высоких уровней.

Замечу, что речь в данном случае идет о комбинаторном устройстве ряда адаптивных механизмов, а также о некоторых сопутствующих ему предпочтениях для субъектов адаптации. Вопрос об его относительной успешности или эффективности по сравнению с другими здесь не рассматривается. Данные позиции — успешность, эффективность — определяются подчас совсем другими факторами, нежели уровень «комбинаторности» (т. е. включенности либо невключенности в адаптивный процесс более общих структур), в частности, возможной способностью субъекта адаптации искусно выбрать правильную стратегию «сочетания» этих элементов адаптивного поведения — «попасть в яблочко», или, иными словами, «пройти по лезвию бритвы», балансируя между ошибкой изоляции и ошибкой интеграции в какую-либо структуру (группа, организация, институт и пр.). Ведь справедливости ради стоит заметить, что неадекватные модели адаптации крупных институтов, организаций и групп способны сыграть подчас роковую роль для тех субъектов, кто находится исключительно в фарватере их адаптаций.

Описанная выше комбинаторная модель механизма адаптации полностью верна и для регионов. Последние могут вести самостоятельный адаптивный поиск в быстроменяющихся экономическом и социокультурном пространствах, а могут целиком полагаться в этом вопросе исключительно на волю и стратегические разработки федерального центра. Полагаю, что позиция конкретного региона в этом вопросе должна определяться с учетом доминирующего типа отношений, выстроенных между ним и федеральным центром.

Можно выделить четыре типа отношений такого рода. 1. Отношения носят *отчуждающий* характер. Центр озабочен вопросами собственного процветания, а периферия — собственного выживания. Неотрефлексированы, а потому отсутствуют единство, общность интересов, идей, значений, смыслов, символов, наконец, солидарность; как альтернатива присутствуют конфликт интересов, напряжение, разногласия, непонимание; нормой взаимодействия является в общем случае оппозиция, а в худшем — эксплуатация центром периферии. Господствуют центробежные силы. 2. Характер отношений между федеральным центром и регионом — *проникающий* (или *малорефлексивный*), т. е. имеет место слабое понимание общности интересов, насущной необходимости солидарности, объединения, интеграции целей, задач, ценностей, идей, значений, смыслов и символов; сохраняется конфликт интересов, а также неэквивалентный социальный и экономический обмен в пользу центра. Преобладают центробежные силы. 3. Тип отношений между федеральным центром и регионом — *взамоориентированный* (или *соединяющий*). В этом случае как нормативный принцип начинает укоренять-

ся консенсус интересов, ослабевают конфликты; формируются устойчивые позитивные солидарные взаимодействия на основе осознания общности цели, ценностей, идей, смыслов и символов; социальный, культурный и экономический обмен приобретает взаимовыгодный характер. Центробежные силы угасают. 4. Отношения между федеральным центром и регионом имеют *интеграционный* характер. Господствуют надежные механизмы купирования остроты конфликтов. Рефлексируется и утверждается понимание общности интересов, ценностей, целей и средств их достижения, актуализируются и интенсифицируются масштабные экономические и социокультурные связи и взаимодействия, построенные на взаимовыгодных условиях и пр. Активизируются центростремительные силы.

Думается, что при равных прочих обстоятельствах, для того чтобы сохранить себя в экономическом и социокультурном пространствах, а главное — выжить, регионы, имеющие модели отношений с федеральным центром 1 и 2, должны проявлять большую агрессивность, креативность, самостоятельность и активность (нежели регионы, которые можно отнести к моделям отношений 3 и 4) в выборе адаптивной стратегии в ответ на вызовы модернизационных и глобализационных процессов XXI в.

Предложенные вниманию читателя две *концепции иерархичности адаптивных механизмов*, первая — структурирующая их по глубине, последовательности и этапам включения, вторая — по комбинации, «вложенности» одного механизма в другой, а также третья *концепция о спецификации адаптивных механизмов, обслуживающих разные адаптивные стратегии*, проливают свет лишь на небольшой сегмент, визуально наблюдаемый и «очевидный», огромного непознанного пространства проблем устройства и функционирования социальных механизмов адаптации. Это — надводная часть айсберга. Конструктивный познавательный интерес социологов к подводной его части несомненно должен привести к разгадке многих глубинных тайн этого сложного феномена.

ГЛАВА 8

Модернизация общества в зеркале субэлит: противостояние взглядов, суждений, позиций

Партнером и ближайшим соседом России в геополитическом пространстве является Казахстан, с которым она имеет тесные социально-экономические и культурные связи, а кроме того, и самую протяженную из стран СНГ общую границу. Совсем недавно (менее 20 лет назад) обе

страны являлись частями единого государства — СССР с общей историей, едиными экономической и политической системами, близким укладом жизни и специфическими чертами «советской» ментальности. Эти обстоятельства порождают ныне определенную тождественность (общие признаки, близость) проблем и характера социально-экономических и политических преобразований, проводимых уже порознь, а потому неизбежно активизируют повышенный интерес российской научной общественности к тем процессам, которые происходят в Казахстане и, в частности, самому важному и фундаментальному из них — модернизации. Данное исследование как раз и является продуктом такого рода заинтересованности и вносит свою скромную лепту в изучение этого сложного и противоречивого процесса.

Напомним, что Казахстан уверенно вступил в силовое поле модернизационных процессов еще во второй половине XX в., находясь в составе СССР. За исторически короткий отрезок времени тогда были преодолены начальные стадии модернизации — заложен фундамент добывающей и легкой промышленности, осуществлены крупные преобразования в социокультурном пространстве, перекинувшие мост из поля господства вечной «традиционности» в будущее. Начало 90-х гг. XX в. отмечено утратой ряда позиций, завоеванных на шкале модернизации, и ознаменовалось промышленным спадом, падением профессионально-образовательного уровня населения, в том числе и из-за массового оттока из страны высококвалифицированных русскоязычных специалистов, безработицей, снижением уровня жизни, утратой социальных гарантий, правовой и социальной незащищенностью многих групп населения, в первую очередь малообеспеченных, и пр.

Во второй половине 90-х гг. ситуация постепенно начала изменяться к лучшему. Благодаря экономическим реформам модернизационного толка уже в 1998 г. было приватизировано около 90 % промышленных предприятий, причем во многих случаях с участием иностранного капитала. В 2001—2002 гг. в республике — первой из стран СНГ — проведена реформа банковской системы, железнодорожного транспорта, электроэнергетики, ЖКХ [Кузьмина, 2007. С. 156].

Согласно данным Агентства Республики Казахстан по статистике, в результате подъема экономики ВВП на душу населения достиг в 2005 г. величины 3703 долл. (для сравнения: этот показатель в 1995 г. составлял 1052,4 долл. на душу населения).

В том же году 73,1 % занятого населения Казахстана работало на предприятиях частной формы собственности и только 24,5 % — государственной (2,4 % были заняты на предприятиях, находящихся в собственности других государств, их юридических лиц и граждан). А доля самозанятых (т. е. лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой) составила 36,1 % занятого населения, т. е. существенно выросла (почти на 20 п.п.) по сравнению, например, с 1995 г., когда эта доля равнялась 16,6 %. [Статистический ежегодник., 2006]. Приведенные данные сви-

детельствуют об относительно высокой предпринимательской активности граждан, хотя и носящей подчас, видимо, «вынужденный» характер. Так, можно предположить, что женщины, спасаясь от безработицы (их удельный вес среди безработных составлял 58 %, а среди работников по найму только 46 %, по данным за 2003 г.), более энергично устремляются, не видя перед собой иных перспектив, в сектор самозанятости, где их присутствие более заметно, по сравнению с мужчинами (52 % против 48 %). Можно, однако, выдвинуть и альтернативную — сомнительную, на наш взгляд — гипотезу, предположив, что женщины Казахстана более склонны к свободе, риску, предпринимательству и инновациям, чем мужчины, которые тяготеют к работе «по найму» [Женщины., 2004. С. 70].

В целом приведенные выше данные свидетельствует о позитивных сдвигах в сфере экономики, обеспечиваемых либерализацией экономических институтов. И все же индекс экономической свободы (ЭС), ежегодно рассчитываемый организацией The Heritage Foundation, фиксирует все еще недостаточно высокие позиции Казахстана в общемировом рейтинге, хотя и на фоне обнадеживающих трендов: 2005 г. — 130-е место среди 155 стран, 2007 г. — 76-е среди 157 (для примера, Россия занимает 120-е место, Украина — 125-е)¹⁴.

Определенные успехи модернизационного плана достигнуты и в политической сфере. Конституционная реформа, проведенная в 2007 г., предусматривает трансформацию политической системы из президентской в президентско-парламентскую, что означает переход к более демократичной и институционально устойчивой форме, к смещению властного центра от исполнительной к законодательной ветви. На данный момент в стране действуют девять партий: Народно-демократическая партия «Нур Отан», Демократическая партия «Ак Жол», Коммунистическая Народная партия Казахстана, Партия патриотов Казахстана и др.

В XXI в. для адекватного ответа на вызовы глобализации Казахстана, как и России, предстоит дальнейшее движение сначала в направлении зрелого модернити, т. е. формирование открытого общества, подъем промышленного производства и благосостояния народа, утверждение свободной от диктата государства рыночной экономики, укрепление основ развитой представительной демократии, гарантий прав и свобод граждан, утверждение идеологии социоцентризма и т. д., а затем и пост-модернити, важнейшими атрибутивными признаками которого являются следующие: 1) установление хозяйственной системы, основанной на производстве и использовании интеллектуального капитала, как своей важнейшей цели, введение, помимо традиционных чисто экономических и экологических соображений, нового важного критерия оценки прогрессивности внедряемых технических новшеств, предполагающего ответ на вопрос: способствуют ли эти новшества расширению сферы

14 <http://www.heritage.org/research/features/index/countries.cfm>

свободы и самореализации индивида или выступают источником новых опасностей и порабощений; 2) экспансия непосредственной демократии и самоуправления; 3) укоренение идеологии гуманизма; 4) признание полицентричности и поливариантности ценностных структур и ментальных миров человека и человека и т. д. Скорость и успешность продвижения к этим рубежам — символизируемым терминами «зрелого модернити» и «постмодернити» — в значительной мере будут зависеть от экономической, политической и социокультурной стратегии, реализуемой современными политическими и экономическими элитами.

Следует заметить, что в XXI в. в условиях глобализации и модернизации миросистемы в целом роль и ответственность элитарных групп, задействованных в процессах выбора и реализации стратегических управленческих решений самого высокого уровня, многократно возрастают в сравнении с предшествующими эпохами. Усиливаются и риски катастрофических исходов, спровоцированных неверными «ходами» управленческих элит в пространстве модернизационных и глобализационных процессов. Во-первых, на кон ставятся невиданные по объему в истории гигантские материально-технические, финансовые и человеческие ресурсы. Во-вторых, возрастает неопределенность (энтропия) самой миросистемы, непредсказуемость будущего, провоцируемая ослаблением (частичной утратой) контроля над использованием научно-технических достижений, экологическими и природными катаклизмами (Э. Гидденс [1994], У. Бек [2000]), противостоянием и столкновениями этносов и цивилизаций (С. Хантингтон [2003]) и т. д.

Все возрастающая роль элитарных групп в общественном развитии, в процессах модернизации и глобализации мира предполагает тщательное изучение их менталитета, образа мыслей, структуры сознания, ценностей, господствующих идеологий, расстановки сил, палитры мнений. Особенно это актуально для стран СНГ, делающих свой исторический выбор в переломную эпоху.

Цель настоящего исследования — попытаться выявить (через оценки, мнения, суждения, предположения) отношение субэлитарных групп, выступающих активным субъектом модернизационного поля современного Казахстана и одновременно первичным резервом для пополнения (или замещения) элит, к фундаментальным и текущим проблемам модернизации современного казахстанского общества.

Центральной гипотезой исследования выступает следующее предположение. Сложность, противоречивость, потенциальная возможность многовариантного хода развития модернизационных преобразований в Казахстане, многообразии культур и этносов, населяющих страну, наконец, реальные трудности модернизационных процессов должны активировать и порождать наличие альтернативных суждений и позиций экспертов — представителей субэлит — относительно широкого круга проблем, связанных с различными аспектами модернизации (в том числе

представлений о доминирующем факторе модернизации в контексте триады экономика—политика—культура, наиболее предпочтительных моделях модернизации по линии деакриза Восток—Запад, самобытное — заимствование, социальных силах, тормозящих и активирующих модернизационный процесс, цивилизационной идентичности казахстанского общества и пр.), что способно не только указать на наличие специфических социальных, социокультурных, социально-политических напряжений в обществе, провоцируемых отсутствием явного социального консенсуса относительно принципиальных вопросов, связанных с модернизацией, но и выступить дополнительным аргументом в пользу легализации и утверждения идеи (представления) о глубоком противостоянии, расколе ментальных мировоззренческих платформ элитарных групп казахстанского общества.

Мы исходили из убеждения, что в условиях, когда Казахстан претворяет в жизнь столь амбициозный модернизационный проект, действия субэлит — людей и социальных групп, имеющих власть (или непосредственный доступ к власти), вовлеченных в управленческую деятельность в разных сферах занятости населения, — их прямое отношение к происходящим переменам, их видение ситуации и способность влиять на взгляды и действия широких слоев общества во многом определяют вектор развития казахстанского общества. Иными словами, цели, формы, темпы и характер модернизационных преобразований в стране зависят, в частности, от готовности относительно узких групп соотносить их как со своими приватными интересами, так и с устремлениями других социальных субъектов (групп) и попытаться найти путь к межгрупповому компромиссу и солидарности в меняющейся реальности.

Актуальность подобных исследований состоит, как нам представляется, и в накоплении фактологических данных о модернизации в современном мире, необходимых, с одной стороны, для иллюстрации и эмпирической верификации теоретико-концептуальных взглядов на модернизацию, во множестве представленных в теоретической социологии XIX—XX вв., с другой — для коррекции хода модернизации, проводимой нередко в самых разных обществах с большими социокультурными, политическими и экономическими издержками.

Методологические основания работы и гипотетические предположения

Методологической основой работы является, во-первых, теоретическое представление о полиструктурности и многофакторности процесса модернизации, разрабатываемое отечественными и западными социологами (Р. Ингелгарт, З. Т. Голенкова и др.). Суть его состоит в том, что модернизация рассматривается как социологический феномен, имеющий множество проекций и измерений: экономическое, социокультурное, политическое, правовое, демографическое и др. Причем по сию пору

актуальна полемика по поводу приоритетности самих факторов и детерминант, де-факто выступающих локомотивами модернизации в разных странах мира. Центральный вопрос: «Какой из факторов в качестве лидирующего — экономический, политический или социокультурный — обеспечивает поступательное движение модернизации?» не выходит из зоны острых научных дискуссий.

Вторым теоретико-концептуальным конструктом нашей работы выступает ряд положений из теории элиты, согласно которым именно высшие привилегированные слои, осуществляющие функции управления, развития науки и культуры, обладающие позициями власти в организациях и институтах, детерминируют социальную жизнь (Т. Дай, А. Этциони), а значит, и модернизационные процессы в обществе. А. Тойнби, например, определяет элиты как творящее историю творческое меньшинство общества в противоположность его нетворческому апатичному большинству. Теоретики «элитного плюрализма», в свою очередь, полагают, что элиты — это сравнительно небольшие группы лиц, занимающие ведущее положение в какой-либо из сфер жизни — политической, экономической, культурной, получившие «наивысший индекс в области своей деятельности» (В. Парето), что дает возможность говорить и о разных элитах — политических, экономических, культурных и пр. В рамках управленческого подхода под элитами понимаются прежде всего наиболее квалифицированные специалисты, менеджеры и высшие служащие в системе бюрократического управления.

Мы отобрали здесь лишь небольшой пласт представлений о понятии «элиты», причем именно в наибольшей мере, на наш взгляд, акцентирующий те характерологические черты современной элиты (ведущее положение в обществе, высокий образовательно-профессиональный статус, управленческие функции, власть, ответственность и др.), которые, с одной стороны, поддаются определенной операционализации, с другой, содержат в себе конструктивный эвристический ресурс, актуальный для исследования процессов модернизации. Заметим, что и научные, и бытовые представления об элитах размыты и субъективны, общепризнанные четкие границы «элиты» отсутствуют, и в каждом частном случае исследователю предстоит самоопределяться в этом непростом вопросе.

С термином «элита» тесно связан другой, близкий и родственный ему по смыслу — субэлита, который и будет центральным в нашем исследовании. Он является производным от базового — «элита» и имеет отношение к более низшим структурным уровням последнего. Приставка «суб» имеет, как правило, два значения: 1) «находящийся под чем-нибудь или около чего-нибудь», 2) не основной, не главный, подчиненный кому—чему-нибудь. В данной работе актуализируется первое значение.

Дихотомия «элиты — субэлиты», природа их связи, взаимные диспозиции не столь уж просты, как представляется поверхностному взгляду, противоречивы и не однозначны. В стабильных обществах, в отличие

от обществ, переживающих разного рода революции, бифуркации, структурные кризисы, «сломы» и «надломы», как правило, элиты черпают резервы и пополняются в первую очередь за счет своих субэлит. Иными словами, субэлиты выступают в качестве ресурсного обеспечения, поставщика «кадров» для элит. Сами же элиты периодически вынуждены либо потесниться, либо попросту уступить свое привилегированное место субэлитам. Например, переместиться под напором «племени младого незнакомого» на ступеньку вниз по социальной лестнице (наиболее часто встречающийся в социальной практике феномен). В каком-то смысле можно утверждать, что субэлиты — это, нередко, элиты вчерашнего дня.

Исторически элитам и субэлитам присущи взаимодействия как солидарные, направленные на решение общих задач, достижение единой цели, так и конкурентные, обусловленные соперничеством за статус, привилегии, власть, престиж и богатство. Поэтому при оценке результатов общественных деяний элит, выстраивании своей собственной поведенческой линии субэлиты находятся, как правило, под воздействием двух разнонаправленных противоречивых сил и, как следствие, в результате занимают двойственную позицию по отношению к элитам. С одной стороны, под воздействием «духа сотрудничества» у них рождается желание поддержать, одобрить, угодить, содействовать, оправдать, услужить «родным» элитам. С другой стороны, под напором «духа соперничества» возникает стремление осуществлять неусыпный негласный контроль, обнаруживать ошибки, обличать, осуждать, «приговаривать» «свои» элиты и даже выжидать момент, когда можно начать открыто и агрессивно противодействовать им. В результате с авансцены театра власти, богатства и престижа на подмостки сцены сходят попеременно то одни, то другие социальные группы: элиты становятся субэлитами, а субэлиты, в свою очередь, поднимаясь на авансцену, — элитами. (Такого рода перемещения легко просматриваются в политических элитарных группах западных стран с развитой демократией). И те, и другие группы объединяет стратегическая общность целей, ценностей, смыслов, а разбедняяют обычно а) второстепенные детали, искусственно возведенные в ранг «первооснов», б) формы, а не смыслы и сущности и, наконец, в) конкуренция как результат соперничества амбиций и честолюбий.

Стоит заметить, что в обществах, преодолевающих зоны социальной турбулентности, точки бифуркации, революционные ситуации, смена элит носит, как правило, более радикальный характер. В подобных случаях с самых нижних этажей социальной пирамиды на самые верхние ее позиции устремляются потоки людей, а навстречу им с катастрофической скоростью падают вниз элиты и субэлиты, согласно формуле «кто был ничем, тот станет всем».

Краткий экскурс в проблему, с одной стороны, идентичности, сходства, подобия, с другой — различий, взаимной отчужденности и авто-

номии элит и субэлит служит обоснованием предположения о несостоятельности тотального отождествления социальных диспозиций этих групп в модернизационном поле, несмотря на их подчас обманчивую социальную близость. (Это гипотетическое утверждение нуждается в специальной углубленной верификации; однако мы вынуждены изложить его здесь в превентивных целях: чтобы подстраховать себя от возможных обвинений в ошибке «отождествления» или ошибки «подмены» понятий «элиты» и «субэлиты»).

О выборке экспертов и социологическом инструментарии

Для исследования наиболее проблемных вопросов модернизации в современном казахстанском обществе в июне—августе 2006 г. в отделе социальных проблем ИЭОПП СО РАН было проведено социологическое исследование, направленное на изучение экспертного мнения субэлит о состоянии и перспективах модернизации казахстанского общества.

Согласно нашим представлениям, субэлиты, как и элиты, в силу занимаемых ими социальных позиций, предоставляющих в том числе уникальные информационные и административно-управленческие ресурсы, как никакие другие группы должны располагать отрerefлексированным спектром представлений, суждений, убеждений, взглядов, воззрений, соображений, мнений о модернизации казахстанского общества. Выбор же в качестве единицы социологического наблюдения субэлит был вызван, во-первых, ограниченностью финансовых и временных ресурсов и средств, во-вторых, большей «доступностью» субэлит в организационном аспекте для социологических опросов в сравнении с элитами и, в-третьих, достаточно высоким уровнем компетентности и власти субэлит, не столь уж многим уступающих в этом отношении «элитам».

В качестве экспертов — представителей субэлит — выступил высококвалифицированный управленческий персонал преимущественно высшего звена, занятый в сферах: 1) государственной службы, 2) торгово-промышленного бизнеса, 3) науки, культуры и высшего образования, 4) социальной работы и социальных услуг, а кроме того, профессионально-компетентные специалисты высокого ранга, занятые в данных четырех сферах. Таким образом, в выборку вошли представители ключевых (с точки зрения общественных преобразований) субэлитарных групп — агентов модернизационного процесса.

Выборка экспертов, позиционируемых нами в качестве представителей субэлит, носила целевой характер. При ее построении использовался метод «снежного кома». Объем выборки составил 260 человек. Выборка имела в целом равнопредставительный характер: численность экспертов, занятых в каждой из четырех основных сфер деятельности, получилась примерно равная.

Эксперты на момент опроса проживали и работали в следующих городах: Алматы, Астана, Жезказган, Усть-Каменогорск, Семипалатинск, Тараз (Джамбул), «центр тяжести» в обследовании приходится на Алматы и Астану (в них опрошено 242 чел.). Мужчины в выборочной совокупности составили 42 %, женщины — 58 %. Средний возраст экспертов — 40 лет. Все эксперты с высшим образованием, из них 7 % имеют два высших образования, а каждый седьмой — научную степень. В составе опрошенных в большим перевесом доминируют казахи (178 чел.).

Специально для данного исследования была разработана оригинальная социологическая анкета: «Модернизация казахстанского общества: взгляд эксперта», включившая более семидесяти вопросов, сгруппированных в семь блоков: 1) общие сведения об экспертах; 2) Казахстан в процессе модернизации; 3) модернизация, политика и право; 4) культура и модернизация; 5) социальные качества населения и модернизация (модернизационный потенциал населения); 6) модернизация и социальные группы (группы, лоббирующие и тормозящие модернизацию); 7) дополнительные сведения об экспертах (ценностные ориентиры и личностные предпочтения в сфере образования, семьи и культуры).

В данной публикации мы сфокусировали свое внимание на втором разделе анкеты. Перейдем к результатам экспертного опроса.

Казахстанское общество является сегодня традиционным или современным?

Центральной характеристикой любого общества является распознавание его места в границах континуума «традиционное—современное».

К традиционным относят обычно общества технологически примитивные, бедные, к которых разделение труда и специализация находятся на примитивном уровне, родство является главным социальным институтом, большинство ролей связано с родством, господствуют натуральное хозяйство и однородная культура, социальная структура — закрытая, тип расселения — преимущественно сельский и т. д. К современным — технологически развитое, процветающее, со сложным разделением труда и глубокой специализацией, кровнородственные связи отошли на второй план, родство становится второстепенным социальным институтом, каждый выполняет в таком обществе множество ролей, широкое распространение получают средства массовой информации и коммуникации (радио, телевидение, книги, газеты, фильмы и пр.), политический режим — представительная демократия, тип расселения — преимущественно городской, социальная структура — открытая, предполагающая свободную циркуляцию по пирамиде социальной иерархии.

Эксперты в своей массе (80 %) полагают, что казахстанское общество сегодня является либо уже современным, либо скорее современным, чем традиционным. Доминирование в обществе традиционных начал подчеркнули лишь 14 % опрошенных.

В вопросе о позиционировании современного казахстанского общества в континууме «современное—традиционное» четко обозначилась полярность взглядов наших экспертов. Один полюс — объединил «оптимистов», т. е. позитивно настроенную четверть всех опрошенных (26,2 %). Они решительно определили состояние казахстанского общества как «современное, модерное» и только. Второй же полюс образовали «пессимисты» — малая часть экспертов (2 %), без оговорок назвавшие это общество «традиционным». Налицо мощный крен в пользу «оптимистов». Модальной (преобладающей) же явилась осторожная точка зрения тех, кто определил казахстанское общество как «скорее современное, чем традиционное» (54 %), что близко по смыслу тезе «переходное, на завершающем этапе». В свою очередь каждый восьмой (12 %), утверждая, что казахстанское общество является сегодня «скорее традиционным, чем современным», по сути дела позиционировал его в качестве «переходного, на начальном этапе».

Глубокие расхождения экспертов во мнениях о типе казахстанского общества в континууме «современное—традиционное» являются, с одной стороны, эхом научных и политических дискуссий о статусе современного Казахстана (М. С. Аженов, Ф. М. Жармакина, Н. А. Назарбаев, О. В. Нечипоренко, А. Н. Нысанбаев и др.), с другой, результатом личного «эксклюзивного» осмысления казахстанских реалий с опорой на собственные жизненные впечатления, иными словами, плодом «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет».

Далее экспертам было предложено аргументировать свою точку зрения относительно выбранной ими характеристики казахстанского общества. Об этом был задан соответствующий вопрос в открытой форме, т. е. наводящие подсказки в нем отсутствовали, а значит, эксперты самостоятельно должны были продуцировать и формулировать свои соображения, доводы и резоны.

В результате выявилась следующая палитра аргументов. Сторонники идентификации казахстанского общества как «современного» или «скорее современного, чем традиционного» чаще всего отмечали (в порядке убывания) экономические достижения страны, высокие темпы экономического роста, открытый светский характер общества, движение к демократическому и гражданскому обществу, расширение политических и религиозных свобод, образованность населения, интеграцию в мировую экономику, оснащенность производства современными технологиями, успешную интериоризацию западного опыта и пр.

В свою очередь эксперты, позиционирующие казахстанское общество в качестве «традиционного» и «скорее традиционного, чем современного», объяснили свою точку зрения сохранением традиционных уклада жизни и ментальности, проявляющихся, в частности, в доминировании клановых и родственных связей и отношений в социальной, экономической и политической жизни, отсутствием развитой сети современных городов, не компенсируемой двумя «анклавами» — Астаной

и Алматы, наличием повсеместной бедности, отсутствием системы гарантированной занятости, неразвитостью демократии, сырьевым характером экономики, отсталостью страны в технологическом плане и т. д.

Известно, что в исторической практике модернизация имела множество «лик»», в зависимости от конкретной страны или эпохи, в которую она осуществлялась: ускоренная, догоняющая, частичная, рецидивирующая, органическая, патологическая и т. д., и т. п. В нашей анкете экспертам было предложено визуально определить одной—двумя красками-ассоциациями наиболее яркую черту модернизации современного казахстанского общества. Для этого был представлен специальный набор подсказок: одни из них носили положительный оттенок (ускоренная, эффективная, согласованная, бархатная), другие — призваны были отразить элементы критического восприятия (частичная, противоречивая, запаздывающая, неэффективная). Образ модернизации современного Казахстана оказался описанным четырьмя ключевыми дефинициями: «Ускоренная, эффективная, но, однако, частичная и противоречивая» (табл. 8.1). В целом по блоку ответов положительные высказывания составили 64,2, а отрицательные — 49,2 %. Таким образом, на современном этапе стратегическую рекомендацию экспертов архитекторам казахстанской модернизации можно было бы сформулировать следующим образом: *«Сохраняя высокий темп и эффективность, купировать возникающие противоречия и расширять горизонты модернизационных преобразований, обеспечивая их полноту и внутреннюю согласованность»*.

Таблица 8.1

Атрибутивные характеристики модернизации Казахстана, отмеченные респондентами

Определения модернизации	Количество ответов, % к числу ответивших
Позитивные:	
Ускоренная	36
Эффективная	24
Согласованная	16
Бархатная	12
В целом по блоку	64,2
Негативные:	
Частичная	22
Запаздывающая	14
Противоречивая	19
Неэффективная	4
В целом по блоку	49,2

Примечание. Можно было дать несколько вариантов ответа.

Экономика, политика или культура определяют ход модернизации?

Мировая практика модернизационных процессов демонстрирует многообразие конкретных вариантов моделей модернизации в разных обществах. Оно обусловлено различиями в цивилизационной идентичности обществ, специфике исторического момента, а кроме того, мировоззренческими предпочтениями политических элит, определяющих основные контуры и смыслы инновационных преобразований, а также в готовности социальных групп к обновлению социальных практик и т. д. До сих пор проблема многообразия моделей модернизации, определение границ наиболее адекватных и оптимальных (минимальные издержки при максимальных результатах) моделей модернизации в конкретных экономических, политических и социокультурных обстоятельствах остается неотрефлексированной научным сообществом.

Центральный вопрос — о главном движущем факторе развития общества, т. е. таком, который выступает его локомотивом, обеспечивая уверенное поступательное движение, — является предметом острых научных дискуссий на протяжении двух минувших столетий. Важность экономических, политических и социокультурных преобразований отмечалась многими учеными, однако расстановка приоритетов была разной. К. Маркс — представитель диалектического материализма и системно-структурной социологии, отстаивал позиции экономического детерминизма, полагая, что развитие экономической системы (базиса) является первичным и влечет за собой перемены в надстройке — социокультурной и политической системах общества.

Альтернативной точки зрения придерживался М. Вебер — отец-основатель интерпретативной социологии. Он отмечал доминирующую роль культуры в жизни общества. Согласно представлению Вебера, встреча (соединение) трех социокультурных факторов на территории Европы — протестантская этика, точные науки (особенно математика) и римское право способствовала зарождению и расцвету капитализма, что благоприятствовало как промышленной, так и демократической революции, а стало быть, экономическим и политическим переменам.

Культура, согласно М. Веберу, имеет самостоятельное значение и не представляет собой вторичное явление в рамках экономической системы. Она способна формировать экономическое поведение, равно как и испытывать на себе его воздействие [Вебер, 1990. С. 61—208].

Интерес представляет и трактовка С. Хантингтона парадигмы модернизации. По его мнению, на первый план выступают сдвиги в сознании представителей модернизирующихся обществ. Модернизация, пишет С. Хантингтон, неосуществима до тех пор, пока люди не начинают ощущать возможность перемен. Согласно его мнению, «модернизация прежде всего подразумевает веру в человеческую способность посредством осмысленной деятельности изменить свое природное и социаль-

ное окружение. “Сознание перемен” начинает формироваться, когда люди убеждаются в возможности понять общество и природу, и восприятие этой возможности превращается в убежденность, что общественная жизнь и природная среда могут контролироваться человеком в соответствии с теми целями, которые он ставит перед собой» [Хантингтон, 2004].

Существует множество оттенков и деталей во взглядах ученых, размышляющих о факторах, лежащих в основе модернизационного процесса либо катализирующих его (П. Бергер, Т. Парсонс и др.). По представлению некоторых современных исследователей, занимающих «соглашательскую позицию», три рассматриваемых нами фактора: экономический, политический и социокультурный — взаимопереплетены и действуют сообща, хотя в разных исторических и географических ситуациях любой из них может возобладать над другим (М. Уотерс, Р. Ингледарт и др.).

В контексте такого рода дискуссий мы сочли целесообразным выяснить позицию наших экспертов по данной проблеме с помощью следующего вопроса анкеты: «Преобразования какого рода — экономические, культурные или политические — должны лидировать и определять облик модернизации Казахстана и выступать локомотивом модернизации?».

Большинство экспертов (62 %) полагает, что экономические преобразования в стране должны главенствовать и вести за собой другие (культурные и политические). Высокая доля поддержавших эту позицию объясняется, видимо: 1) укорененностью марксистской традиции в мировоззренческой системе субэлит, представляющей собой своеобразный идеологический шлейф советской эпохи, а кроме того, 2) яркими успехами Китая, выбравшего именно такой путь обновления и модернизации. Эксперты аргументируют свою позицию тем, что «экономика создает благосостояние общества и стабильность в государстве», «формирует позитивные настроения социальных групп, их уверенность в завтрашнем дне», ссылаются на: 1) экономические успехи Казахстана и 2) опыт Китая и других стран, а кроме того, напоминают, что «глобализация требует экономической конкурентоспособности страны».

В свою очередь около четверти экспертов (23 %) считает, что главенствовать и определять ход модернизации должны политические преобразования. Политика — «всему голова», она «определяет стратегию и тактику развития общества», в том числе экономическую и социокультурную, «обеспечивает стабильность общества». Продолжая и детализируя рассуждения экспертов, следует отметить, что политические преобразования модернизационного толка — демократические принципы организации общественной и политической жизни, гарантирующие права и гражданские свободы, — избавляют человека от гнета «вечно вчерашнего»: диктата коллективных безличностных структур, отсутствия индивидуального выбора, доминирования целого над частью и т. п., и тем самым пробуждают в нем активные созидающие начала, актуализируют

его инновационный потенциал. В противном же случае возникает угроза торможения инноваций, искажения смысла и сути самих модернизационных преобразований как в экономике, так и в культуре (феномен разного рода квазимодернизаций: патологических, декларативных, мимикрических и пр. модернизаций).

Примерно каждый восьмой (13 %) эксперт высказался в пользу ведущей роли социокультурного фактора. Наиболее частые ответы: «культура составляет основу жизни всякого общества», «при отсутствии изменений в сознании населения модернизация остается лишь слепым копированием чужого опыта», «рост культурного уровня населения позволит всем гражданам на равных участвовать в преобразованиях общества» и т. д. Эти эксперты, видимо, находятся под обаянием факта возросшего влияния, начиная с последней трети XIX в. и особенно первой половины XX в., интеллектуально-культурной сферы на социальные трансформации обществ.

Раскрывая, поддерживая и дополняя позицию экспертов данной группы, следует подчеркнуть два момента.

1. Нужно не забывать, что сама культура представляет собой уникальную стратегию *адаптации* ее народа, а потому исторически подвержена внутренним поступательным системным изменениям. И, что важно, преимущественно таким, которые сберегают ее «ядро», первооснову и сущность. Деформация же, разрушение культуры под воздействием агрессивных чужеродных внешних факторов, таких, например, как неорганическая модернизация, уничтожают уникальный самобытный репертуар (фонд) адаптивных способов, инструментов и форм (наработанных тысячелетиями и наиболее эффективных, целесообразных и органичных для данного социума), тем самым делая социум беспомощным, ущербным, дезориентированным и *дезадаптивным* на относительно длительный исторический период, что чревато катастрофическим исходом. Таким образом, ход модернизационных процессов в общем случае должен осуществляться преимущественно в социокультурных рамках и национальном контексте конкретного общества.

2. Более того, без создания специфической социокультурной среды, для которой характерны нормы доверия, солидарности, ответственности, творческой активности, трудолюбия, профессиональной компетентности, предприимчивости, рациональности и пр., любые начинания модернизационного толка, в том числе и в экономической сфере, обречены на неизбежные сбои, тупики, высокие социальные и экономические издержки. По мнению американского социолога Ф. Фукуямы, чтобы институты демократии и рыночной экономики могли действовать эффективно, «они должны сосуществовать с определенными досовременными (pre-modern) культурными устоями, которые и обеспечат их надлежащее функционирование. Закон, договор, экономическая целесообразность необходимы, но недостаточны в качестве основы стабильности и благополучия постиндустриальных обществ; к ним следует добавить такие

понятия, как принципы взаимности, моральные обязательства, долг перед обществом и доверие, которые основаны на *традициях и обычаях*, а не рациональном расчете (Курсив наш. — С. Е., Л. К). Все эти понятия в условиях современного общества — не анахронизмы, а необходимые условия его успешного развития» [Фукуяма, 1999. С. 129—131]. Ф. Фукуяма вводит понятие «общественный капитал», понимая его как реальные возможности, возникающие перед обществом (или его частями) благодаря наличию доверия между людьми, отдельными социальными группами, организациями и прочими его образующими. Общественный капитал «обычно создается и передается посредством культурных механизмов — через религию, традиции и исторические обычаи» [Там же. С. 134] и предполагает приоритет общественных добродетелей, а не индивидуальных. Приобретение же общественного капитала «требует *адаптации к моральным нормам* (Курсив наш. — С. Е., Л. К) определенного сообщества и усвоения в его рамках таких добродетелей, как преданность, честность и надежность» [Там же. С. 135].

Ключевой же характеристикой понятия «общественный капитал» выступает доверие, т. е. «возникающее в рамках определенного сообщества ожидание того, что члены данного сообщества будут вести себя нормально и честно, проявляя готовность к взаимопомощи в соответствии с общепризнанными нормами» [Там же. С. 134]. Доверие определяется социокультурными факторами, возникает на основе общепринятых этических норм и ценностей и имеет «высокую и вполне конкретную экономическую ценность» [Там же].

В унисон идеям приверженцев приоритета социокультурных факторов перед экономическими и политическими Ф. Фукуяма утверждает, что способность к слаженному взаимодействию в рамках общества зависит от ранее сформировавшихся обычаев, традиций и норм, которые и влияют на формирование рынка, а также, что «успешное развитие рыночной экономики не является причиной стабильной демократии, а скорее само определяется наличием ранее сложившегося общественного капитала. Если общественный капитал имеется в изобилии, успешно будут развиваться и рынки, и демократическая политическая система, и тогда рынок действительно сможет выполнять роль школы общественного поведения, способствующей укреплению демократических институтов. Это особенно относится к новым индустриальным странам с авторитарной формой правления, где люди имеют возможность освоить новые формы социализации в пределах фирмы до того, как они будут применены в политической сфере» [Там же. С. 156]. Иными словами, и под экономику, и под демократию Фукуяма подводит общий фундамент — общественный капитал, формирующийся в недрах социокультурной системы, который и определяет, в конечном счете, эффективность как демократических политических институтов, так и институтов рынка.

Однако вернемся к вопросу о соотношении факторов, определяющих модернизационный процесс, точнее, о главном факторе модернизации. Наконец, баланс экономических, политических и культурных пре-

образований, не отраженный в подсказках анкеты, был отмечен 2 % опрошенных. В данном контексте уместно вспомнить положение Р. Инглегарта о «круговой» взаимосвязи экономики, политики и культуры. По его мнению, в долгосрочной перспективе изменения в культуре являются реакцией на преобразования экономического, технического и политического характера, а потому культура не может долго оставаться неизменной. Хотя перемены в сфере культуры являются реакцией на развитие социально-экономической, политической и технической среды, они сами (перемены в культуре), в свою очередь, формируют эту последнюю (т. е. среду) [Инглегарт, 1999. С. 249—250]. Невольно возникает ассоциация с неразрешимой вечной загадкой о «первичности» курицы или яйца.

Итак, в целом мнение экспертов склоняется в пользу экономического фактора, который рассматривается в качестве главного, с точки зрения модернизационных преобразований. Это не удивительно, если учесть позицию по этому вопросу властвующей политической элиты Казахстана, в том числе президента Казахстана Н. Назарбаева.

Реальные модернизационные процессы в современном Казахстане осуществляются по принципу «сначала экономика, потом политика», что неоднократно подчеркивал в своих выступлениях президент страны. В своих посланиях и выступлениях президент утверждает, что «экономика остается главным приоритетом нашего развития, а достижение максимально высоких темпов экономического роста — основной задачей» [Назарбаев, 2004, 2005].

Тем не менее в палитре мнений наших экспертов наличествуют и интенции иного толка — акцентирующие роль политики и культуры в модернизации страны (36 %). Это свидетельствует о внутренней дискуссии, которую явно или неявно ведут между собой элитарные группы, об отсутствии единства в их мнениях. Одна часть поддерживает, судя по всему, тот курс модернизации, который проводится в стране, другая — вольно или невольно оппонирует ей в этом вопросе, занимая независимую самостоятельную, отличную от правящих верхов позицию. Факт многополярности суждений экспертов является доказательством свободы выражения мнений, взглядов, позиций, а значит, в известной мере, и признаком демократичности политического устройства страны, гарантией того, что «единомыслие» — болезнь автократических тоталитарных режимов и обществ с тем или иным успехом, но, видимо, преодолевается в современном Казахстане.

В экономике, политике или культуре казахстанского общества произошли наиболее заметные сдвиги в последние годы и почему?

Приоритет экономики в модернизации страны, провозглашенный правящей элитой Казахстана, принес свои закономерные практические

результаты. На вопрос «В какой сфере общественной жизни Казахстана — экономике, политике или культуре — произошли наиболее заметные сдвиги модернизационного плана в последние 15 лет?» 75 % экспертов назвали именно экономику, 18 % — политику, и лишь 4 % — культуру. За этими цифрами просматривается в первую очередь концентрация усилий правящих элит страны на решении экономических проблем при одновременном пренебрежении вопросами социокультурного плана.

Однако, думается, что есть и другие моменты, объясняющие в данном случае примат экономических достижений перед всеми остальными. Достаточно обратиться к научному наследию: вспомнить, например, теорию «культурного лага» У. Огборна или гипотезу «трех часов» Р. Дарендорфа, в которых отмечается, что скорость, темп и ритм социальных изменений неодинаковы в разных областях социальной жизни, причем сфера нематериальной культуры наиболее инерционна, отличается самым медленным ходом изменений и длительным сохранением прежних условий, в то время как перемены в других сферах жизни общества, например экономике, уже произошли. Возможно, что и в Казахстане имеет место феномен культурного запаздывания, поэтому изменения в материальной жизни общества опережают трансформацию нематериальной культуры (традиций, обычаев, привычек, убеждений, философско-мировоззренческих систем, этических норм, законов и форм правления). Заметим, что эти теории сродни представлениям К. Маркса о базисе и надстройке и представляют собой, по сути, вариации его теоретических воззрений.

Тотальное отставание социокультурной составляющей — неизбежность и тормоз модернизации?

Доктрина фатального отставания социокультурной сферы от экономической (а нематериальной культуры от материальной) фиксирует производность, зависимость, вторичность первой по отношению ко второй. В развитие этих представлений в социологии утвердилась и теза, которая гласит, что социокультурные образования по природе своей ригидны и неподатливы к изменениям, а потому неизбежно цепляются за традицию и сопротивляются любым преобразованиям модернизационного толка. Иными словами, социокультурные факторы выступают неизбежным тормозом модернизации, а потому «вредят ей», что плохо.

Сверх того в социологии имеют место и более радикальные взгляды на социокультурную модернизацию. Они ставят под сомнение сам тезис о целесообразности ее как таковой. В данном контексте имеет смысл обратиться к воззрениям одного из теоретиков модернизации П. Бергера, который неоднозначно оценивает современность. Он полагает, что, с одной стороны, она освободила людей от жесткого контроля со стороны разного рода общностей: семьи, клана, племени и т. д., увеличила их

власть над природой, сделала более успешным управление человеческими делами, а с другой — лишила человека корней, превратила его в «бездомного», разрушила символический универсум религии. П. Бергер выступает «за» поддержку модернизации в сфере экономики и технологии, но «против» модернизации в области культуры, искусства и особенно религии. Иными словами, исключает позитивный потенциал и надобность социокультурной составляющей модернизации [Berger, 1979. P. 211]. В этой связи в качестве аргумента примиряющего характера, сближающего альтернативные позиции ученых, хотелось бы вспомнить английскую мудрость: «Традиции должны меняться, чтобы оставаться неизменными».

Как видим, в целом, по оценкам экспертов, складывается достаточно позитивная картина, согласно которой Казахстан является современным современным обществом. Однако, когда мы попытались детализировать картину и попросили экспертов оценить уровень модернизованности конкретных сфер общественной жизни, то картина вмиг утратила свои радужные краски (табл. 8.2). Остановимся на этом вопросе подробнее.

Таблица 8.2

**Индикаторы модернизации Казахстана и их оценки,
% экспертов, присвоивших данный балл**

Индикаторы (измерения, проекции, векторы, направления) модернизации	Оценки по пятибалльной шкале					Средняя оценка, баллы
	5	4	3	2	1	
1	2	3	4	5	6	7
Экономические:						
<i>Собственность</i>						
1. Многоукладность экономики (наличие разных форм собственности)	14	41	38	6	1	3,6
2. Существование (наличие) института частной собственности	20	42	28	7	3	3,7
3. Неприкосновенность частной собственности	9	26	39	21	5	3,1
<i>Рынок и предпринимательство</i>						
4. Свобода для частной инициативы и предпринимательства	15	32	36	15	2	3,5
5. Свободная конкуренция на рынке труда	11	24	36	22	7	3,1
6. Свободная конкуренция на рынке товаров и услуг	18	31	35	11	5	3,5
<i>Статус регионов</i>						
7. Экономическая самостоятельность регионов страны	7	21	45	20	7	3,0
<i>В среднем по группе</i>	13,4	31,0	36,7	14,6	4,3	3,3

Окончание табл. 8.1

1	2	3	4	5	6	7
Политические:						
1. Свобода печати	6	26	40	22	6	3,0
2. Возможность открыто высказывать свои политические взгляды	5	21	42	25	7	2,9
3. Наличие оппозиции, которая бы контролировала президента и правительство	5	11	28	34	22	2,4
<i>В среднем по группе</i>	5,3	19,3	36,7	27,0	11,7	2,8
Правовые:						
<i>Тип правовой системы</i>						
1. Развитая правовая система, провозглашающая и гарантирующая обеспечение интересов граждан	3	17	50	23	7	2,9
2. Равенство всех граждан перед законом	12	13	38	28	9	2,9
<i>Статус судопроизводства</i>						
3. Независимость суда	5	11	35	35	14	2,6
<i>Гражданские свободы</i>						
4. Свобода вероисповедания	54	37	7	2	0	4,4
5. Свобода передвижения по стране и за ее пределы (выезд за рубеж)	44	36	13	5	2	4,2
<i>Правосознание населения</i>						
6. Высокая правовая культура населения	2	11	44	32	11	2,6
<i>В среднем по группе</i>	20,0	20,8	31,2	20,8	7,2	3,3
Социальные и социокультурные:						
1. Открытая стратификационная система (свобода перемещения по иерархической социальной лестнице)	6	24	40	24	6	3,0
2. Равенство жизненных шансов для всех граждан	10	19	36	30	5	3,0
3. Участие рабочих в управлении предприятием	4	17	32	34	14	2,6
4. Толерантность к людям иной национальной культуры	35	38	22	3	2	4,0
<i>В среднем по группе</i>	13,8	24,5	32,5	22,7	6,5	3,2
Итого по всем индикаторам	14,3	24,9	34,2	19,9	6,7	3,2

Уровни модернизированнойности разных сторон общественной жизни Казахстана по оценкам экспертов

Процедура оценки модернизации конкретных сфер общественной жизни состояла в следующем. Вначале были выделены четыре типа теоретических индикаторов модернизации — экономический, политический, правовой, социальный. Далее каждый из них был операционализирован посредством индикаторов понятийных. В результате экономический вектор объединил семь, политический — три, правовой, в нашем случае в значительной мере тяготеющий к политическому, — шесть и, наконец, социальный — четыре понятийных индикатора. Заметим, что подбор и отбор понятийных индикаторов — сама по себе непростая задача. С одной стороны, исследователь стремится к полноте их представления, с другой, на него накладывает ограничения формат социологического инструментария (в нашем случае анкеты). Мы стремились отразить наиболее яркие, важные и, одновременно «классические», на наш взгляд, стороны современной модернизации. Отбор понятийных индикаторов носил по сути полусубъективный-полуобъективный характер. «Субъективный», потому что в нем нашли отражение наши индивидуальные предпочтения, «объективный» — поскольку в нем в той или иной мере аккумулированы аргументированные теоретические воззрения большого числа ученых. Понятно, что в дальнейшем список понятийных индикаторов может быть расширен, углублен и детализирован.

Предложенный вариант «прикрепления» ряда понятийных индикаторов к теоретическим не является безупречным и абсолютным ввиду сложности разграничения правового, политического и социального полей. Однако мы сочли возможным остановиться именно на данном варианте структурирования пространства индикаторов, хотя не исключаем и другие его версии. (Самым «проблематичным» и «уязвимым» в нашем случае является «разъединение» гражданских свобод и разнесение их по трем блокам индикаторов — экономических, политических, правовых — в соответствии с содержанием и ролью в конкретных сферах общественной жизни). В результате на базе выделенных нами понятийных индикаторов экспертам и предстояло оценить в баллах (от 1 — низший балл до 5 — высший) современный уровень модернизационных преобразований в Казахстане.

Какие главные черты в оценках модернизации обращают на себя внимание? Во-первых, налицо низкая средняя «интегральная» отметка всех 20 индикаторов, она составила лишь немногим более 3 баллов (3,2). Не удивительно поэтому, что «тройка» стала самой «востребованной» оценкой у наших экспертов.

Во-вторых, озадачивает высокая проблемность *политического поля* как такового. Наиболее низкие баллы получили его индикаторы: «возможность открыто высказывать свои политические взгляды» (лишь 5 % экспертов выставили самый высший балл, средняя же оценка составила 2,9 балла), «наличие оппозиции, которая бы контролировала президента и правительство» (5 % и 2,4 балла), «свобода печати» (6 % и 3,0 балла).

В этой связи хотелось бы напомнить о важности политического фактора в модернизационных процессах современности. Корректируя положения марксизма в контексте новых социально-экономических и политических реалий времени, даже неомарксисты вынуждены ныне признавать не только все возрастающую роль политики в жизни общества, но и, порой, ее первенство над экономикой.

В-третьих, весьма проблемным является и *правовое поле*. Его чисто внешнее «интегральное» благополучие (средний балл — 3,3) обеспечивается уникальной ситуацией, аналогичной «средней температуре» в больнице: один умер, у другого — жар, а потому средняя температура не выходит за пределы нормы 36,6. Высокие баллы у индикаторов, условно названных нами «гражданские свободы», — здесь 54 и 44 % экспертов соответственно оказались единодушны в проставлении высшей отметки 5 баллов таким индикаторам, как «свобода вероисповедания» и «свобода передвижения по стране и за ее пределы», — по сути гасят (маскируют, нивелируют) острокритическое положение у других «правовых» индикаторов, таких, например, как «развитая правовая система, провозглашающая и гарантирующая обеспечение интересов граждан» (высшую оценку 5 баллов выставили 3 % экспертов, средний балл равен 2,9), «независимость суда» (5 % и 2,6 балла), «высокая правовая культура населения» (2 % и 2,6 балла).

Столь низкие баллы этих индикаторов свидетельствуют по сути о некоем «параличе» судебной-правовой системы, без нормального функционирования которой модернизация неизбежно принимает уродливые патологические и квазиформы. Истоки этого паралича имеют, с одной стороны, объективный характер — неразвитость правовых институтов как таковых, с другой — субъективный, обусловленный слабой правовой грамотностью населения, низкими характеристиками общественного капитала. Думается, что это общая болезнь стран СНГ, наследующих социально-правовые практики и институты советского времени, когда повсеместно господствовало «телефонное право» и разного рода «адресные» (двойные, тройные и прочие) стандарты, дифференцирующие людей, пытающихся решать ту или иную свою проблему в рамках советского судопроизводства, согласно их месту во властной иерархии. Отсюда — отсутствие доверия к судопроизводству, к правовым институтам в целом, игнорирование законов, установлений и правил.

В-четвертых, аналогичная картина «средней температуры в больнице» наблюдается и в группе *социальных индикаторов*, где ситуацию «в лучшую сторону» выправляет индикатор «толерантности к людям иной национальной культуры» (35 % экспертов присвоили ему высший балл, средняя оценка — 4 балла). Всем остальным индикаторам данной группы: «открытая стратификационная система», «равенство жизненных шансов всех граждан», «участие рабочих в управлении предприятием»

не удалось преодолеть заветную грань в 3 балла (средние оценки, представленные экспертами, составили 3,0, 3,0 и 2,6 балла соответственно).

Особо стоит остановиться в этой связи на таком индикаторе модернизации, задействованном в нашем проекте, как «участие рабочих в управлении предприятием». На первый взгляд, он носит частный характер, но по сути отражает степень интегрированности работников в свое предприятие, уровень их включенности и заинтересованности в делах производства, открывающиеся возможности самореализации личности, что также является весьма ярким атрибутивным признаком развитого модерни (классический пример — Япония). Однако, согласно нашим экспертным данным, в современном Казахстане проблема формирования корпоративного духа работников, их встроенности в дела своего предприятия остается не только не решенной, но, судя по всему, не от-refлексированной в должной мере. В то же время современная общественная трансформация (речь идет об этапе зрелого и позднего модерни) инициируется изменениями, происходящими прежде всего на индивидуальном, а часто даже социопсихологическом уровне, многие экономико-хозяйственные, экологические, политические закономерности и отношения в этих условиях нередко приобретают новое содержание и новое, существенно более важное значение. Именно личностные факторы оказывают мощное влияние на ход и направления зрелой модернизации, именно роль и значение человека как субъекта производства и творческой деятельности, как активной духовной личности определяют основные характеристики и тип модернизации общества.

Итак, факторами-лидерами модернизации казахстанского общества среди всех 20, анализируемых в нашем проекте, выступают пять следующих: «свобода вероисповедания» (средняя оценка — 4,4 балла), «свобода передвижения по стране и за ее пределы» (4,2), «толерантность к людям иной национальной культуры» (4,0), «существование института частной собственности» (3,7), «многоукладность экономики» (3,6). Три первых из них отражают состояние отдельных сторон правового поля казахстанского общества, а также социокультурного климата, как видим, весьма благополучного; два последних имеют экономическую природу. Думается, что в отношении высоких оценок первого («свобода вероисповедания») и третьего («толерантность к людям иной национальной культуры») из выше упомянутых индикаторов следует проявить осторожность и отнестись критически. Дело в том, что львиная доля экспертов в нашей выборке являются представителями титульной нации, а потому вряд ли способны ощущать, что называется, «на себе» недружелюбие, настороженность, отсутствие толерантности со стороны представителей других национальностей, не столь многочисленных по составу. Видимо, факт бессознательного приукрашивания реальной ситуации, слабой от-refлексированности проблемы этнических взаимодействий вполне может иметь место; тем более, если вспомнить недавний мощный миграционный исход русскоязычного населения из Казахстана.

Хотелось бы надеяться, что в перспективе полоса этнической, культурной и религиозной нетерпимости и предвзятости в казахстанском обществе действительно будет преодолена, а отношения между представителями разных этнических и социокультурных групп перейдут в устойчивое русло цивилизованного диалога. Этому должны способствовать и специфические исторические предпосылки: издревле в степях Казахстана населяющие его народы придерживались разных религиозных воззрений и практик; здесь мирно сосуществовали и христианство, и буддизм, и зороастризм, и манихейство, а традиции тенгрианства для простого народа немногим уступали исламу. Кроме того этому безусловно содействуют сегодня и артикулируемые политической элитой идеи о том, что сила и жизнеспособность общества заключена в единении его многонациональных и многоконфессиональных начал.

Что касается двух экономических факторов-лидеров, получивших максимальные оценки наших экспертов, то следует заметить, что они являются чрезвычайно важными, базовыми для успеха экономической модернизации в целом. Развитие рынка и предпринимательства, частной инициативы, экономических свобод невозможно без многоукладности экономики, существования и надежного функционирования института частной собственности и пр. В то же время, как выяснилось, два этих фактора не являются гарантом благополучия экономической модернизации в целом. Например, при относительно высокой оценке признания «существования института частной собственности» как такового (3,7 — средний балл), «неприкосновенность частной собственности» получает существенно более низкую оценку (3,1). Это свидетельствует о наличии социально-экономических и правовых коллизий, связанных с функционированием института частной собственности, слабости механизмов его защиты. Институт этот де-факто существует, однако гарантии неприкосновенности его не обеспечены в полной мере, «отстают» от темпов развития самого института, что безусловно снижает предпринимательскую активность.

Неважно обстоит дело и со «свободой конкуренции на рынке труда», также получившей оценку (3,1) ниже средней. Видимо, можно высказать предположение, что существование в казахстанском обществе «азиатской» специфики экономических взаимодействий, базирующейся на примате семейно-родственных отношений, традиций клановости, трайбализма, все же оказывает заметный парализующий эффект на формирование цивилизованных рыночных институтов.

Общий же вывод состоит в том, что модернизация казахстанского общества далека от завершения и осуществляется по разным направлениям неравномерно. Эта неравномерность зафиксирована в сравнительных балльных оценках разных групп индикаторов модернизации: экономических, политических, правовых, социальных в целом (диапазон колебаний от 3,3 до 2,8), а кроме того, она присутствует и «внутри» каждой из данных групп. Разрывы, рассогласованность, асинхронность

модернизационных процессов в разных сферах общественной жизни, зафиксированные в ходе экспертного опроса (в частности, отставание политической составляющей модернизации от других ее составляющих, «провалы» в системе правовых индикаторов модернизации), указывают на то, что модернизация казахстанского общества нуждается в коррективах, направленных на устранение этих изъянов. В противном случае в обществе будут нарастать ценностные и институциональные несоответствия, тупики и диссонансы, провоцирующие перманентную системную нестабильность общества.

Эти разрывы, рассогласования и асинхронность в *теоретическом контексте* можно интерпретировать как признак (критерий) отсутствия *кристаллизации модернити* и одновременно — как *внутреннюю неконсистентность* (несогласованность, несовместимость) отдельных сторон (аспектов) последней. (О кристаллизации, консистентной и неконсистентной модернизации см. выше главу 5 «Российский модернизационный проект и адаптация: потенциал роста и пределы созидания».)

Выбор варианта модели модернизации: «Восток или Запад?», «Самобытное или заимствованное?»

Теоретики модернизации считают доказанным тот факт, что модернизация многолика, включает в себя большое разнообразие воплощающих ее моделей, подверженных переменам, и что к ней ведут многие пути. Множественность обликов модернизации отмечается Ш. Эйзенштадтом, Дж. Джермани, Дж. Коулменом и др.

Модернизационный императив предполагает для всякой страны, вступающей на путь модернизационных преобразований, следующую альтернативу: воспользоваться уже готовыми вариантами (и если «да», то какими?) либо предпочесть разработку собственной модели инновационных трансформаций.

Понятно, что «готовые варианты» приложимы только в тех случаях и к тем обществам, которые имеют примерно ту же цивилизационную идентичность, что и общество, выступающее «образцом», показательной типологической моделью модернизации. Иными словами, общество, делающее свой выбор конкретной модернизационной модели, и общество, выступающее в качестве носителя искомой модели модернизации, должны быть «родственными», близкими по своей внутренней природе в экономическом, социокультурном и политическом отношениях. В противном случае бездумное заимствование «чужеродного» модернизационного образчика чревато угрозами разного рода пато-, квази- и антимодернизаций.

Важной цивилизационной осью дифференциации моделей модернизации является оппозиция Запад—Восток. Определение модернизационно-цивилизационной идентичности казахстанского общества в рамках данной оппозиции (диакризиса) представляется весьма важным, с

точки зрения выбора наиболее приемлемых для него моделей модернизации.

Однако представления о цивилизационной идентичности современного казахстанского общества не являются единообразными и остаются областью дискуссий и обсуждений. Одни ученые и общественные деятели современного Казахстана (А. Н. Нысанбаев, В. Алесин и др.) делают акцент на тяготении и причастности казахстанского общества сразу к двум мировым цивилизационным центрам — Европе и Азии, а отсюда — его сложной евразийской природе, его роли в качестве самостоятельного субъекта системы баланса цивилизаций, культур, народов, религий и государств. Вторые обращают внимание на то, что в цивилизационном ракурсе казахское общество являлось в древности и сейчас является сугубо восточным обществом, которое ныне представляет собой «отколовшуюся часть российско-советской империи и заблудившееся дитя мусульманской цивилизации» (Ф. Жармакина и др.). Третьи подчеркивают, что современные казахи являются в первую очередь европейцами, а не азиатами, прежде всего по воспитанию, образованию и культуре (Н. А. Назарбаев и др.).

Неоднозначность позиций обществоведов и политиков относительно цивилизационной идентичности казахстанского общества позволила нам выдвинуть гипотезу о том, что и казахстанская субэлита, в лице наших экспертов, также пребывает сегодня в состоянии неоднозначности оценок, противостояния и раскола в своих представлениях о наиболее предпочтительных моделях модернизации по линии Восток—Запад и Самобытное—Привнесенное (заимствованное).

Для проверки этой гипотезы экспертам предстояло ответить на вопрос: «Какая модель модернизации наиболее предпочтительна, на Ваш взгляд, для Казахстана?» (табл. 8.3).

Таблица 8.3

Доли лиц, отдавших предпочтение конкретной модели модернизации, а также указавших, какая модель модернизации реализуется в современном казахстанском обществе, % к числу ответивших

Модель модернизации	Модель модернизации		Дельта (B—A), проц. пункты
	предпочитаемая А	реальная В	
Западная (развитые страны)	28,5	46,9	+18,4
Восточная японского образца	8,5	2,3	-6,2
Восточная китайского образца	6,0	0,8	-5,2
Восточноевропейская (постсоциалистическое пространство)	12,0	22,3	+10,3
Национальная, самобытная	39,0	26,2	-12,8
Смешанная, сочетающая разные элементы нескольких моделей	6,0	1,5	-4,5
Итого	100	100	0

Наибольшую привлекательность для экспертов представляет *национальная самобытная «адаптированная» модель* модернизации: 39 % экспертов назвали ее как наиболее предпочтительную. Смысл данной модели состоит в опоре на традиционные институты, социокультурные, национальные и ментальные особенности и ценности казахстанского общества, его историю, экономику и реальное положение в современной миросистеме в ходе модернизации. Почти половина ответов экспертов-сторонников данной модели модернизации (47 %) содержит ссылку на политическую и экономическую независимость, обеспечиваемую именно данной моделью модернизации, а 36 % — на сохранение национальной самобытности общества. Следует заметить, что такого рода соображения находили и находят отзвуки и в теоретической социологии: во второй половине 1960-х гг. здесь окончательно сложилась теоретическая концепция «модернизация в обход модернити», содержание которой составляет идея о возможности реализации такого модернизационного проекта, который бы осуществлялся при сохранении национальной культуры без жесткого навязывания обществу западных ценностей (А. Абдель-Малек, А. Турен, Ш. Эйзенштадт и др.). По сути дела речь идет о том, чтобы, выражаясь языком А. Турена, навести мост между Разумом и Культурой, Современностью и Национально-культурной идентичностью народов, между Развитием как универсальной целью и Образом жизни как ценностным выбором, экономическим развитием и социальными преобразованиями [Touraine, 1988. P. 451].

Одновременно весьма представительной оказалась и доля тех экспертов (29 %), кто без оговорок предпочел *западную модель* модернизации — «вестернизационную». Главным преимуществом этого вида модернизации являются, по их мнению, высокие *темпы* преобразований, обеспечивающие и гарантирующие не только выживание, но и успех в конкурентной борьбе за статус, политическое и экономическое влияние в жестком глобализирующемся мире (73 % ответов), согласно поговорке «кто не успел, тот опоздал».

Лишь каждый восьмой эксперт высказался в пользу *восточноевропейской модели* модернизации, разворачивающейся, с теми или иными отклонениями и особенностями, на постсоциалистическом пространстве. Аргументация в ее поддержку со стороны экспертов заключалась в том, что при реализации данной модели страна получает возможность, во-первых, сохранить свою политическую и экономическую независимость (32 % ответов), во-вторых, сбросить черты национальной самобытности (29 %) и, наконец в-третьих, обеспечить динамичные темпы модернизации (23 %).

Еще меньше среди экспертов оказалось апологетов моделей модернизации *японского* (8,5 %) и *китайского* (6 %) образцов. В первом случае приверженцы данной модели апеллируют к возможности страны осуществлять модернизацию либо целиком в рамках традиционной национальной культуры, либо учитывая черты национальной самобытно-

сти ($18,2 + 36,4 = 54,6$ % ответов). Во втором случае большая часть экспертов указывает на возможность сохранения политической и экономической независимости страны (46,7 %), а кроме того, быстрые темпы модернизации (26,7 %).

Как видим, де-факто для большей части наших экспертов существуют два полюса модернизационного притяжения. Один из них — Запад (вместе с Восточной Европой): 40,5 % экспертов высказались в пользу этого типа моделей. Другой — национальная самобытная казахстанская модель: за нее высказалось 39 % экспертов. На этом фоне суммарная роль Востока (Китая и Японии) как одного из возможных полюсов модернизационного притяжения невелика (предпочтение ему отдало только 14,5 % экспертов). Территория современного Казахстана много столетий либо находилась в зоне влияния России, либо была ее частью, что не могло не сказаться на формировании специфической национальной идентичности, социокультурной интенции и менталитета народов, ее населяющих. Эти два полюса формируют два течения, два разнонаправленных вектора, которые тянут общество в разные стороны. И у той, и у другой стороны в пользу своей точки зрения есть в запасе свои сильные аргументы и резоны. Следовательно, можно говорить о фундаментальных основаниях своеобразного мировоззренческого раскола казахстанской субэлиты и, видимо, общества в целом по отношению к модернизационно-цивилизационному выбору.

Далее мы попросили экспертов ответить на вопрос «Какая из моделей модернизации де-факто реализуется в Казахстане?», а затем сравнили два ряда распределений: реальные и предпочитаемые модели модернизации. Как оказалось, эти ряды не идентичны. По оценкам экспертов, западная и восточноевропейская модели модернизации гораздо чаще (на 18,4 и 10,3 процентных пункта соответственно, т. е. в сумме на 28,7 п.п.) позиционируются в качестве реальных, нежели номинируются в качестве предпочитаемых. (В целом около 70 % экспертов полагают, что в реальной модернизационной практике современного Казахстана осуществляется либо западная, либо восточноевропейская модель.) Иное дело с национальной самобытной моделью. В качестве реальной (фактической) ее упоминают гораздо реже (на 12,8 п.п.), чем в качестве предпочитаемой. Лишь 26,2 % определили действующую (реальную) модель модернизации как национально-самобытную. Расхождение желаемого и действительного свидетельствует об определенном градусе общественного напряжения, в основе которого лежит неудовлетворенность отдельных групп населения курсом реформирования, продуцирующим угрозу экспансии моделей модернизации западного и восточноевропейского образцов. Выразителями этих взглядов в нашем обследовании и выступили эксперты — представители субэлиты современного казахстанского общества. Они, наряду с элитами, являются генераторами, проводниками и трансляторами цивилизационно-модернизационных напряжений данного типа.

Барьеры и препятствия модернизации казахстанского общества

Какие главные факторы, по мнению экспертов, препятствуют успешной модернизации Казахстана? Ответ на этот вопрос содержится в табл. 8.4. Для начала отметим, что каждый эксперт упомянул в среднем 2,6 фактора, тормозящих модернизацию (максимальное число ответов, согласно анкете, не должно было превышать трех). Самым мощным в этом ряду выступила группа факторов, условно получившая обобщенное название «человеческий фактор» (его суммарный процентный балл составил 79,6 %). В этот фактор вошли следующие: коррумпированность работников государственного аппарата (фактор-лидер во всей совокупности факторов, его упомянули 58 % респондентов), общая бедность населения, препятствующая его экономической активности (20,4 %), недостаток людей с деловой хваткой, способных организовать бизнес (15 %), приверженность населения традиционным социокультурным образцам, противоречащим новым демократическим и либеральным ценностям (7,3 %).

Примечательно, что представительность в обществе различных в модернизационном отношении социально-психологических типов выглядит, по мнению экспертов, следующим образом: 33 % составляют модернисты-рационалисты, т. е. те, кто обладает даром успешно действовать в непредсказуемых и сложных ситуациях, готовы взять на себя значительный риск и начать новое дело, способны сопоставлять затраты и результаты, обладают навыками калькуляции и пр.; 39 % являются комбинаторами, т. е. сочетают в себе как рациональные, так и традиционные начала в сознании и поведении; и, наконец, 28 % номинируются как традиционалисты, т. е. находятся под непосредственным мощным влиянием культурных, социально-экономических особенностей своей страны, во всем придерживаясь глубоко укоренившейся традиции.

«Неправильная экономическая политика» — является вторым по мощности фактором, сдерживающим модернизационный процесс (суммарный процентный балл составил 74,2 %). В этот ряд мы включили следующие индикаторы: нецелесообразное использование национального богатства, в том числе природных ресурсов (на него указали 51,5 % экспертов), упор на развитие сырьевых секторов экономики в ущерб несырьевым (29,2 %), слабое развитие свободных экономических зон (8,1 %).

«Слабость правовых институтов, отсутствие правопорядка» занимает третью позицию по частоте упоминаний (суммарный процентный балл 33,5 %) в качестве фактора, тормозящего модернизацию. Он объединил два индикатора: отсутствие порядка в правовой сфере, в судопроизводстве (18,5 %), а также необходимой законодательной базы сопровождения реформ, модернизационных начинаний (15,4 %).

Четвертую позицию занял фактор, получивший наименование «технологический застой» (суммарный процентный балл 27,3 %). Он объе-

Факторы, в наибольшей мере препятствующие успешной модернизации Казахстана

Фактор	Количество ответов, % к числу ответивших
«Человеческий фактор»	
В целом	79,6
в том числе:	
коррупционность работников государственного аппарата	58,0
общая бедность населения, отсутствие у населения денежных средств	20,4
недостаток людей с деловой хваткой	15,0
приверженность населения традиционным социокультурным образцам, противоречащим новым демократическим и либеральным ценностям	7,3
Неправильная экономическая политика	
В целом	74,2
в том числе:	
нецелесообразное использование национального богатства, природных ресурсов	51,5
упор на развитие сырьевых секторов экономики в ущерб не сырьевым	29,2
слабое развитие (отсутствие) свободных экономических зон	8,1
Слабость правовых институтов, отсутствие правопорядка	
В целом	33,5
в том числе:	
отсутствие порядка в правовой сфере, в судопроизводстве	18,5
отсутствие необходимой законодательной базы	15,4
Технологический застой	
В целом	27,3
в том числе:	
слабое развитие технопарков	15,4
недостаточный приток передовых иностранных технологий	12,3
Непродуманность модернизационной стратегии в целом	15,0

Примечание. Можно было дать несколько ответов.

динил два индикатора: слабое развитие технопарков (15,4 % экспертов указали на это обстоятельство) и недостаточный приток передовых иностранных технологий (отмечен 12,3 % экспертов).

И, наконец, «непродуманность модернизационной стратегии в целом» была отмечена каждым седьмым экспертом.

Как видим, в нашем исследовании высветились две главные беды модернизации в современном Казахстане — *коррупционность работников государственного аппарата и нецелесообразное использование национального богатства*, в том числе природных ресурсов. Можно предположить, что они тесно связаны между собой: институт коррупции обслуживает экономические интересы и нужды групп влияния, рвущихся к овладению и распоряжению национальным богатством государства, нецелесообразное же использование национального богатства в свою очередь состоит, отчасти, и в том, что подпитывается, «содержится» институт коррупции, а сами агенты коррупции «включаются в долю».

Разрабатывая теорию общественного капитала, Ф. Фукуяма отметил, что «страна с небольшим общественным капиталом не только будет иметь мелкие слабые и нерентабельные компании, она будет страдать от широкого распространения коррупции среди правительственных чиновников и неэффективности системы государственного управления. Признаки подобного положения наблюдаются в Италии, где видна прямая связь между раздробленностью общества и коррупцией, особенно по мере продвижения из северной и центральной частей страны в южные регионы» [Фукуяма, 1999. С. 158]. В унисон этой идее Дж. Гелбрейт утверждает, что: «Экономическая система функционирует эффективно только в рамках жестких правил поведения. Первым из них является *всеобщая честность* — правда должна в полном объеме доводиться до сведения вкладчиков, общественности и, как уже подчеркивалось, потребителя (Курсив наш. — С. Е., Л. К.)» [Гелбрейт, 1999. С. 34].

По данным Всемирного банка, в котором проводились исследования коррупции в странах с переходной экономикой (бывшие социалистические страны и Турция), уровень коррупции наиболее высок в тех из них, где политика менее действенна, а органы власти менее эффективны. Причем коррупционные схемы сложнее в тех странах, где переходный период все еще находится на относительно ранней стадии.

Согласно тем же данным, в Казахстане в 2002—2005 гг. наблюдалось скромное, но заметное снижение «коррупционного налога» (измеряемого в процентах от годового дохода компании), что внушает некоторый оптимизм [Доклад..., 2006].

Как видно, правящей политической элите Казахстана следует продолжать курс на укрепление этих положительных сдвигов и активизацию усилий по «антикоррупционной терапии общества».

Факторы, стимулирующие и катализирующие модернизацию казахстанского общества

Помимо факторов, тормозящих модернизацию, есть и другие «антонимичные» первым, т. е. те, которые стимулируют, катализируют и активизируют данный процесс в современном Казахстане (табл. 8.5). В среднем каждый эксперт посчитал нужным для себя выделить в каче-

Таблица 8.5

Факторы, в наибольшей мере способствующие успешной модернизации Казахстана

Фактор	Количество ответов, % к числу ответивших
Экономический блок	
В целом	90,0
в том числе:	
богатые природные ресурсы страны	55,4
иностраннные инвестиции в экономику страны	48,1
развитие рыночных отношений	30,0
единое экономическое пространство с Россией и др. странами	26,2
СНГ	
свободные экономические зоны	5,0
Активизация информационных потоков, коммуникаций и международных взаимодействий	
В целом	33,5
в том числе:	
информационные сети (Интернет), современные виды коммуникаций	21,5
встраивание в мировой глобализационный процесс	8,5
опора на успешный опыт других государств	6,2
Развитие политических институтов (свободные выборы власти и пр.)	32,7
Человеческий фактор	
В целом	23,1
в том числе:	
рост квалификации управляющей элиты	11,2
преодоление устаревших традиционных социокультурных образцов и замена их новыми, отвечающими современным требованиям	6,9
высокий уровень активности населения	6,9
Технологические прорывы (рост технологического уровня производства)	15,0
Развитие правовых институтов	
В целом	9,6
в том числе:	
наведение порядка в правовой сфере, в судопроизводстве	5,0
расширение прав и свобод граждан	4,6

Примечание. Можно было дать несколько ответов.

стве главных порядка трех таких факторов (2,8), что соответствовало ограничению, заданному в анкете («не более трех ответов»). Особое место в ряду этих факторов занял экономический блок. Он является главным в модернизационном отношении (суммарный процентный балл достиг максимальной отметки 90 %). Две составляющие данного блока — богатые природные ресурсы страны, иностранные инвестиции в экономику — отмечены были, по сути, каждым вторым экспертом. Это — лидеры в ряду всей совокупности факторов, обеспечивающих модернизационный процесс. Заметно «хуже» обстоит дело с факторами иной природы, такими как «активизация информационных потоков, коммуникаций и международных взаимодействий» (суммарный процентный балл — 33,5 %), «развитие политических институтов» (32,7 %), «человеческий фактор» (23,1 %). И, наконец, весьма слабо проявили себя следующие детерминанты: «рост технологического уровня производства» (15,0 %), а также «развитие правовых институтов» (суммарный процентный балл — 9,6 %).

Итак, подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что модернизация в Казахстане стоит на трех китах — экономике (богатые природные ресурсы, участие иностранных инвестиций, развитие рыночных отношений), *информации и коммуникации*, а также *политике* (при всей противоречивости развития политических институтов), которые и вытягивают общество из трясины «вечно вчерашнего». Однако, к сожалению, в характере самой модернизации ярко просматриваются черты «вчерашнего дня»: 1) крен в сторону сырьевых, добывающих производств, в ущерб развитию высокотехнологичных отраслей экономики; 2) отсутствие опоры на *человеческий фактор* — недостаток полноценных социальных агентов (актеров, субъектов) модернизационного процесса, поскольку значительная часть населения в трудовой и бытовой практике придерживается устаревших социокультурных образцов, демонстрирует низкий уровень деловой и социальной активности, к тому же бедна и недостаточно интегрирована в инновационные процессы и структуры; 3) слабая модернизация *правовых институтов*, осуществляющаяся к тому же в условиях деформированного правосознания населения (45,4 % наших экспертов полагает, что «в обществе действует лишь один закон — сила денег»). Иными словами, модернизация в Казахстане осуществляется «сверху» в формате и границах стереотипов «традиционного толка» (иными словами, устаревших образцов тоталитарных режимов середины XX в.).

Готовность людей к модернизационным преобразованиям

Примечательны в этом контексте расхождения в ответах экспертов на вопрос «Как Вы оцениваете готовность казахстанского народа к модернизационным процессам?». Около трети экспертов (30,5 %) с опти-

мизмом ответило, что «народ готов к модернизации и вместе с политической элитой участвует в этом процессе»; половина экспертов (51,4 %) критически настроена по отношению к управленческой элите и утверждает, что «народ готов к модернизации, но проводимая в стране элитами политика не дает казахстанскому народу возможности реализовать свой потенциал», и, наконец, 17 % экспертов винит не элиты, а народ, полагая, что «народ не готов к модернизации, хотя проводимая элитами политика создает все условия для участия его в процессах модернизации».

Эти данные косвенно свидетельствуют о высокой степени неудовлетворенности ходом модернизации в Казахстане той части общества, интересы которой представляют две трети наших экспертов. Причем основные претензии адресованы элитам, блокирующим модернизационный потенциал общества, вместо того, чтобы его раскрывать, созидать и стимулировать. Симметричные обвинения, хотя и менее массовые, звучат и в адрес народа, чей «парализующий» модернизацию эффект заключается в субъективной неготовности к ней. Таким образом, налицо разрыв, конфликт, противостояние между элитами и народом, причем каждый из контрагентов попеременно оказывается то виновником сбоев модернизации, то ее потенциальным творцом, созидающим началом в зависимости от позиции, занимаемой экспертом. Итак, значительная часть экспертов отметила опасные коллизии (конфликты, столкновения) модернизационного толка. Оставшаяся, существенно меньшая часть (треть), усматривает иное, диаметрально противоположное по смыслу положение — единство и солидарные взаимодействия элит и народа.

Разъединение элит и народа, зафиксированное в нашем исследовании, отчасти созвучно тем процессам разобщения, разделения, отчуждения, о которых писал А. Турен. «История модернизи представляет собой историю медленного, но непрерывного нарастания разрыва между личностью, обществом и природой», при этом наиболее опасны, с его точки зрения, разделенность социума и активного субъекта, феномен роста отчужденности человека от общества, выступающей непосильной платой за материальный и экономический прогресс [Touraine, 1992. P. 199].

Тем не менее, думается, что ряд новых конструктивных процессов — активизация межстрановых информационных потоков и международных взаимодействий, энергичное встраивание Казахстана в мировой глобализационный процесс (на что указывают наши эксперты) — со временем несомненно внесет в модернизацию казахстанского общества черты эффективной креативной инновации, катализирующей человеческий потенциал, стимулирующей технологические прорывы и, одновременно, сберегающей лучшие социокультурные образцы и практики народа, его страну. Противостояния же, столкновения и дискуссии субэлит по поводу приоритета экономических либо социокультурных начал, выбора наиболее предпочтительной модели модернизации в континуумах Запад—Восток, Самобытное—Займствованное, а также характера мо-

дернизационной стратегии в целом будут решаться в рамках политических и научных дискуссий, при поддержке и с учетом мнений всех социальных групп населения в режиме общественного консенсуса. Эти процессы неизбежно приведут к росту кристаллизации модерни и, одновременно, преодолению признаков неконсистентности последней в современном казахстанском обществе.

ГЛАВА 9

Социокультурные факторы модернизации: традиции и инновации, самобытность и универсальность

О социокультурных основаниях модернизации

Цель нашего исследования состояла в выявлении роли социокультурных факторов в модернизационных процессах казахстанского общества на основе оценок, мнений и суждений субэлит о началах традиции и инновации, самобытности и универсальности в его развитии. Эмпирической базой выступили результаты экспертного опроса «Модернизация казахстанского общества: взгляд эксперта» (подробнее о выборке экспертов и социологическом инструментарии см. в главе 8 «Модернизация общества в зеркале субэлит: противостояние взглядов, суждений и позиций»).

Опыт модернизационных преобразований в трансформирующемся обществе, рассмотренный в социокультурном аспекте глазами субэлит общества, важен не только для Казахстана, но и для России, поскольку между странами существует давняя «органическая» связь. Как известно из истории, присоединение Казахстана к России происходило в период с 30-х гг. XVIII в. по 60-е гг. XIX в. С тех пор произошли проникновение и взаимовлияние культур, интеграция хозяйственных практик, слияние исторических судеб и т. д. Используя исторические аналогии, некоторые исследователи даже усматривают в некоторых аспектах современной политической ситуации Казахстана позитивный опыт петровских преобразований [Власов, 2006].

Модернизация имеет множество определений, среди которых наиболее распространены следующие варианты. Во-первых, те, в которых

модернизация рассматривается как исторически ограниченный процесс, узаконивающий институты и ценности современности: демократию, рынок, образование, разумное администрирование, самодисциплину, трудовую этику и т. д.; во-вторых, такие, в которых модернизация предстает как процесс и результат усилий незападных стран, стремящихся догнать ведущие, наиболее развитые страны Запада, сосуществующие с ними в одном историческом времени, в рамках единого глобального мирового сообщества, и, наконец, в-третьих, как центростремительное движение стран от периферийных окраин социокультурной, политической и экономической жизни современной миросистемы к ее центру. Применительно к современному Казахстану можно использовать все эти толкования. По словам главного идеолога модернизации Казахстана Н. Назарбаева, сегодня страна «переходит из разряда стран “догоняющего развития” в позицию “состоявшегося государства”, готового принять участие в конкуренции на международной арене» [Выступление..., 2006]. Несмотря на «догоняющий» характер модернизации, Казахстан настроен на собственный путь развития, о чем свидетельствуют политические процессы в стране.

Модернизация в области экономики и политики тесно связана с социокультурными особенностями населения модернизируемой страны. Основу социокультурной модернизации общества составляет формирование определенного типа сознания и детерминированных им поведенческих практик индивидов, влекущее за собой соответствующее изменение общественных институтов.

В последнее время все большее число ученых, журналистов, политиков и практиков уделяет внимание культурным ценностям и установкам, способствующим или препятствующим, в частном случае, модернизационным процессам, в общем — прогрессу. Этих людей можно считать интеллектуальными наследниками следующих ученых: Алексиса де Токвиля, который полагал, что за работоспособностью американской политической системы стояла культура, удивительно подходящая для демократии, Макса Вебера, объяснявшего подъем капитализма в первую очередь культурными факторами, коренящимися в религии, Эдварда Банфилда, обнажившего культурные причины убогости и авторитаризма в Южной Италии и сделавшего из этого частного примера далеко идущие выводы общего характера (см. [Харрисон, 2002]).

Значительное внимание изучению культуры уделялось еще в 1940-е и 1950-е гг. Ученые, анализируя различия между социальными системами и разъясняя политические и экономические особенности последних, усматривали в культуре фактор особой важности. Несколько угасший в 1960-е и 1970-е гг. интерес академического сообщества к проблемам культуры начал быстро возрождаться в 1980-х гг.

Со временем, исследуя особенности модернизации, политической демократизации, военной стратегии, поведения этнических групп, а также конфигурацию международных альянсов и конфликтов, специа-

листы стали все более активно обращаться к культурным факторам. В научном мире развернулась баталия между теми, кто видел в культуре главный (хотя и не единственный) и часто препятствующий фактор социального, политического и экономического развития, и их противниками, отстаивающими традиционные трактовки и представленными приверженцами приоритетной роли личной выгоды — среди экономистов, «рационального выбора» — среди политологов, социологов и т. д. неореализма — среди международных [Хантингтон, 2002].

По-видимому, наиболее точная характеристика роли культуры в развитии человечества принадлежит Даниэлю Патрику Мойнихэну, который утверждал, что с точки зрения консерватора именно культура, а не политика определяет успех того или иного общества. В свою очередь, либерал полагает обратное: политика способна преобразовывать культуру и ограждать ее от самой себя.

Термин «культура», как известно, в различных дисциплинах и разных контекстах имеет самые разнообразные значения. Достаточно сказать, что еще в 1952 г. американские антропологи А. Кребер и К. Клакхон проанализировали более 150 определений, каждое из которых отражало важную сторону понятия культуры.

Выделяют «высокую» и «массовую» культуру; народную культуру, культуру элиты, культуру и жизненный стиль среднего класса. Британский социолог Р. Уильямс предложил трехуровневую теоретическую модель культуры: «живая» культура, существующая для данного общества здесь и сейчас; документированная культура, отраженная в сохранившихся произведениях и интерпретациях; культурная традиция, в которой неизбежна постоянная культурная селекция содержания первых двух уровней. В этой модели Уильямс впервые формулирует еще одну ключевую проблему изучения культуры — проблему селективной традиции, социального отбора того, что является культурно-ценным и что таковым не является.

Социологи традиционно разрабатывали проблематику культуры в рамках различных направлений социальной теории. Более чем вековая научная традиция, специфика понятийного аппарата и методов социологии в исследованиях культуры создали значительный объем теоретических и эмпирических знаний о культуре. Следует отметить, что в социологической теории понятие «культура» трактуется в двух основных значениях: 1) как механизм социальной интеграции и регуляции — Г. Спенсер, М. Вебер, Т. Парсонс; 2) как особая социальная сфера (сфера духовного производства), включающая прежде всего социальный контекст мира искусства (К. Манхейм, Р. Уильямс, Г. Маркузе, Т. Адорно, П. Бурдьё и др.).

Скептический взгляд на ту роль, которую культурные ценности играют в социальном прогрессе, разделяют в основном представители двух дисциплин: экономики и антропологии. Для традиционного экономиста культура представляет собой слабо подверженную количественному

определению и в силу этого закрытую для анализа совокупность факторов, ограничивающих экономическое поведение [Харрисон, 2002; Радаев, 2005].

Главной проблемой для многих антропологов, а также находящихся под их влиянием ученых и специалистов, остается традиция культурного релятивизма, господствовавшая в их дисциплине на протяжении XX в. и не признающая «внешней» объективной оценки чужих культур («со стороны») [Харрисон, 2002. С. 24—25].

Разумеется, с культурой трудно иметь дело, причем как политически, так и эмоционально. Изучение культуры представляет собой и трудную эпистемологическую проблему, поскольку феномен этот трудно поддается формализованному описанию, его нелегко операционализировать и измерить. Кроме того, она состоит в запутанных причинно-следственных отношениях с такими явлениями, как политика, общественные институты, экономическое развитие [Там же]. Несмотря на многообразие трактовок культуры исследователи процессов модернизации, задаваясь вопросом, каким образом культура воздействует на социальное развитие, определяют культуру в таких сугубо субъективных терминах, как ценности, установки, верования, знания и навыки, ориентации и убеждения, преобладающие среди членов общества [Инглегарт, 1999; Хантингтон, 2002].

Экономическая социология придерживается той точки зрения, что культура не является чем-то внешним по отношению к хозяйственной сфере. Культурные факторы, активно влияя на хозяйственное действие, являются его встроенным элементом. А также социокультурные факторы являются переменной величиной, они варьируются от сообщества к сообществу, от одного исторического периода к другому. В итоге то, что определяется (здесь и сейчас) как желаемое или рациональное, имеет конкретно-историческое культурное наполнение и в иных условиях способно выглядеть иначе. Средства, которые приходят в голову, когда приступают к решению той или иной проблемы, формируются культурой, — считает Ф. Доббин [2004. С. 607—631].

Модернизационный потенциал казахстанского общества

Т. И. Заславская выделяет четыре относительно самостоятельных элемента человеческого потенциала: социально-демографический, социально-экономический, социокультурный и деятельностный. «Социокультурный потенциал государства отражает уровень образования населения и особенности национального менталитета, влияющие на развитие общества. Это прежде всего характер нормативно-ценностного сознания, особенности политических убеждений и верований, уровень морали и нравственности, типы мотивационного комплекса и способы поведения людей» [Заславская, 2004. С. 170].

Мы, в свою очередь, использовали понятие модернизационного потенциала, социокультурный аспект которого включает в себя следующие эмпирические референты: уровень образования, политическую грамотность и активность, способность и готовность социальных групп воспринимать и осваивать инновации, а также преобладающую систему ценностей.

Как показали данные социологического опроса, большая часть экспертов оценивает модернизационный потенциал общества как средний (73 %). Высоким он представляется в оценках 17 % и низким — 10 % экспертов. Те, кто оценил модернизационный потенциал казахстанского населения как *высокий*, в числе своих аргументов чаще всего называют высокий интерес населения к образованию, открытость и восприимчивость к инновациям, толерантность, политическую и правовую грамотность и активность и высокую заинтересованность и мотивацию на улучшение своей жизни.

Группа экспертов, для которых модернизационный потенциал казахстанского населения представляется *средним*, также отметили высокий образовательный и инновационный потенциалы населения. Они также выражают беспокойство снижением качества и уровня образования населения, профессионализма преподавателей, коррупцией в сфере образования, низкой востребованностью кадров, недостаточной активностью народа в общественно-политической жизни государства, пассивностью и невысокой готовностью к инновациям, равнодушием людей к их восприятию и освоению, а также невысоким уровнем правовой и политической грамотности. Указываются также проблема социального неравенства, бедности, отсутствие доступа к образованию, компьютерным технологиям для ряда слоев общества, отсталость села, тянущего страну в день вчерашний. Некоторые отмечают недоверие к власти, отсутствие реальных результатов модернизационного плана. Есть эксперты, которые считают, что для модернизации страны нужны время и постепенность ее проведения.

Отметившие модернизационный потенциал казахстанского населения *низким*, апеллируют к бедности, высокому правовому нигилизму, недостаточному уровню политической грамотности, пассивности и безразличию народа к политическим процессам, недостаточной готовности людей к инновационной экономике, отсутствию доверия к власти, неэффективности законов, а также низкому качеству образования и коррупции в системе образования, в том числе в сельских школах.

Таким образом, в оценках экспертов модернизационный (социокультурный) потенциал предстает как средний. Безусловным преимуществом Казахстана на данном этапе развития является высокая доля образованных людей. Модернизация государства и общества, построение независимого государства невозможны без подготовки слоя квалифицированных управленцев. Отсутствие достаточных ресурсов для решения этой задачи на национальной почве стимулировало открытие программы подготовки кадров в лучших университетах мира. В 1993 г. указом пре-

зидента Республики Казахстан была учреждена стипендия для подготовки кадров за рубежом. Несмотря на кризисные годы, Казахстан на постсоветском пространстве был первой страной, которая позволила себе обучение кадров за границей. Такой шаг был вызван осознанием необходимости кадров, «вооруженных» зарубежным опытом, для претворения реформ в казахстанскую реальность. Одной из основных целей программы было формирование будущей управленческой и бизнес-элиты Казахстана. К 2006 г. по программе «Болашак» на учебу направлено более 800 человек, из них 100 отсеялись по различным причинам [Пархоменко, 2006]. Одним из условий программы является отработка после учебы не менее пяти лет в стране. Почти все выпускники программы трудоустроены в крупных казахстанских банках и промышленных структурах, министерствах и администрации президента. О том значении, которое придается программе руководством страны, говорит тот факт, что по личной инициативе Н. Назарбаева за выпускниками программы резервируется место одного из заместителей министра. Несмотря на опасность, что значительная часть студентов предпочтет обрести новое, более благоустроенное место жительства за рубежом, за все годы существования программы «Болашак» невозвращенцев были единицы — менее 4 % от общего числа [Власов, 2006].

Переход к принципиально другой социально-экономической парадигме, смена мировоззренческой оптики, установка на принципы и ориентиры, которые прежде подвергались беспощадной критике и разоблачались как «буржуазные», привели к появлению множества противоположных векторов, выражающих отношение различных этносов, социальных слоев к исторически масштабным потрясениям, преобразившим повседневный уклад и привычные жизненные практики миллионов людей. Некоторые исследователи обнаруживают раскол в общественном сознании [Нысанбаев, 2006], другие — раскол среди самих казахов, которых можно разделить на городских и аульных, где первые демонстрируют модернистскую культуру, а вторые — консервативные, националистические настроения [Мнения..., 2007], русскоязычных и казахоязычных, третьи указывают на огромный слой сельского населения. Отметим, что 57 % населения Казахстана проживают в городской, а 43 % — в сельской местности.

А. Н. Нысанбаев полагает, что накануне знаменательных, судьбоносных событий общественное сознание в известном смысле уже было подготовлено к восприятию и участию его носителей в решающих социальных трансформациях, хотя оно и было неоднородным, противоречивым по своему мировоззренческому настрою. Определенная часть населения придерживалась марксистских догм, заученных идеологических формул, тиражировавшихся и в школьных учебниках, и в официальной прессе. Но были и те, кто помнил о сталинских «чистках», о гибели цвета казахской интеллигенции, геноциде, постигшем казахский народ.

«Можно с уверенностью сказать, что благостные нотки общего идеологического фона сопровождались мощными критическими аккордами, которые становились особенно звучными в периоды оттепели, а позже — перестройки. Так что общественное сознание в ценностном аспекте было подготовлено к грядущим переменам» [Нысанбаев, 2006. С. 8—9].

Отношение казахстанцев к модернизационным изменениям в обществе

Отмеченный раскол в общественном сознании казахстанцев обнаруживается и в результатах экспертного опроса относительно отношения и восприятия населением модернизационных изменений. Так, что касается отношения казахстанцев к происходящим в стране в последние 15 лет изменениям, практически каждый второй эксперт полагает, что население относится к ним с осторожностью, примерно каждый пятый — что равнодушно. Каждый четвертый эксперт отмечает энтузиазм и каждый третий — восприятие этих изменений с охотой; относящихся со страхом и сопротивлением весьма мало (табл. 9.1).

Возможно, причинами такой пессимистичной картины являются коррумпированность госструктур, что неоднократно было зафиксировано в ходе опроса, резкое социальное расслоение общества и др. Примечательно, что некоторые политики признают, что «впечатляющие макроэкономические показатели большинство населения на себе не ощущает» [Интервью ., 2006].

Казахстанский социолог С. Жусупов считает, что правящие элиты в настоящий момент слабо ориентированы на процесс модернизации. «Мы имеем восточно-европейские аналоги относительно того, какой должна быть надстроечная система, выстроили некий базис, и ряд государств получил статус стран с рыночной экономикой, но надстройка у нас фактически советская. Так или иначе потребуются время. Часто говорят, что население не готово и ментальность населения совершенно неадекватна рынку. Я думаю, что проблема все-таки в другом: далеко не рыночная, а квазирыночная ментальность как раз таки у правящих элит. Поэтому им потребует-

Таблица 9.1
Распределение ответов экспертов на вопрос «Как основная часть населения Казахстана воспринимает происходящие в стране изменения в последние 15 лет?»

Ответ	Количество ответов, % к числу ответивших
С осторожностью	43
Равнодушно	28
Охотно	35
С энтузиазмом	23
Со страхом	6
С сопротивлением	3
Всего:	138

Примечание. Можно было дать несколько ответов.

ся, наверное, существенный период времени, чтобы именно у них сформировалось понимание того, какой должна быть надстройка, каким должен быть процесс эффективного управления и т. д. Ситуация с “цветными” революциями далеко не случайна, это абсолютно закономерный феномен. Там, где идет процесс стагнации (а фактически мы видим либо процесс стагнации, либо ситуацию “стоячего болота”), рано или поздно происходит коллапс», — предупреждает он [Жусупов, 2005].

По мнению другого казахстанского ученого, огромный слой «обывателей» с низким уровнем культуры и политической, в частности, пассивным отношением к происходящим событиям, замкнутых на интересах собственного выживания в условиях рыночной экономики, представляет тормозящий фактор [Нысанбаев, 2006].

В свете вышесказанного представляют интерес ответы экспертов на эти вопросы.

Социальные качества населения — одна из важнейших социокультурных составляющих общества, характеризующая его устойчивость, модернизационный потенциал и, в немалой степени, определяющая социально-экономическое положение самих людей. Вопрос о социальных качествах населения может решаться как минимум в двух проекциях. Во-первых, во «внутренней», т. е. на основе представления самих людей о важных, желаемых, дефицитных, преобладающих и т. д. качествах самих себя. Во-вторых, во «внешней», т. е. на основе экспертной (или в другой форме) оценки со стороны, но исходя из достаточно точного определенного и зафиксированного (а не просто имеющегося в сознании исследователя или какой-то части людей) представления о преобладающих качествах данной социальной общности.

Деятельностный потенциал общества выражается в активности, энергии и деловых качествах социальных акторов (индивидов, организаций, групп), преобладании инновационных или традиционных форм мышления и способов деятельности, а также объективных возможностей граждан свободно реализовать свои социальные и творческие потенциалы, вести активную, здоровую, полноценную жизнь [Заславская, 2004].

Многие казахстанские ученые и исследователи обращают внимание на проблемы культуры, ментальности, языка прежде всего казахов как государствообразующей нации и пытаются найти в историческом прошлом Казахстана культурные особенности, отвечающие современным требованиям демократии и рынка. В последнее время актуализируются идея степной цивилизации и роль кочевничества в процессах казахстанской модернизации (Г. Есим, А. Нысанбаев и др.). Так, казахстанский академик А. Нысанбаев задается вопросом: как совместить ценности, связанные с переходом к рыночной экономике и правовому, демократическому государству — право на собственность, чувство хозяина, индивидуализм, рационализм, личная ответственность и инициатива, — с традиционными ценностями коллективизма и социальной солидарности,

которые укоренены в национальном менталитете этносов Казахстана. Поскольку модернизация предполагает, что Казахстан должен учитывать свои культурные традиции, самобытные особенности, каким же образом совместить не совместимые на первый взгляд базовые ценности: индивидуализм и коллективизм, свободу и приверженность к патернализму? Он считает, что ответ кроется в особенностях казахского обычного права, степной демократии и соответствующего им менталитета. Вроде бы нет нужды противопоставлять вышеназванные понятия, поскольку историческое прошлое казахов дает удивительные социальные образцы того, как несовместимое становилось совместимым и индивидуальная свобода сочеталась с принципом коллективизма, родовым мировоззрением [Нысанбаев, 2006. С. 18—19]. Сложившаяся в Степи цивилизация впитала в себя черты как Востока, так и Запада. Феномен номадизма оригинально сочетает коллективистское и индивидуалистическое, этатистское и либеральное начала. Для политической культуры кочевников неприемлемо полное доминирование как корпоративизма, так и индивидуализма. В итоге кочевник превращается в некоего «кентавра» — переплетение индивидуализма и корпоративизма, берущее начало от имплицитно присущего ему лично-родового самосознания, составляющего квинтэссенцию цивилизационной ментальности номадизма [Абенев и др., 1996. С. 16; Нысанбаев, 2006. С. 20].

По мнению А. Нысанбаева, казахскому народу присущи следующие качества: свободолюбие, проявлявшееся в незакабаленности деспотическими устоями, сравнительной свободе и равенстве женщин, уважительном отношении к личности и отсутствии раболепного поклонения власти; установка на компромисс как одна из базисных категорий в менталитете, связанная с кочевым прошлым казахов. При этом он отмечает особую роль тенгрианства как религиозной концепции, которая проповедовала гармонию и призывала к взаимопроникновению, взаимодействию противостоящих сторон. Кочевники перенесли эту установку на систему социальных отношений. Позднее ислам закрепил тенгрианство как систему политических ритуалов, как форму иерархического подчинения и рычага политического давления. Именно в период развития ислама, его масштабного проникновения во все сферы общественной жизни компромисс стал составляющей частью политической культуры казахов. Этому способствовала также присущая казахам вера в предначертанность судьбы, в незыблемость устоявшихся традиций и законов Природы. Уступчивость и компромисс у казахов означали нечто большее, чем просто соглашение на основе взаимных уступок. Принцип компромисса как категория равновесия и стабильности проник в политическую сферу казахского общества. Данный принцип есть сумма формальных, на первый взгляд, ритуалов и условностей, составляющих предпосылки для гармоничного развития всего общества. Принцип компромисса блокирует резкие политические маневры и принуждает участников политического процесса к послушанию и примирению. В некотором роде этот

принцип иногда выступает как стабилизатор общественно-политических отношений, как механизм балансирования в деятельности политической системы [Нысанбаев, 2005].

К числу достаточно серьезных факторов модернизации можно отнести рост политизированности населения. С. Е. Жусупов глубоко не согласен с утверждением, что казахстанское население пассивно и не политизировано. Определенную, достаточно серьезную, с его точки зрения, лепту вносят трайбалистские тенденции, особенно ярко проявляющиеся на областном, городском, районном уровнях. Этот феномен в начале 1990-х гг. был очень слабо проявлен. В отсутствие нормальных институтов гражданского общества роль такого регулятора фактически сейчас приняли родоплеменные связи [Модернизационные процессы..., 2006].

Напомним, что, согласно нашему опросу, представительность в обществе различных в модернизационном отношении социально-психологических типов выглядит, по мнению экспертов, следующим образом: 33 % составляют *модернисты-рационалисты*, 39 % являются *комбинаторами*, т. е. сочетают в себе как рациональные, так и традиционные начала в сознании и поведении и, наконец, 28 % номинируются как традиционалисты, т. е. находятся под непосредственным мощным влиянием культурных, социально-экономических особенностей своей страны, во всем придерживаясь глубоко укоренившейся традиции.

Осуществление коренных преобразований казахского общества должно происходить не как бездумное копирование западного опыта модернизации и трансформации, а на основе конкретно-исторических условий развития Казахстана в условиях глобализации. Поэтому для становления гражданского общества в Казахстане, раскрывающего творческие способности личности, важно использовать положительный в этом смысле потенциал нашего прошлого, как советского, так и традиционного, сформированные им ценности, на основе которых возможен консенсус, становление и развитие институтов гражданского общества, — считает А. Нысанбаев [2006].

Вопрос о социокультурных особенностях казахстанцев является предметом дискуссий казахстанских ученых и исследователей. На этот счет у ученых не существует однозначного взгляда.

Некоторые считают, что в Казахстане утвердились рыночные методы экономического хозяйствования, появился национальный капитал, расширяется предпринимательский класс и многое другое, что формирует соответствующее общественное сознание и благодаря чему в обществе уже начал изживаться государственный патернализм, на смену которому приходит достаточно зрелая предприимчивость. Рыночное сознание овладело умами практически всего работоспособного населения и способствует подъему уровня жизненных запросов и социальных стандартов казахстанцев [Ашимбаев и др., 2005].

Преодоление патерналистских настроений у казахстанцев отмечает Н. Назарбаев, который считает, что казахстанцы смогли избавиться от

устаревших стереотипов поведения [Назарбаев, 2001]. Одновременно он считает неприемлемым абсолютизировать роль нефтедолларов в развитии страны, поскольку такой подход способен отбросить страну назад. Люди должны научиться жить и работать так, как будто нет доходов от нефти. Успех человека он связывает с накоплением человеческого капитала. А Национальный фонд создан в качестве сбережений для будущих поколений и резерва в случае кризисных ситуаций. Государство должно заботиться только о тех, кто в силу возраста или состояния здоровья не может работать и самостоятельно получать доходы. Это основной принцип наших реформ [Назарбаев, 2004].

Казахстанский социолог М. Аженов отмечает сильное влияние рынка на изменение образа жизни казахстанского народа, на психологию, быт, уклад и стиль жизни и т. д. [Аженов, 2005].

Под натиском общественных перемен в социокультурных практиках и сознании населения неизбежно появляются новые характерологические признаки. Природа, порядок и механизмы внедрения инноваций различны. С. Алимова [2005] полагает, что культуру казахстанского общества отличают фрагментарность, мозаичность, присутствие разнообразных, разноплановых, иногда и диаметрально противоположных ценностей, установок и ориентаций социальных групп. Вербальный выбор в пользу модернизационных ценностей не всегда сопровождается соответствующими изменениями в сознании и поведении людей. Активная жизненная позиция, постулируемая модернистской культурой, затушевывается и в значительной степени «гасится» старыми стереотипами. Российский ученый Л. В. Корель называет феномен рассогласования сознания и поведения адаптивной асимметрией, когда люди вынуждены менять сложившиеся стереотипы поведения на «рыночные» (уходить в фермеры, предприниматели, «челноки», заниматься перепродажей и пр.), а сознание продолжает оставаться прежним [Корель, 2005].

О. В. Нечипоренко и А. Н. Нысанбаев [2005] полагают, что модернизационные изменения в постсоветских обществах протекают нелегко и являются крайне противоречивыми. Соответственно, ученые считают, что социальные практики, вырабатываемые обществами в ответ на вызовы «извне», состоят из следующих разнородных компонентов: архаичные структуры традиционного типа, т. е. той самой традиции, оппозицией которой выступают разворачивающиеся процессы модернизации; промежуточные структуры, сформированные в советский период; переходные структуры, создаваемые современным этапом модернизации.

Как видим, позиции обществоведов и политиков относительно социокультурных характеристик казахстанского народа не однозначны.

В свою очередь на вопрос «Освоила ли основная часть населения Казахстана в настоящее время рациональный рыночный принцип поведения в вопросах собственности и финансов: “ресурсы должны рабо-

тать, а не растрачиваться впустую, деньги должны делать деньги”?)» ответы экспертов распределились следующим образом. Практически каждый пятый эксперт (18 %) полагает, что большинство населения уже освоило рациональные рыночные принципы экономического поведения и действует согласно им. По мнению 43 % экспертов, большинство населения еще не освоило рациональные рыночные принципы экономического поведения, *но со временем освоит*. По оценкам 7 %, большинство населения еще не освоило рациональные рыночные принципы экономического поведения *и не освоит в ближайшей перспективе*. Каждый четвертый (25 %) считает, что большинство населения ничего не имеет — ни собственности, ни финансовых сбережений, а потому живет одним днем. Остальные 7 % полагают, что в стране нет цивилизованного рынка, поэтому рациональные рыночные принципы здесь не работают, а действуют совсем другие законы, типа «кто смел, тот и съел».

При определении экспертами наиболее необходимых для успешной адаптации населения к модернизационным процессам *культурных образцов* были получены следующие результаты. В числе первостепенных культурных образцов в структуре ответов оказались следующие: умение приспособливаться к инновациям, воспринимать новое (46 %); умение ориентироваться в рыночном пространстве (40); рационализм, способность ставить цели и находить средства их достижения в изменяющемся мире (36 %); навыки владения современными информационными технологиями (34 %); высокая деловая активность, склонность к производству разного рода инноваций (34 %); знание иностранных языков (27 %); гибкость и толерантность к чужим взглядам и культурным образцам (19 %); навыки успешной ориентации в правовом пространстве (18 %); навыки поведения эффективного собственника, хозяина (8 %); корпоративность (4 %).

Таблица 9.2

Распределение ответов на вопрос: «Какие новые культурные образцы из приведенных ниже должно усвоить казахстанское население в первую очередь, чтобы успешно адаптироваться к модернизационным процессам?»

Культурный образец	Количество ответов, % к числу ответивших
Умение приспособливаться к инновациям, воспринимать новое	46
Умение ориентироваться в рыночном пространстве	40
Рационализм, способность ставить цели и находить средства их достижения в изменяющемся мире	36
Навыки владения современными информационными технологиями	34
Высокая деловая активность, склонность к производству разного рода инноваций	34
Знание иностранных языков	27
Гибкость и толерантность к чужим взглядам и культурным образцам	19
Навыки успешной ориентации в правовом пространстве	18
Навыки поведения эффективного собственника, хозяина	8
Корпоративность	4

Примечание. Можно было дать несколько ответов.

ность ставить цели и находить средства их достижения в изменяющемся мире (36); навыки владения современными информационными технологиями (34); высокая деловая активность, склонность к производству разного рода инноваций (34); знание иностранных языков (27 %). Не менее важные в рыночных условиях навыки успешной ориентации в правовом пространстве в этом списке составили лишь 18 % (табл. 9.2).

Можно ли считать, что эксперты оценивают правовую культуру казахстанского населения достаточной, чтобы не указывать ее в качестве первостепенных культурных образцов для успешной адаптации к модернизационным процессам? Вряд ли, если учесть их оценку правовой культуры казахстанцев. Высокой или скорее высокой она представляется для 27 % экспертов и низкой и скорее низкой, соответственно, для 73 %.

Оценка экспертами социальных качеств, присущих казахстанскому народу в целом, выглядит следующим образом (табл. 9.3). По сути, пе-

Таблица 9.3

Распределение ответов на вопрос: «В какой мере казахстанскому народу в целом присущи следующие социальные качества?», % экспертов, присвоивших данный балл

Социальные качества, присущие казахстанскому народу	Оценки по пяти-балльной шкале					Средняя оценка в баллах
	5	4	3	2	1	
Толерантность	23	38	27	9	3	3,7
Оптимизм (вера в благополучный исход любого дела)	16	38	34	10	2	3,6
Честность (готовность выполнять взятые на себя обязательства, отвечать за свои поступки, не скрывая информацию негативного плана о себе)	6	20	43	21	10	2,9
Стремление к лидерству	21	37	28	13	1	3,6
Вера в свои силы	13	31	42	11	3	3,4
Инициативность, активность	9	32	46	10	3	3,3
Стремление к равенству и справедливости	13	27	39	15	6	3,3
Индивидуализм	8	30	40	16	6	3,2
Стремление к новаторству, инновациям	7	29	42	20	2	3,2
Соблюдение законов, следование законам	5	26	38	24	7	3,0
Корпоративность, коллективизм	7	25	44	20	4	3,1
Стремление к богатству как самоцель (стремление зарабатывать и стремление инвестировать)	26	40	24	9	1	3,8
Рациональность	7	24	51	17	2	3,2
Трудолюбие	10	31	34	21	4	3,2
Бережливость	5	26	40	22	7	3,0
Готовность к риску	5	18	49	21	7	3,0
В среднем по всем	11,3	29,5	38,8	16,2	4,2	3,3

Примечание. Оценка 5 баллов присваивалась наиболее часто встречающемуся, а 1 балл — наиболее редко встречающемуся качеству.

речень всех качеств, указанных в таблице, свойствен, в первую очередь, модернистской культуре. Колонки со средним баллом 3 и ниже свидетельствуют о существенной мере удаленности народа от модернистских качеств. Если мы обратимся к колонке «средняя оценка в баллах», то также станет ясно, что в целом картина не является оптимистичной, а население по своим качествам находится только на полпути к «требуемым» модернизацией.

Одной из отличительных особенностей казахстанского народа считается толерантность. На фоне существующего мнения о казахстанском народе как о толерантном оценка в 3,7 балла выглядит невысокой.

В условиях модернизации общества традиционные ценности могут иметь как положительное, так и отрицательное значение для успешной адаптации людей к рыночным условиям. В связи с этим была попытка выявить традиционные качества казахстанского населения, в наибольшей мере противодействующие ходу модернизации в стране (табл. 9.4).

Таблица 9.4

Распределение ответов на вопрос: «Какие традиционные качества казахстанского населения, на Ваш взгляд, в наибольшей мере противодействуют ходу модернизации в стране?»

Ответ	Количество ответов, % к числу ответивших
Трайбализм (клановость)	37
Склонность во всем уповать на власть	36,5
Отсутствие интереса к общественным и политическим вопросам	32
Нерасторопность, медлительность	28,5
Вялость, пассивность, покорность	28
Терпеливость взамен активности, поиска новых способов выживания	26,5
Добровольное повиновение тому, кто сильнее	22,3
Привычка довольствоваться малым	22,3
Цепи родственных связей и обязательств	21
Боязнь всего нового	20,4
Склонность решать жизненные проблемы в обход закона	16,9
Неготовность (неспособность) к конкуренции, отсутствие бойцовских качеств	14
Следование эмоциям, иррациональность	12
Жизнь интересами «одного дня»	10,8
Расточительность	10,4
Несвобода, зависимость от мнений, оценок старшего поколения, повиновение	5,4
Повышенная эмоциональность	3,5
Бесребреничество (бескорыстие)	2,5

Примечание. Можно было дать несколько ответов.

В первую очередь эксперты отмечают такие качества, как *трайбализм* (клановость) (37 %) и *патернализм* (склонность во всем уповать на власть) — 36,5 %.

Однозначного определения понятия «*трайбализм*» в научной литературе не существует, каждый исследователь вкладывает в него различную смысловую нагрузку. *Трайбализм* (английское *tribalism*, от латинского *tribus* — племя) — это идеология родоплеменного обособления (*сепаратизма*), стремившаяся законсервировать отжившие атрибуты первобытно-родового строя (обычаи, первобытные верования, племенные языки, структуру племенного самоуправления и др.) [Валеев, 1994]. Одни авторы рассматривают *трайбализм* как использование родоплеменных институтов в политических интересах. Другие считают, что *трайбализм* — это механизм рекрутирования кадров по клановому признаку, который ярко проявляется в ходе избирательных кампаний, и *клановость* рассматривается как внутренняя расчлененность государственного аппарата на организованные группы влияния. При этом проводится следующая классификация *клановости*: родовая, посткоммунистическо-партийная и финансово-промышленная [Кланы..., 2000]. Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что термин «*трайбализм*» носит собирательный характер. Под ним подразумевают, в основном, дифференциацию общества по родоплеменным и кровнородственным признакам, а также по группам интересов с целью достижения определенного положения.

Однако, несмотря на широкий резонанс, этот казахстанский феномен до настоящего времени так и не получил целостного и системного исследования. Некоторые исследователи считают, что современные представления о *трайбализме* часто носят гиперболизированный характер, ему придается доминирующее значение, прежде всего, при рекрутировании политической элиты страны.

Выделяют политический, социальный, историко-культурный аспекты *трайбализма*. Под *политическим трайбализмом* подразумеваются явления, представляющие собой проникновение организованных групп, сформированных по родоплеменному признаку, в систему государственной власти, и оказывающие влияние как на государственную, так и на региональную политику. Характерно, что эти группы практически не связаны ответными обязательствами перед государством. Кроме того, следует определить грань, которая отделяет *клановость*, организованную на основе родоплеменного деления, от сформированных групп интересов по экономическим, корпоративным принципам и представлений этих различных интересов на политическом уровне.

Как известно, в кочевом обществе казахов система социальных отношений базировалась на принципе генеалогического родства, происшедшего из традиционных представлений *номадов* о праве *первородства* и *старшинства*. При этом важную роль в социально-правовом ранжировании кочевого населения играли исторически сложившиеся понятия «старших» и «младших» племен. Сильные (старшие) роды и племена выступали в качестве ядра казахских военно-потестарных объединений.

Вокруг них интегрировались менее сильные (младшие) племена и рода, и на этой основе складывалась система статусного ранжирования разного рода субъектов властных отношений. Поэтому степень влияния иерархии родов и племен на процесс принятия решений во властных структурах зависит от наследия институтов прошлого и политических калькуляций настоящего; само знание генеалогии не является атрибутом трайбализма.

Историко-культурный трайбализм — это сохранение принципов действия институтов прошлого, созданных на основе родового деления, на современном этапе.

Социальный трайбализм — это тип участия определенных групп на основе генеалогических связей в социальной поддержке членов рода через существующие институты взаимопомощи. Род становится важнейшим социальным актором, основанным на чувствах родственной связанности, представляет собой некую корпорацию, внутри которой происходит тесное и регулярное общение на основе установленных ритуалов. В основе социального трайбализма лежит баланс рода и нации. Таким образом, казах всегда интегрирован в малую родовую общину.

Наиболее тесные родственные отношения характерны для жителей сельской местности. Однако, как отмечают исследователи, с развитием процессов урбанизации и массовой миграции казахов в города вместе с людьми были перенесены и клановые взаимоотношения. В настоящее время жузово-родовая разбивка казахстанского общества постепенно теряет свою актуальность как политический институт и не оказывает сильного влияния на политическое состояние общества, прежде всего, на процесс рекрутирования высшего эшелона власти [Умбеталиева, 2001].

Данные табл. 9.5 свидетельствуют, что изменения в сознании и поведении населения за последние 15 лет носят противоречивый, двойственный характер: большая часть ответов экспертов (43,9 %) приходится на негативные изменения (безнравственность, противоправность, жестокость, лживость, корысть и т. д.), несколько меньшая (38,9 %) содержит информацию о позитивных переменах (активность, открытость, бескорыстие и пр.), и, наконец, 17,2 % ответов носит противоречивый, скорее нейтральный, характер, им может быть присвоен разный знак, в зависимости от мировоззренческих позиций «оценивающего». В целом же картина довольно грустная. Общественные преобразования, которые активизируют и продуцируют по большей части самые низменные начала в человеке (недоверие, агрессию, корысть, бездуховность и пр.), а значит, уничтожают одновременно общественную солидарность и толерантность — т. е. тот цемент, который скрепляет членов общества в единое целое и является, по определению Ф. Фукуямы, его социальным капиталом, созидающим надежный устойчивый успех экономиче-

Распределение ответов на вопрос «Какие изменения в поведении населения произошли в последние 15 лет в Казахстане под влиянием рыночных реформ? Какими стали люди?» Таблица 9.5

Изменения, произошедшие с людьми. Люди стали:	Количество ответов, % к числу ответивших
более активными	43,8
более рациональными	41,9
у людей появилась вера в будущее, уверенность в завтрашнем дне	33,8
<i>более практичными, прагматичными</i>	<i>26,5</i>
более открытыми	19,2
более бескорыстными	2,7
<i>забыли о нравственности</i>	<i>26,5</i>
<i>легко идут на противоправные действия для достижения своих целей</i>	<i>24,6</i>
«меняют» традиционную национальную культуру на культуру Запада	23,5
<i>глухи к чужой беде</i>	<i>20</i>
<i>более корыстными, алчными</i>	<i>17,3</i>
<i>утрачивают духовность, становятся бездуховными</i>	<i>15,8</i>
<i>исчезла взаимопомощь, чувство корпоративности</i>	<i>15,8</i>
<i>более жесткими, соревновательными</i>	<i>15,4</i>
<i>более лживыми, нечестными</i>	<i>15,4</i>
стали меньше следовать традициям, национальным обычаям	12,3
<i>более завистливыми</i>	<i>9,2</i>
Всего:	363,7

Примечание. Жирным шрифтом отмечены положительные качества, курсивом - отрицательные, обычным — нейтральные.

ских и социокультурных преобразований, — вряд ли в полной мере оправдывают себя.

Представляют также интерес ответы на вопрос «Какая культура наиболее предпочтительна Вам лично?». 44 % экспертов предпочитают традиционную национальную культуру, поскольку она привычная и близкая, создана предками и ее, по мнению респондентов, необходимо сберечь, несмотря на разрушительный напор глобализации. 30 % выбрали современную культуру общеевропейского типа, так как она имеет глубокие культурно-исторические корни гуманистического характера. 21 % экспертов указали на современную культуру восточного образца, поскольку она наиболее близка по духу традиционной национальной культуре. Современная культура североамериканского типа оказалась

предпочтительной всего лишь для 1,5 % экспертов, при этом было указано, что ее достижения в наибольшей мере формируют сегодня социокультурный облик мира. Остальные 3,5 % экспертов наиболее желаемым видят синтез национальной культуры с лучшими элементами мировой культуры.

Одновременно нам хотелось уточнить отношение экспертов к западной модели развития. Для этого был задан вопрос «Некоторые полагают, что Казахстан развивается по западному пути развития. Что Вы думаете по этому поводу?», на который 58 % экспертов ответили, что страна развивается по своему собственному пути. Более четверти (27 %) экспертов считают, что страна выбрала западный путь развития и это оправданно. Каждый десятый эксперт полагает, что страна выбрала западный путь развития, но это неоправданно. Еще 5 % из них указали на многовекторный характер современного развития Казахстана.

Несколько обнадеживают ответы экспертов на своего рода итоговый вопрос: «В какой мере жизненный успех современного жителя Казахстана определяется его личными усилиями, качествами и способностями, а в какой — внешними условиями и обстоятельствами, не зависящими от него?». Ответы на данный вопрос можно интерпретировать как оценку степени свободы человека и либерализации общества. Около половины (44 %) ответило, что жизненный успех современного казахстанца *в равной мере* определяется как его личными качествами и усилиями, так и внешними условиями и обстоятельствами; практически каждый пятый (22 %) эксперт полагает, что в большей мере определяется его личными качествами и усилиями, нежели внешними условиями и обстоятельствами; 15 % экспертов считают, что жизненный успех целиком определяется личными качествами и усилиями, такое же количество экспертов считает, что он в большей мере определяется внешними условиями и обстоятельствами, нежели его личными качествами и усилиями. Доля же тех, кто уверен, что жизненный успех целиком зависит от внешних условий и обстоятельств, составила лишь 4 %.

Конечно, в сравнении со стабильными развитыми обществами, в которых, как правило, свыше 70 % опрошенных обычно уверены, что их жизненный успех целиком определяется личными усилиями, этот результат неубедителен. И все же, если учесть исторический момент — период перехода, транзисии — эти цифры внушают надежду.

Казахстан сегодня — это молодая развивающаяся страна с грузом социокультурных традиций, представляющих собой синтез национальных культур многих народов, его населяющих, и специфического культурного следа социалистической эпохи — коммуитарного редистрибутивного идеократического общества, базирующегося на традиционной системе ценностей (коллективизм, этатизм, государственный патернализм, родственные узы, межличностное доверительное общение, аффективность, открытость, особое понимание и приоритет духовности и др.). Это накладывает отпечаток на характер, содержание и темп модернизации.

ционных процессов, делая проблематичной разработку универсальной стратегии развития, которая бы устроила в равной степени все группы населения: и тех, кто ориентирован на западную культуру, и тех, кто связывает будущее страны исключительно с традиционной национальной культурой.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что казахстанский модернизационный проект разворачивается на фоне противостояния фундаментальных оппозиций — традиций и инноваций, самобытности и универсальности. Данная ситуация привносит дополнительные элементы борьбы, конкуренции и рассогласований в общественную жизнь, порождает полярность интересов, взглядов, оценок, мнений субэлит и стоящих за ними социальных групп. В этих условиях перед обществом с необходимостью возникает задача повысить способность воспринимать и ассимилировать внутренние (социокультурные) и внешние трансформирующие его импульсы, органично включить их в модернизационный процесс, разработав механизмы не только предотвращения, но и использования подобных конфликтов и напряжений в созидательных целях.

глава 10 **Механизм отчуждения от духовности в модернизирующемся российском обществе**

Нигде буржуазная надежда на «счастье через потребление» не является столь живучей, как в тех странах, которые все еще не достигли осуществления этой буржуазной мечты.

Эрих Фромм

Цель данной главы состоит в уточнении и артикуляции ряда концептуальных идей, а также современных российских социальных практик, связанных с феноменом отчуждения, его природой и проявлениями. В фокусе внимания — переходный этап в развитии российского общества — модернизация экономических, политических и социальных институтов, а также культурной сферы. Термин «отчуждение» полисемантичен, междисциплинарен, история его изучения длится более столетия, и находится он в поле зрения как минимум четырех наук: философии, социологии, психологии и экономики. Каждая из наук имеет свои дискурсы и традиции в его исследовании. Осмысливая их, я попытаюсь изложить здесь свое понимание этого феномена, выделяя в нем в качестве частного проявления аспект отчуждения от духовности.

Социология определяет отчуждение (alienation) в одних случаях как процесс, в границах которого происходит превращение результатов и продуктов деятельности людей в независимую силу, становящуюся выше своих творцов и подавляющую их, в других — как ощущение индивидуумом (или группой) отрешенности от ситуации, какой-либо общности, культуры и пр.; в границах эмпирических исследований — зачастую как сопоставление условий труда и удовлетворения от работы и т. д. [Джери, Джери, 1999. С. 539—542; Социология, 2003. С. 702]. В Философском энциклопедическом словаре [1983] дается следующее толкование: «Отчуждение — социальный процесс, присущий классово-антагонистическому обществу и характеризующийся превращением деятельности человека и ее результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему. Истоки отчуждения — в относительном обособлении индивидов в производстве и возникающей на этой основе частной собственности, в антагонистическом разделении труда. Отчуждение является исторически преходящей формой опредмечивания человеком своих способностей и связано с овеществлением и фетишизацией социальных отношений» (С. 472). Отчуждение (в психологии) — это проявление таких жизненных отношений субъекта с миром, при которых продукты его деятельности, он сам, а также другие индивиды и социальные группы, являясь носителями определенных норм, установок и ценностей, осознаются как противоположные ему самому (от несходства до неприятия и враждебности). Это выражается в соответствующих переживаниях субъекта: чувствах обособленности, одиночества, отвержения и потери Я [Психология, 1990].

Феномен отчуждения, имеющий отношение как к объективной реальности, так и к ее субъективному восприятию и конструированию, как к обществу (или миру в целом), так и к отдельному человеку (и первое, и второй одновременно или попеременно могут выступать в роли и отчуждающего, и отчуждаемого), с той или иной долей притягательности, неизменно и заслуженно привлекал внимание мэтров научной мысли: Гегеля, Маркса, Фрейда, Юнга, Фромма и других. Так, Маркс акцентировал внимание на отчуждении рабочего, берущем свое начало в процессе производства. Труд становится противостоящей ему самостоятельной силой [Маркс, Энгельс, 1975]; Фрейд обогатил мир представлением об отчуждении как феномене, используемом для объяснения патологического развития личности в чуждой и враждебной (ее естественной природе) культуре [Фрейд, 2001]; Фромм существенно расширил сферу применения этого понятия. Согласно его представлениям, отчуждение индивида выступает в пяти формах: отчуждение от ближнего, от работы, от потребностей, от государства, от себя [Фромм, 1986]. Зиммель видел «трагедию культуры» в противоречии между творческим процессом и объективированными формами культуры [Теория ..., 1999].

В обществе, где главной целью человеческого бытия выступают *деньги*, происходит обесценивание интеллектуальных, эстетических,

этических и прочих ценностей, отчуждение превращается в универсальный модус существования, где проявляются все его формы. Отсюда — сложные лабиринты смыслов, разнообразие экспликаций и интерпретаций, до сих пор не упорядоченные, не систематизированные и не отрефлексированные наукой в должной мере.

Одной из основных проблем человека в современной модернизирующейся и глобализирующейся миросистеме является проблема бессмысленности существования, потери контакта с миром и самим собой. Дело в том, что проблема смысла жизни тесно связана с ощущением личностной идентичности. Вопрос «в чем состоит смысл моей жизни?» почти полностью совпадает с вопросом «кто я такой?». В немалой степени ощущение бессмысленности существования связано с *переходным периодом современной культуры*. Так, американский психолог Э. Эдингер полагает следующее: «По-видимому, мы проходим период коллективной психологической переориентации, сопоставимый по масштабу с периодом возникновения христианства на руинах Римской империи. Упадок традиционной религии сопровождается увеличением числа свидетельств об общей дезориентации. Мы утратили ориентиры. Христианство представляет собой систему великих символов, которая, по-видимому, утратила способность определять все обязанности людей или удовлетворять их высшие потребности. Это привело к повсеместному распространению ощущения бессмысленности и отчуждения от жизни. Еще неизвестно, появится ли новый коллективно-религиозный символ» [Эдингер, 2000]. На мой взгляд, такой символ в своем роковом обличье уже существует. Это деньги и другие сомнительные ценности общества потребления.

Два жизненных сценария

Именно в условиях буржуазного общества категория отчуждения характеризует у Гегеля специфическое отношение человека к созданной им реальности. В «Феноменологии духа», анализируя буржуазное общество — мир «отчужденного от себя духа», Гегель отмечает, что действительность предстает для индивида как «. нечто непосредственно отчужденное...»; самосознание «.создает свой мир и относится к нему как к некоторому чуждому миру» [Гегель, 1959. С. 263—264]. Спустя более чем столетие после Гегеля мы можем говорить не только об ощущении отчуждения от окружающего мира, но и о коренной деформации человеческой природы в целом, полном удалении от нее, от своего Я. Этот вид отчуждения я называю глубинным отчуждением. Эрих Фромм, занимавшийся ключевыми проблемами человеческого существования, ввел в научный язык дихотомию терминов «быть—иметь» [Фромм, 1986. С. 91]. Индустриализация и механизация повседневной жизни, смысл которой для большинства состоит в достижении комфорта и максимального удовлетворения витальных потребностей, привели к форми-

рованию так называемого общества потребления — массового потребления информации, пищи, природных ресурсов и материальных объектов. С полным правом такое общество можно охарактеризовать как общество с одним главным мотивом — *иметь (первый жизненный сценарий)*, целью которого является обладание). Именно он, по моему мнению, приводит общество в состояние отчуждения. Отчуждение масс по принципу глубинного отчуждения я называю массовым глубинным отчуждением.

Создание транснациональных экономических корпораций вследствие глобализации способствовало распространению потребительской стратегии жизни далеко за пределы капиталистических государств. Примером могут служить страны Восточной Европы, Латинской Америки, Китай и Россия. Включенная в глобальное сообщество Россия в данный момент переживает настоящий потребительский бум. Дефицит товаров и услуг во времена коммунистического режима создал вакуум, который в настоящее время большинство россиян стараются заполнить как можно быстрее. Автомобили, жилье, оргтехника, валютные сбережения, одежда и продукты питания — вот на что направлен основной мотив жизни россиян. Подтверждением этому могут служить объемы продаж данных предметов, а также количество выданных кредитов населению на их приобретение.

Так, согласно исследованию ВЦИОМ в июле 2007 г. [ВЦИОМ., 2007], число россиян, стремящихся воспользоваться кредитными услугами, за год увеличилось более чем вдвое — с 13 до 28 %. Цели, ради которых респонденты собираются взять кредит, — это, прежде всего, покупка аудио-, видео- и бытовой техники, мобильного телефона (6 %); недвижимости — квартиры, дома, земельного участка и т. п. (6 %); неотложные нужды; ремонт квартиры или дома; приобретение автомобиля (по 4 %); покупка мебели; компьютерной техники; образовательные, медицинские услуги (по 2 %). Чем лучше респонденты оценивают свое материальное положение, тем больше среди них потенциальных заемщиков. Если среди плохо материально обеспеченных только 22 % опрошенных планируют брать банковский кредит, то в группе среднеобеспеченных — 28 %, а в наиболее благополучной в финансовом отношении группе — 36 % [Там же]. Цифры говорят сами за себя. Чем более обеспечен россиянин, тем выше у него потребность в средствах, а следовательно, в приобретении товаров. Иными словами, чем беднее человек становится как Человек (носитель духовности), тем выше его потребность в деньгах. Власть же его денег находится в обратно пропорциональной зависимости к массе предметов производства (чем больше последних, тем ниже власть первых). В свою очередь потребности растут по мере того, как прибывает сила денег. Враждебными по отношению к человеку становятся такие же люди, как и он сам, жизнь которых подчинена идолам денег и товаров, в поклонении которым они черпают свою силу. Отчужденные, люди продолжают свою борьбу.

Даже в результате научно-технического прогресса и модернизации российского общества массовая установка на обладание не претерпевает изменений, так как предметом обладания стала отныне информация, а также знаки и символы, которые продаются и покупаются столь же интенсивно, как и реальные вещи. Занимая весь объем жизни современного россиянина, мотив потребления отчуждает его от активности, направленной на развитие потенций, которые заложены в человеке от природы. В большинстве своем в современных условиях они остаются нереализованными, оставляя индивида одномерным, отчужденным от своего истинного Я, ведь для последнего жизнь заключена не только в потреблении материальных благ. Наиболее наглядно свойственное современному человеку глубинное отчуждение можно продемонстрировать на примере знаменитого символа Инь—Янь. Выбирая лишь одну сторону своего бытия (витальные потребности, потребление) — одну половину символа гармонии и развития, человек отчуждается от другой, присутствующей ему изначально стороны жизни, со свойственными ей любовью, духовностью, преобразованием и творчеством.

Поскольку общество, в котором мы живем, большей частью подчинено приобретению собственности и извлечению прибыли, многие считают обладание наиболее естественным способом существования и даже единственно приемлемым для человека образом жизни. Ориентированный на обладание современный человек становится отчужденным от потенций, заложенных в него природой или богом. Включаясь во всеобъемлющий процесс потребления, человек отказывается от реальной активности, которая свойственна ему как характерная черта. Быть активным — значит дать проявиться своим способностям, таланту, всему богатству человеческих дарований, которыми — хотя и в разной степени — наделен каждый человек. Постсовременность, орудием которой выступают средства массовой информации и номенклатурная система власти, превратила человеческое сообщество в массу, в имплозивное¹⁵ нечто, иными словами, способное только впитывать поглощать, без возможности развиваться, обновляться и расти. Эту массу Жан Бодрийяр назвал «молчаливым большинством» [Ясперс, Бодрийяр, 2007]. Масса не имеет ни скрытых сил, которые бы высвободились, ни устремлений, которые должны были бы реализовываться. Одураченные средствами массовой информации и интериоризированным рыночным сознанием, люди нашей эпохи превратились в массу, потребляющую все без разбора. Массам чужда духовная жизнь, и даже так называемые духовные ценности поглощаются большинством в виде массовой культурной пищи. Кинематограф, искусство, литература, и даже религия сегодня (духовна ли она в наше время?) — это продукты, предназначенные для утилизации в один момент имеющими средства потребителями. Высо-

¹⁵ То есть не «взрывающееся», не распространяющееся вовне, а, наоборот, вбирающее, втягивающее в себя.

кое искусство теряет смысл, превратившись в товар массового спроса. Подстегиваемый темпами глобализации конвейер производства товаров и услуг ежедневно преподносит новые и новые порции для жаждущей поглощать массы. Таким образом, в наше время мы стали свидетелями массового отчуждения людей, полного разрушения или отрицания социального как такового.

Уносимая вихрем глобализации эта масса смещается с орбиты, на которой возможно проявление истинной активности в поле занятости. Повсеместная занятость и отсутствие активности — вот современная характеристика общества потребления. Действуя на основе установок, интериоризированных в сознание через процесс социализации в обществе, направленном на потребление, мы посвящаем свою жизнь *отчужденной активности*. Отчужденная активность существует там, где нет места спонтанности и проявлению творческого начала в процессе труда. Люди работают только ради того, чтобы получить за это деньги, которые затем можно будет потратить на приобретение вещей, которыми можно будет впоследствии обладать. Обладание становится в наше время конечным результатом любой деятельности. Идентификация с вещами придает единственный смысл существованию человека в нашу эпоху. Чем дороже и ценнее вещь, тем больше я значу. Для обладания вещами достаточно просто хорошо функционировать, быть конкурентно-способным, обменивать самого себя как товар и при этом оставаться ничем. Такой человек превращается в вещь, полностью отчуждаясь от своей человеческой творческой природы, ограничивая свое «я» от проявления его потенций, направленных на развитие, творчество и любовь. Абсолютно логично, что в результате такая отчужденная деятельность характеризуется отсутствием у работника (в повседневной жизни у актора любой деятельности) ощущения себя как деятельного субъекта своей активности, скорее он воспринимает результат своей активности как нечто такое, что находится вне его, выше него, отделено от него и противостоит ему. При отчужденной активности я, в сущности, не действую, действие совершается надо мной внешними силами. Так, активность, направленная на достижение выгоды, результатов труда (деньги), не приносит удовлетворения от самого процесса деятельности. Деятельность выступает здесь как страдание, сила — как бессилие, собственная физическая и духовная энергия рабочего, его личная жизнь — как повернутая против него самого, от него не зависящая, ему не принадлежащая деятельность.

Напротив, в случае неотчужденной активности человек ощущает самого себя как субъекта своей деятельности. Неотчужденная активность — это процесс рождения, создания чего-либо и сохранения связи с тем, что создано. При этом подразумевается, что активность есть проявление потенций индивида, что он и его деятельность едины. Такую неотчужденную активность можно назвать продуктивной активностью. Продуктивная активность не обязательно та, которая приводит к созданию чего-то нового и оригинального или конечного результата. Скорее, речь идет о качестве этой активности, о деятельности, в процессе кото-

рой человек получает удовлетворение в самом ее процессе, независимо от результата этой деятельности. Эта активность есть продуктивная, прежде всего для самого человека, так как позволяет развивать его творческий и личностный потенциал. Быть неотчужденным — это значит обновляться, расти, изливаться, любить, испытывать глубокий интерес, отдавать. Неотчужденный мотив человеческого существования мы можем назвать, противопоставляя его обладанию, мотивом *быть*. Ориентация на бытие — это *второй жизненный сценарий*, осуществление которого не приводит к отчуждению, личному или массовому.

Отчужденная и неотчужденная активность (во всех сферах жизни): критерии

Придавая легкую аллегоричность двум понятиям: быть и иметь, можно сказать, что одно из них связано с жизнью, другое со статичностью, бездушным и механистичным функционированием. Обладание уводит нас из настоящего и заставляет проявлять свою активность (отчужденную в данном случае) с целью будущих накоплений и потреблений, отчуждает индивида от настоящего. Бытие позволяет нам дышать каждым настоящим моментом, в котором человек способен проживать свою жизнь таким, каким он является от природы, проявлять свои духовные качества, развиваться, расти, иными словами пребывать в состоянии истинной активности, не направленной на стяжание. В одном случае мы приобретаем, извлекаем прибыль и властвуем, в другом испытываем свободу и независимость. Наши зависимости от материальных источников самоидентичности и страх потерять накопленное держат нас в капкане, не давая двигаться спонтанно, свободно и синхронно внутреннему источнику жизни. Привязанности удерживают отчужденного человека вдали от божественного (трансцендентного), парализуя его духовное развитие. Как мы видим, отчужденность от реальной жизни проявляется еще и в отчужденности от настоящего, которая проявляется в ориентации на будущее (то, чем я буду обладать), а также на прошлое (то, что я уже имею). Это те моменты, когда люди не могут позволить себе жить свободно. Они становятся заблокированными от радости настоящего момента, поскольку боятся, что потеряют то, что уже имеют. Держась за свою привычную (отчужденную) личность, люди еще больше отдаляют себя от контакта со своим «глубинным Я». Кристина Гроф, представитель новой парадигмы в гуманитарной науке, как и ее муж Станислав Гроф, говорит о настоящем так: «Настоящий момент — это окно в божественное. Мистики говорят нам, что предмет наших духовных поисков находится прямо здесь и сейчас, но из-за наших внутренних барьеров мы большую часть времени не можем его видеть. Некоторые из этих барьеров связаны с нашими привязанностями, а

также с негибкостью и страхом, которые эти привязанности порождают» [Гроф, 2003. С. 169].

Этот страх, порожденный мыслями о потере объектов обладания, приводит к мыслям об опасности, которую представляют собой другие люди. Укореняется мысль о том, что они могут отнять у человека то, что он имеет. Чтобы предотвратить такие поползновения на свою собственность, людям приходится стремиться ко все большему могуществу и становиться агрессивными. Это приводит к антагонизму и взаимному отчуждению: как для отдельных индивидов, так и для целых народов. Ибо пока народы будут состоять из людей, мотивированных преимущественно на обладание и алчность, они не смогут избежать войн. Наоборот, при ориентации на бытие частное обладание (частная собственность) не имеет аффективного значения, ибо нет нужды владеть тем, чем наслаждаешься или даже просто пользуешься. Речь не идет о полном отказе от частной собственности, который был в Советском Союзе. Речь идет о праве человека на личное, но без заикленности на чрезмерное и бесконтрольное обладание. При ориентации на бытие не один человек, а миллионы людей способны разделить радость от одного и того же объекта. Это не только позволяет избежать борьбы, но и создает условия для одной из самых глубоких форм человеческого счастья — счастья разделенной радости. Ничто так не объединяет людей, как общность идей, наслаждение одним и тем же музыкальным произведением, картиной, каким-либо символом, соблюдение одних и тех же ритуалов и общее горе. Такие общие переживания создают и поддерживают живые отношения между индивидами. Это приводит к солидарности и идентичности.

Солидарность дает человеку ощущение истинной радости. Она способствует творческой деятельности — неотчужденной активности. Это не пиковое переживание, которое внезапно возникает и также внезапно прекращается после приобретения вещи, потребления или удовлетворения потребности обладания. Радость — это скорее ровное эмоциональное «плато», то состояние, которое сопровождает продуктивное проявление самых важных человеческих способностей. Радость — это ровное бытие. Напротив, иступленное состояние, сиюминутное пламя удовлетворения желания обладать можно охарактеризовать словом удовольствие. Удовольствие всегда временно, а радость — бесконечный процесс приближения к цели стать самим собой.

Для отчужденного человека быть самим собой значит быть тем, чем он обладает. Страх смерти — это страх потери объектов, которые имеет индивид. Это паническое чувство расставания со своей собственностью, телом как вместилищем удовольствий, со своей идентичностью с материальными объектами. Напротив, чем в большей мере человек освобождается от жажды наживы во всех ее формах, тем слабее будет страх смерти: ведь тогда нам нечего терять. Не испытывая привязанностей к материальным объектам, потеря которых не угрожает потерей

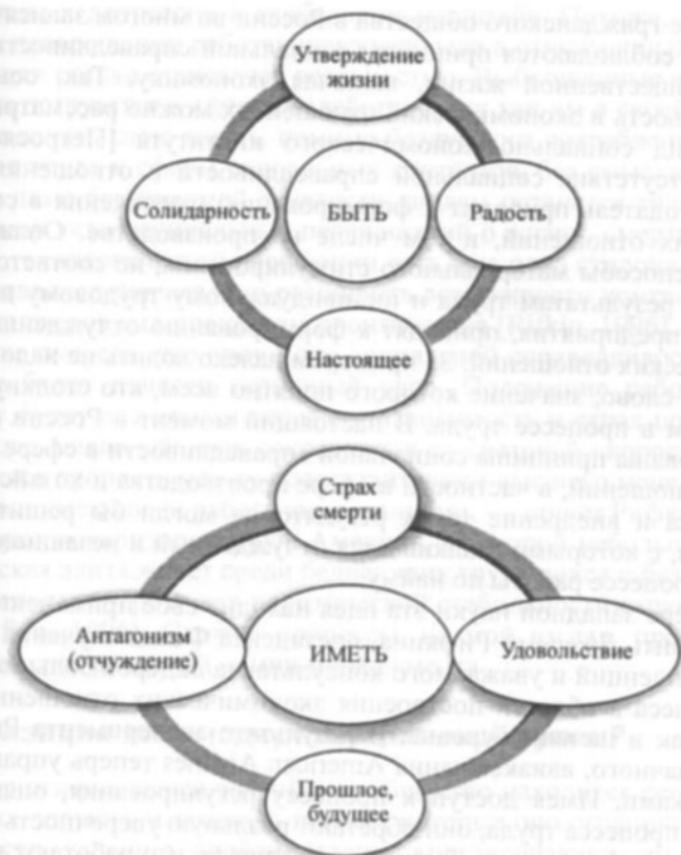

Рис. 10.1. Отчужденная и неотчужденная активность.

жизни и ее смысла, человек реализует утверждение жизни. Схематически отчужденная и неотчужденная активность представлена на рис. 10.1.

Отчуждение в поле экономических отношений

Упомянув концепцию социального капитала в связи с преодолением отчуждения в целях сохранения социальных ресурсов (например, в процессе производства), уместно обратить внимание на тот факт, что в настоящее время в модернизирующейся России широкое распространение получили нарушения хозяйствующими субъектами правовых норм и этических правил экономического поведения и в частности требований социальной справедливости. В этих условиях система государственного регулирования нуждается в мощной институциональной поддержке, ориентированной на повышение уровня социальной справедливости в экономических отношениях. Эффективность национальной экономики и

построение гражданского общества в России во многом зависят от того, насколько соблюдаются принципы социальной справедливости во всех сферах общественной жизни, включая экономику. Так, социальную справедливость в экономических отношениях можно рассматривать как особый вид социально-экономического института [Петросян, 2007]. Именно отсутствие социальной справедливости в отношениях работник-работодатель приводит к формированию отчуждения в сфере экономических отношений, в том числе на производстве. Оплата труда, формы и способы материального стимулирования, не соответствующие реальным результатам труда и индивидуально трудовому вкладу работников предприятия, приводят к формированию отчуждения в сфере экономических отношений. За примером далеко ходить не надо — «уравниловка», слово, значение которого понятно всем, кто столкнулся с отчуждением в процессе труда. В настоящий момент в России не институализированы принципы социальной справедливости в сфере экономических отношений, в частности в сфере производства и хозяйствования. Разработка и внедрение таких регуляторов могли бы решить многие проблемы, с которыми сталкивается отчужденный и незащищенный человек в процессе работы по найму.

В сфере западной науки эта идея находит свое применение. Уместно вспомнить Джереми Рифкина, президента Фонда изучения экономических тенденций и уважаемого консультанта лидеров большой политики и бизнеса в области построения экономических отношений, как на макро-, так и на микроуровне. В результате эксперимента Рифкина, и весьма удачного, авиакомпания American Airlines теперь управляется ее сотрудниками. Имея доступ к процессу регулирования, оценки и построения процесса труда, они обретают реальную уверенность в том, что их труд приносит пользу. Также они осознают, что работают над достижением тех целей, которые были определены ими самими. В некотором роде, ощущая компанию как «свою собственную», люди получают реальное удовлетворение от процесса труда, намного большее, чем в традиционных организациях. Налицо факт снижения уровня отчуждения в сфере занятости [Rifkin, 1996].

Практически все ведущие бизнесмены и большинство экономистов продолжают утверждать, что впечатляющие технологические достижения Третьей промышленной революции принесут благие плоды: позволят снизить стоимость продукции, стимулируют потребительский спрос, создадут новые рынки, а также дадут возможность большему числу людей найти себе хорошо оплачиваемые рабочие места в новых сферах занятости, связанных с высокими технологиями. Но Рифкин оценивает ее результаты более скептически. Очевидно, что чем ближе осуществление технологической утопии, тем менее привлекательным предстает грядущий мир. Силы рынка по-прежнему ориентированы на рост производства и прибыль, а досуг вытесняемых из сферы занятости людей ничем не обеспечен. Новые технологии могут привести и приводят к росту

безработицы и депрессии в глобальном масштабе. Похоже, что мысли Маркса о превращении работающего человека в отчужденный придаток машины или станка становятся реальностью. Выброшенные в сферу досуга люди погружаются в сферу бездействия, так как им в своей массе нечем будет занять свою жизнь, помимо бездумного потребления. Отчужденным от труда и сферы социальных контактов, без смысла к существованию, даже без видимой занятости, людям останется только погрузиться в мир экзистенциальных переживаний о жизни, смерти и одиночества. У технологической революции есть еще одна сторона. Эта революция позволяет значительно расширить возможности контроля со стороны менеджеров над процессом производства [Rifkin, 1996]. А это значит, в свою очередь, что процессам социальной справедливости на производстве будет нанесен серьезный удар. Положение работника по-прежнему будет плачевным через его зависимость и страх потерять рабочее место, число которых сокращается со световой скоростью. «Расширяющаяся пропасть между представителями высшего менеджмента и остальными имеющими работу американцами, — пишет Рифкин, — создает глубоко поляризованную Америку, в которой небольшая космополитическая элита живет среди беднеющих трудящихся и безработных, это представляет угрозу для политической стабильности страны в будущем» [Rifkin, 1996]. Схожие процессы, на мой взгляд, происходят и в России за счет растущей армии менеджмента.

Модернизация или модернизационный тупик?

Модернизирующееся российское общество находится сегодня в сетях многих ловушек и тупиков, попав в которые оно ограничивает свои возможности успешно пройти стадию кристаллизации модерни и вступить в новую эпоху — постмодернити. (См. об этом, в частности, главу 5 настоящей монографии «Российский модернизационный проект и адаптация: потенциал роста и пределы созидания».) Выход из такого рода тупиков и ловушек чреват необратимыми потерями и социального времени, и социальных ресурсов, а значит, непосредственно таит угрозу для России в XXI в. «отстать навсегда» от передовых стран мира. Отчуждение от духовности в современной России и есть, на мой взгляд, фундаментальный модернизационный тупик, который угрожает не только ее развитию, но и ее существованию в долгосрочной перспективе.

Многие современные ученые развивают идею о том, что глобализация и модернизация представляют собой сегодня по сути вестернизацию, а вектор трансформационных процессов исходит из США и Западной Европы. Это соответствует представлениям основателя концепции эволюционного развития/модернизации Талкота Парсонса об эволюционных универсалиях (evolutionary universals) как необходимых условиях модернизации и эволюции социальных систем, достижения более высоких уровней общественного развития. Эти универсалии представляют

собой технологии, капитал и западные ценности. В наиболее сильной форме глобализация проявляет себя как вестернизация при модернизации стран третьего мира, в число которых, по мнению ряда ученых (Т. Шанин, Е. Ясин и др.), входит и Россия. Так, Самюэль Хантингтон, противопоставляя Запад и Не-Запад, убедительно доказывает, что вестернизация является неизбежной для государств, пытающихся совершить модернизационный рывок [Хантингтон, 2003]. *Сама же модернизация для этих стран выступает в качестве механизма адаптации к изменяющимся условиям и стандартам современной миросистемы.*

В своих поздних работах Парсонс акцентирует внимание на четырех компонентах эволюционного развития/модернизации (см. [Mouzelis, 1999. P. 145]). Это: дифференциация (differentiation), адаптация (adaptive upgrading), включение (inclusion) и объединение ценностей (value generalization). Это значит, что:

структура социальной системы дробится на две или большее количество единиц (структур), которые отличаются по их особенностям и функциональному значению для системы (дифференциация);

эти единицы функционируют максимально эффективно, так как имеют теперь более широкий диапазон ресурсов и возможностей в их собственной сфере, чем до дифференциации. Это освобожденное от прежних ограничений функционирование протекает успешно, если деятельности этих подструктур не ограничивают друг друга (адаптация);

как только мы имеем дифференциацию и адаптацию, перед нами встает проблема включения деятельности этих элементов в общее целое;

для осуществления процесса включения в структуре должны наличествовать обобщенные ценности, для того чтобы различные элементы в обществе имели возможность получить ориентации для их новых образцов действия. Когда сеть социально структурированных ситуаций становится более сложной, ценности должны быть изложены на более высоком уровне общности, чтобы гарантировать социальную стабильность (объединение ценностей).

Как показывает история стран Западной Европы и США, при реализации этих принципов возникают универсальные проблемы, не решение которых может завести общество в модернизационные тупики. Задача справиться с этими вызовами сейчас стоит и перед Россией. На ее примере мы видим, что в институты общества (его социальную ткань, жизненный мир и пр.), устанавливаемые на основе социального взаимодействия, опосредованного языком, проникают, начинают в них действовать и доминировать элементы, идеи, смыслы, стандарты, модели, присутствующие экономической и административно-государственной сферам. Социальные решения принимаются, исходя из интересов не совместно живущих людей, а бюрократических технико-экономико-административных институтов. Социальность и рациональность срачиваются. Человеческое поведение все дальше отходит от системы норм, сформировавшихся на моральной и духовной основе. Проникая через сферы эконо-

мики и управления в сферу социальных отношений, государство отчуждает последнюю от культуры (духовности) и тормозит институциональную дифференциацию. Взамен больших идеологий прошлого, прямо и открыто формулирующих интересы того или иного класса, сегодня общество объединяется системой вещей, комфортом, рынком. Проблемная дифференциация социальных институтов и подмена универсальных моральных и духовных ценностей потребительскими порождают отчуждение духовности и ставят модернизационный проект под угрозу, тормозя тем самым приход постмодернити. Последний, как известно, напротив, провозглашает ценности социальной свободы, самовыражения, плюрализма и духовного развития.

Анализируя схожие проблемы в обществах, которые находятся уже на стадиях позднего капитализма, исследователи видят выход из сложившейся ситуации в возвращении морального, ценностного и духовного сознания в структуры действий так называемого общества потребления. Например, Юрген Хабермас хотел бы связать вместе «разум, нравственность и демократию» [Хабермас, 2000].

Есть ли пути преодоления отчуждения?

Как демонстрирует нам история, потребность в духовности и понимании божественного, потребность в достижении надличностного источника истины, целостного развития личности не покидает человека. Она становится нитью Ариадны, которая способна вывести человечество из кризиса, порожденного потребительством и забвением. В определенном смысле сам факт насыщения и перенасыщения в сфере витальных (базовых) потребностей и породил кризис смысла и духовных потребностей в обществе. Долгое время существовала иллюзия и ложная надежда на то, что рост материальной обеспеченности сам по себе способен изменить качество жизни, принося благополучие, удовлетворение и счастье. Напротив, налицо рост числа эмоциональных расстройств, злоупотребление наркотиками, алкоголизм, преступность, терроризм и насилие в семье. Наблюдаются повсеместная утрата смысла, ценностей и перспективы, отчуждение от природы и общая саморазрушительная тенденция. Осознание краха философии мейнстрима ознаменовало в жизни многих людей поворотный пункт. Они начинают интересоваться альтернативой и обретают ее в духовном поиске. Изменения в сознании, казалось бы, такого безжизненного образования, которые мы назвали массой, дают надежду на возможность изменить существующую мировую ситуацию.

В знаменитом трансатлантическом диалоге Эрвина Ласло, Станислава Грофа и Питера Рассела как раз идет речь о том, как можем мы изменить мир и развить свое сознание настолько, чтобы суметь спасти обуреваемый кризисами мир «снаружи» вокруг нас и преодолеть кризисы, осаждающие наши умы «внутри». Так, Ласло говорит: «такое впе-

чатление, словно что-то в коллективной психике человечества включает предупреждающий сигнал, служащий стимулом к изменению» [Гроф и др., 2004. С. 22]. Глобализация, при всех своих отрицательных моментах, так или иначе, способствует тенденции осознания кризиса человечества в наше время. Именно терроризм (маркер глобальных изменений) заставил многих задуматься о том, что современный мир хрупок, глобальные катастрофы — о глобальном потеплении и той ответственности, которую несет человек, отчуждаясь от природы, обладая ею как вещью, используя ее и уничтожая. Мода на здоровое питание и образ жизни, экологичное топливо, научные конференции и массовые акции в поддержку экологического общества показывают, что изменения в сознании людей (эволюция сознания) происходят. Но, как правило, это прерогатива развитых стран. Страны третьего мира, в том числе и Россия, отнюдь не находятся в авангарде. Уже отмечено выше, что они только вступают в эру потребления и вынуждены пожинать все отрицательные моменты модернизации. В поле экономики один из возможных выходов видится в возможности использовать деятельность миллионов людей в конструктивных целях за пределами частного (первого) и публичного (второго) секторов. Таланты и энергию этих людей можно направить на воссоздание локальных сообществ и на создание «третьей силы», не зависимой от рынка и публичной сферы. Третий сектор, который называют также независимым или добровольным, — это сфера, в которой доверительными отношениями порождаются общинные связи, в которой отдача собственного времени другим людям заменяет искусственные рыночные связи, базирующиеся на продаже себя и своих услуг. Третий сектор по праву можно назвать сектором неотчужденного бытия. Социальные службы, женские клубы, молодежные организации, группы по защите гражданских прав, организации по защите окружающей среды, организации, заботящиеся о животных, театры, оркестры, художественные галереи, библиотеки, музеи и т. п. — все это было создано первоначально в третьем секторе. Обращаясь в подобные организации, можно восстановить подлинную социальность, обрести искомый статус, почувствовать себя нужным и способным создавать что-то «своими руками», проявлять альтруизм. Иными словами, можно позволить себе быть собой целиком и полностью, развивать свои способности и значимые для человека компоненты его личности, что невозможно в обычной, рутинной жизни, при выполнении навязанных ролей с целью добиться успеха, достатка и так далее.

Таким образом, вывод состоит в следующем: есть основания предполагать, что сегодня отчуждение в России приобретает массовый характер. Беря начало в сознании отдельных людей, оно пронизывает собою все социальное тело. Отчуждение от духовных и нравственных ориентиров сегодня подкрепляет предположение о том, что Россия находится на потребительской и массовой стадии развития социума. Вследствие глобализации и формирования всемирной экономической

системы повсеместное распространение получает стратегия жизни общества потребления. Эта стратегия, главным смыслом которой является обладание и потребление материальных продуктов, а также знаков и символов, приводит к развитию *глубинного отчуждения* отдельно взятого человека, *глубинного отчуждения миллионов людей — массового глубинного отчуждения* и как формы протеста *самоотчуждения*.

Как бы то ни было, существование полностью неотчужденного человека в наше время не представляется возможным. Пытаясь определить степень отчужденности, нам придется двигаться в системе координат: где ось абсцисс — это модусы бытия и ось ординат — степень их выраженности. В качестве делений на оси абсцисс будут выступать свобода, критический разум, независимость; внутренняя активность; настоящее; утверждение жизни; радость; солидарность — характеристики неотчужденного человека. А также приобретение, власть, извлечение прибыли; направленность на прошлое и будущее; страх смерти; удовольствие; антагонизм — показатели отчужденной жизни.

В общем виде отчуждение от духовности в современном глобализирующемся и модернизирующемся мире, на мой взгляд, можно представить следующим образом:

I. Глубинное отчуждение: Существование по принципу обладания. Отождествление себя с имеемым капиталом: деньгами, вещами, знаками, символами, знаниями, образованием, значимыми и одобряемыми социальными позициями. Потеря своей истинной человеческой природы, ориентированной на целостное развитие личности. Игнорирование духовной составляющей личности. Приоритет удовлетворения витальных (базовых) потребностей через потребление. Люди — «вещи».

II. Массовое глубинное отчуждение: Глубинное отчуждение, присущее большим социальным группам, классам, стратам, массам. Общество потребления.

III. Самоотчуждение (осознанное отчуждение): Неприятие массового глубинного отчуждения, проявляющегося в социальном характере общества и его социально-экономической системе. Отказ от контакта с массовой культурой потребления и обладания. Носит внутренний характер и является *осознанной* формой отчуждения.

Таким образом, располагая опытом и примерами формирования общества потребления в развитых странах, мы имеем возможность свети до минимума «побочные и негативные эффекты» модернизации в России. Преодоление отчуждения представляется трудным, но возможным. Трудным потому, что, манипулируя массовым сознанием, экономическая элита, которая в России является еще и политической (нонсенс для развитых стран), крайне не заинтересована в просвещении миллионов россиян, жаждущих потреблять и приобретать товары и услуги. Когда власть и бизнес сосредоточены в одних руках, возможности одной сферы используются для реализации другой. Поскольку многие СМИ в нашей стране являются подконтрольными государству, потребности, стиль жизни и мышление соотечественников напрямую формируются жаждущей обогащения элитой. Отчужденность рядового человека от

власти, от процесса развития государства, от возможности влиять на его стратегии не позволяет изменить эту ситуацию. Даже если бы это было возможно, на это были бы способны не многие, так как масса (вспоминая слова Бодрийара), одурманенная футболом и рекламой, не способна на что-либо помимо поглощения, потребления и утилизации. Но эта масса подвержена распаду. Население России сокращается. Отчуждение, его разрушающее, уничтожает стремительными темпами то, что принято называть «социальным капиталом». Произвол на производстве по-прежнему заставляет работников быть зависимыми от своих работодателей, теряя смысл и радость бытия, масса людей выбирает алкоголь и другие средства одурманивания. Думая об удовлетворении первичных потребностей, люди не в состоянии выстраивать контакты на основе понимания, любви и доверия. В обществе, где идет битва за материальные блага и социально-статусные позиции, тысячи людей оказываются выброшенными на обочину. Этот «социальный мусор» (Бодрийар) есть не что иное, как отходы социального, то, что еще вчера было социальным капиталом. Испарение социального приносит убытки на производстве. Замыкаясь в себе и для себя, человек перестает быть носителем социального капитала. Таким образом, на мой взгляд, ориентация на быструю наживу и обогащение, которая до сих пор главенствует в умах российской экономической элиты, в состоянии распылить социальный капитал за короткие сроки. Даже серия пока не давших ожидаемых результатов национальных проектов показывает, что вопрос жизнеспособности нации лежит гораздо глубже — в сфере сознания человека. Пока уровень сознания индивида диктует ему поступать в соответствии с программой, в основе которой заложена отчужденная активность, это будет приводить к сокращению человеческих ресурсов. Пока существует порочный круг: элита — СМИ — потребители, которые под воздействием СМИ поддерживают элиту в процессе квазивыборов, будет происходить угасание социального (социальная энтропия), так как социальные изменения взаимодействуют с изменением социального характера. Социальный характер по Фромму — это взаимодействие индивидуальной психической сферы и социоэкономической структуры. Социоэкономическая структура общества формирует социальный характер своих членов таким образом, что им хочется делать то, что они должны делать. Осознание этих процессов политическими лидерами, возможно, позволит избежать «застревания» России в потребительском поле отчуждения и выведет ее на более цивилизованный уровень развития государства, сохраняя и преумножая социальный капитал.

Литература к разделу II Глава 4

- Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб.: Лань, 1999. 477 с.
- Вишневский А. Г. Модернизация или контрмодернизация: чья возьмет?// *Общественные науки и современность*. 2004. № 1. С. 17—25.
- Гаськова М. И. Методологические и эпистемологические принципы интегральной парадигмы// *Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых*. Сб. докл. науч.-практ. конф-ции. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2005. С. 179—192.
- Его Святейшество Далай-Лама, Чен В. *Мудрость прощения*. София, 2005. 287 с.
- Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. М.: Дело, 2002. 568 с.
- Заславская Т. И. Современное российское общество: проблемы и перспективы// *Общественные науки и современность*. 2004. № 5. С. 5—15; № 6. С. 5—19.
- Козлов В., Майков В. *Основы трансперсональной психологии*. М.: Изд-во Трансперсонального ин-та, 2000.
- Маслоу А. *Дальние пределы человеческой психики*. СПб.: Евразия, 1997. 430 с.
- Мень А. *Культ личности как пережиток магизма// Магия, оккультизм, христианство*. М.: Фонд имени А. Меня, 2003. С. 69—75.
- Немировский В. Г., Невирко Д. Д., Гришаев С. В. *Социология: классические и постнеклассические подходы к анализу социальной реальности*. М.: РГГУ, 2003. 557 с.
- Сорокин П. *Главные тенденции нашего времени*. М.: Наука, 1997. 351 с.
- Социология. Основы общей теории/ Под ред. Г. В. Осипова, Л. Н. Москвичева и др.* М.: Институт «Открытое общество», 1996.
- Старые церкви, новые верующие. Религия в массовом сознании россиян/ Под ред. проф. К. Каарияйнена и проф. Д. Е. Фурмана*. СПб.; М.: Летний сад, 2000. 248 с.
- Тарасевич В. Постнеклассический вызов фундаментальной экономической науке// *Вопросы экономики*. 2004. № 4. С. 107—117.
- Уилбер К. *Око Духа*. М.: Изд-во Ин-та трансперсональной психологии, 2002. 476 с.
- Уилбер К. *Интегральная психология*. М.: АСТ, 2004. 412 с.
- Филатов С. Б., Фурман Д. Е. Религия и политика в массовом сознании// *Социологические исследования*. 1992. № 7. С. 3—12.
- Черникова И. В. *Формирование холистического мировидения в ноосферной науке// Психологический универсум образования человека ноэтического: Сб. статей*. Томск: Водолей, 1999. С. 27—39.
- Швебс Г. И. *Холистическая научно-эзотерическая доктрина мироздания// Сознание и физическая реальность*. 1998. Т. 3, № 5. С. 3—15.
- Яковец Ю. В. *Научное наследие Питирима Сорокина фундамент парадигмы обществоведения XXI века// Социологические исследования*. 1999. № 6. С. 3—13.
- Feuerstein G. *Structures of consciousness: The genius of Jean Gebser: An introduction and critique*. Lower Lake, CA: Integral Publishing, 1987.
- Gebser J. 2005/ http://en.wikipedia.org/wiki/Jean_Gebser
- Gebser J. *The Ever-present origin*. Athens, OH: Ohio University Press, 1986.

- Inglehart R.* Globalization and Postmodern Values// The Washington Quarterly. 1999. V. 23(1).
- Linscott G.* Sustainable Development Strategy in a Country of Partial Development Viewed From the Values Perspective of Spiral Dynamics. 2005/ <http://www.globalvaluesnetwork.com>
- Mahood Ed., Jr.* The Primordial Leap and the Present: The Ever-Present Origin An Overview of the Work of Jean Gebser. 2006/ <http://www.gaiamind.org/Gebser.html>
- Middleberg Steel & Alloys* United program. 2005/ <http://www.globalvaluesnetwork.com>
- Miller C.* Fowler's Stages of Faith in Profile// J. W. Conn (ed.). Women's Spirituality: Resources for Christian Development. 1986. P. 226—232.
- Sorokin P.* Social and Cultural Dynamics. V. I: Fluctuation of forms of Art; V. II: Fluctuation of Systems of Truth; V. III: Fluctuation of Social Relationships: War and Revolution; N. Y.: American Book Company, 1937.
- Wilbe K.* Sex, Ecology, Spirituality: The Spirit of Evolution. Boston; London: Shambhala, 2000. P. 851.
- Wilber K.* An Integral Age at the Leading Edge. 2005/ <http://wilber.shambhala.com>

Глава 5

- Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетея, 2007.
- Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Гидденс Э.* Последствия модернити// Новая постиндустриальная волна на Западе/ Под ред. В. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 101—122.
- Демографический ежегодник России.* М.: Госкомстат России, 2004.
- Дмитриева Т., Положий В.* Психическое здоровье населения в условиях реформирующегося общества// Экология человека. 2000. № 4.
- Костомаров Н.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей М.: Эксмо, 2006.
- Корель Л.* Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, СИФ РАН, 2005.
- Мидоуз Д., Мидоуз Д., Рандерс Й.* За пределами допустимого: глобальная катастрофа или стабильное будущее?// Новая постиндустриальная волна на Западе/ Под ред. В. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 572—595.
- Мужчины и женщины России.* М.: Госкомстат России, 1998.
- Мужчины и женщины России.* М.: Госкомстат России, 2004.
- Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000.
- Радаев В.* Понятие капитала, формы капитала и их конвертация// Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5—18.
- Регионы России: Социально-экономические показатели.* М.: Госкомстат России, 2003.
- Регионы России. Т. 2.* М.: Госкомстат России, 1998.
- Регионы России. Т. 2.* М.: Госкомстат России, 2003.
- Стрельникова Л.* Социальный капитал: типология зарубежных подходов// Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 33—41.

Тоффлер А. Футушок. СПб.: Лань, 1997.

Труд и занятость в России. М.: Госкомстат России, 1998.

Труд и занятость в России. М.: Госкомстат России, 2004.

Вайтхед А. Избранные работы по философии М.: Прогресс, 1990.

Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1991.

Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния// Новая постиндустриальная волна на Западе/ Под ред. В. Инземцева. М.: Academia, 1999. С. 123—162.

Хэнди Ч. Алчущий дух. За гранью капитализма: поиск цели в современном мире// Новая постиндустриальная волна на Западе/ Под ред. В. Инземцева. М.: Academia, 1999. С. 163—184.

Юнг К. Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 2002.

Bourdieu P. Forms of Capital// The Sociology of Economic Life. Boulder, 2001. *Landecker W.*

Class crystallization and class consciousness// American Sociological Review. 1963. V. 28.

Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N. Y., 2000.

Sichel F. Crisis and Critique. Leiden, 1988.

Seligman E., Johnson A. (Eds.) Encyclopaedia of the Social Sciences. V. 1. Adaptation. N. Y.: McMillan Co., 1967.

Глава 6

Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение// THESIS. Зима'93. М.: Начала-Пресс, 1993. С. 24—40.

Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

Вовель М., Гуревич А., Рожанский М. Ментальность// 50/50. Опыт словаря нового мышления/ Под общей редакцией Ю. Афанасьева и М. Ферро. М.: Прогресс-Рауот, 1998.

Всемирная история (энциклопедия). Т. 1. М.: Аванта+, 1994.

Гайдено П. Социология Макса Вебера// М. Вебер. Избранные произведения М.: Прогресс, 1990.

Гаськова М. И. Интегральный подход в исследовании религии: опыт использования новой парадигмы знания: Дисс. ... канд. социол. наук. Новосибирск, 2007. *Гаськова М. И.* Эпистемологические и методологические принципы интегральной парадигмы// Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2005.

Гидденс Э. Последствия модернити// Новая постиндустриальная волна на Западе/ Под ред. В. Инземцева. М.: Academia, 1999.

История средних веков. Т. II. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1952.

Корель Л. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, СИФ РАН, 2005.

Краткая философская энциклопедия. М.: Прогресс, 1994.

Мердок Дж. Фундаментальные характеристики культуры// Антология исследования культуры. Т. 1. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 49—56.

- Моисеев Н. Современный антропогенез: цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ// Вопросы философии. 1995. № 1. С. 3—30.
- Ожегов С. Словарь русского языка. Екатеринбург: Урал-Советы, 1994.
- Психология. М.: Политиздат. 1990.
- Тоффлер А. Футушок. СПб.: Лань, 1997.
- Фирсов Б. Ментальные миры современного российского населения// Российская идентичность в условиях трансформации. М.: Наука, 2005.
- Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1991.
- Шляпентох В. Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003.
- Юнг К. Человек и его символы. М.: Серебряные нити. 2002.
- Яффе А. Символы в изобразительном искусстве// К. Г. Юнг. Человек и его символы. М.: Серебряные нити. 2002.
- Becker G. Economic Analysis and Nutan Behavior// Advances in Behavioral Sciences/ L. Green, J. Ragel (eds.). Norwood, N. J.: Ablex Publ. Corp., 1987. V. 1, 7.
- Sicvel F. Crisis and Critique. Leiden, 1988
- Weber A. Kulturgeschichte als Kultursoziologie. 1950.

Глава 7

- Будон Р. Социальные механизмы без черных ящиков// Социология на пороге XXI века/ Пер. с англ. Т. В. Дорофеевой, С. В. Дробчик и др.; под ред. С. И. Григорьева. М.: Интеллект, 1998.
- Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. М.: Наука, 1983.
- Козырева П. М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX—XXI веков. М.: Институт социологии РАН, 2004.
- Корель И., Корель Л. Региональные рынки труда и макроэкономические факторы развития// Современное состояние и перспективы занятости рынка труда в России. М.: АКЦИКОМ, 1999. С. 74—76.
- Корель Л. В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, СИФ РАН, 2005.
- Маннгейм К. Человек и общество в век преобразования. М.: ИНИОН, 1991.
- Ожегов С. Словарь русского языка. Екатеринбург: Урал-Советы, 1994.
- Парсонс Т. Функциональная теория изменения// Американская социологическая мысль/ Под ред. В. И. Добренъкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 464—481.
- Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения// Американская социологическая мысль/ Под ред. В. И. Добренъкова. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. С. 344—402.
- Петров И. О., Лемус В. Б. Общее учение о болезни// Многотомное руководство по патологической физиологии. Т. 1. М.: Медицина, 1966.
- Ритцер Дж. Современные социологические теории/ Пер. с англ. А. Бойкова и А. Лищицына. М.; СПб.; Н. Новгород и др.: Питер, 2002.
- Российская идентичность в условиях трансформации/ Под ред. М. Горшкова, Н. Тихоновой. М.: Наука, 2005.
- Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1989.

- Философские проблемы теории адаптации/ Под ред. Г. И. Царегородцева. М.: Мысль, 1975.*
- Encyclopedia Americana. V. 1. Adaptation. N. Y.: Chicago, 1963.*
- Seligman E. R., Johnson A. (eds). Encyclopaedia of Social Sciences. V. 1. P. 435—437. Adaptation. N. Y.: The Macmillan Company, 1967. P. 135—437.*
- Slobodkin L. B. Towards a predictive theory of evolution// Population Biology and Evolution/ R. C. Lewontin (ed.). Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 1968.*
- Slobodkin L. B., Rapoport A. An optimal strategy of evolution// Quarterly Review of Biology. 1974. V. 49, N 3.*

Глава 8

- Аженов М. С. Глобализационные ценности и Казахстан// Глобализация и вопросы социокультурной адаптации: Материалы II Конгресса социологов Казахстана. Ч. I/ АП Республики Казахстан: Ассоциация социологов Казахстана. Астана, 2005. С. 27—30.*
- Бек У. Общество риска: На пути к иному модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.*
- Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.*
- Гелбрейт Дж. Справедливое общество// Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/ Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 226—242.*
- Гидденс Э. Судьба, рок и безопасность// Thesis. 1994. № 5. С. 107—134.*
- Гидденс Э. Последствия модернити// Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/ Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 103—122.*
- Голенкова З. Т. Теории модернизации// Российская социологическая энциклопедия/ Под ред. Г. В. Осипова. М.: Норма-Инфра, 1998. С. 552—553.*
- Доклад Всемирного банка «Борьба с коррупцией в переходный период. Кто добивается успеха и почему?». 2006// [http:// www.worldbank.org/eca/act3](http://www.worldbank.org/eca/act3)*
- Жармакина Ф. М. Формационная специфика Казахстана// Центральная Азия: проблемы современного социокультурного развития/ Под ред. В. С. Шмакова. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. С. 61—73.*
- Женщины и мужчины Казахстана. Гендерная статистика. Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2004.*
- Инглезарт Р. Модернизация и постмодернизация// Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/ Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 261— 291.*
- Иноземцев В. Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире// Там же. С. 3—63.*
- Кузьмина Е. Возможности региональной интеграции в Центральной Азии// Мир перемен. 2007. № 2. С. 153—167.*
- Назарбаев Н. А. К конкурентоспособному Казахстану, конкурентоспособной экономике, конкурентоспособной нации. Послание Президента Республики народу Казахстана. Астана. 2004// [http:// missions.itu. int/ -kazaks/rus/info/info/09.htm](http://missions.itu.int/-kazaks/rus/info/info/09.htm)*
- Назарбаев Н. А. Казахстан на пути ускоренной экономической, социальной и политической модернизации. Послание Президента Республики народу Казахстана. Астана: Елорда, 2005.*

- Нечипоренко О. В., Нысанбаев А. Н. Россия и Казахстан в XXI веке: опыт модернизационных реформ/ Под ред. В. С. Шмакова. Новосибирск: Nonпарель, 2005.
- Статистический ежегодник Казахстана. Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2006.
- Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния// Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/ Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 126—162.
- Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
- Berger P. L. The Heretical Imperative. Contemporary Possibilities of Religious Affirmation. N. Y., 1979.
- Touraine A. Modernity and Cultural Specificities/ Modernity and Identity: Simposium. Culture, Economy and Development// International Social Science Journal. 1988. November.
- Touraine A. Critique de la modernite. Paris, 1992.

Глава 9

- Абенов Е. М., Арынов Е. М., Тасмагамбетов И. Н. Казахстан: эволюция государства и общества. Алматы: ИРК, 1996.
- Аженов М. С. Глобализационные ценности и Казахстан// Глобализация и вопросы социокультурной адаптации: Материалы II Конгресса социологов Казахстана. Ч. 1/ РК; Ассоциация социологов Казахстана. Астана, 2005. С. 27—30.
- Алимова С. Б. Амбивалентность социокультурной динамики Казахстана в условиях глобализации// Там же. С. 38—42.
- Ашимбаев М., Косиченко А., Нысанбаев А., Шоманов А. Национальная идея: предложение к обсуждению// Analytic. 2005. № 1. С. 3—8.
- Валеев Д. М. Национальный суверенитет и национальное возрождение. Уфа: Китап, 1994.
- Власов А. Программа «Болашак» и заветы Петра Великого. 2006// www.apn.kz/publications/print5335.htm
- Выступление Президента Н. А. Назарбаева на открытии первой сессии Парламента Республики Казахстан четвертого созыва. 2006// http://www.akorda.kz/www/www_akorda_kz.nsf/sections?openForm&id_doc=62273737DC5D55CB4625734A0030D88E&lang=ru&L1=L2&L2=L2—16
- Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
- Доббин Ф. Формирование промышленной политики// Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики/ Сост. и науч. ред. В. В. Радаев; пер. М. С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 607—631.
- Жусупов С. Е. Управленческая модернизация процесс перманентный// Бюллетень МИСП. 2005. № 7—8// http://www.iimp.kz/default.aspx?article_id-913
- Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.

- Инглегарт Р.* Модернизация и постмодернизация// Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/ Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 261— 291.
- Интервью Д. Назарбаевой* журналу «Правила игры». 2006// http://www.apn.kz/?chapter_name=advert&data_id=358&do=view_single, 2006.
- Кланы в государствах Центральной Азии: традиции и современность//* Центральная Азия: политика и экономика. 2000. № 2. С. 6—9.
- Корель Л. В.* Социология адаптаций: вопросы теории, методологии, методики. Новосибирск: Наука, СИФ РАН, 2005.
- Косиченко А. Г.* Влияние глобализации на культуру и ценности человека. 29.12.2001// www.kisi.kz/site.html?id=743
- Мнения по поводу модернизации казахского стандарта.* 2007// [http://www.dialog.kz/?lan=ru, 23.07.2007](http://www.dialog.kz/?lan=ru,23.07.2007)
- Модернизационные процессы в Казахстане.* 2006// Дискуссионный клуб «Политон». <http://www.club.kz/index.php?lang=ru&mod=discuss&submod=large&article=215>. 26.10.2006.
- Назарбаев Н. А.* 10 лет, равные столетию. Выступление Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева на торжественном собрании, посвященном 10-летию независимости Республики Казахстан. Астана: Атамұра, 2001.
- Назарбаев Н. А.* К конкурентоспособному Казахстану, конкурентоспособной экономике, конкурентоспособной нации. Послание Президента Республики Народу Казахстана. Астана, 2004// <http://missions.itu.int/~kazaks/rus/info/info09.htm>. <http://missions.itu.int/~kazaks/rus/info/info/09.htm>. 10.05.2006.
- Нечипоренко О. В., Нысанбаев А. Н.* Россия и Казахстан в XXI веке: опыт модернизационных реформ/ Под ред. В. С. Шмакова. Новосибирск: Nonпарель, 2005.
- Нысанбаев А. Н.* 15 лет независимости Казахстана: становление нового общественного сознания. Алматы: Институт философии и политологии МОН РК, 2006.
- Нысанбаев А. Н.* Цивилизационные традиции и менталитет казахского народа// Казахская цивилизация. 2005. № 2. С. 8—13.
- Пархоменко М.* «Болашақ» путь устремленных// Казахстанская правда. 2006. 7 февр.
- Радаев В. В.* Экономическая социология: учеб. пособие для вузов. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005.
- У нас сила власти всегда была выше силы закона.* Интервью с А. Байменовым. 2006. www.polit.ru/analytics/2006/09/20/korrupt_kazah.html
- Умбеталиева Т. Б.* Явление трибализма в Казахстане// Казахстан-Спектр. 2001. № 3. С. 35—46.
- Фукуяма Ф.* Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния// Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/ Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 126—168.
- Хантингтон С.* Предисловие. Культуры — это серьезно// Культура имеет значение. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 9—14.
- Харрисон Л.* Введение. В чем значение культуры?// Там же. С. 15—37.

Глава 10

- ВЦИОМ*: Число россиян, планирующих взять кредит, удвоилось. 2007// <http://top.rbc.ru/retail/17/08/2007/113642.shtml>
- Гегель Г.* Сочинения. Т. 4. М.: Соцэкгиз, 1959.
- Гроф К.* Жажда целостности: наркомания и духовный поиск. М.: АСТ, 2003.
- Гроф С., Ласло Э., Рассел П.* Революция сознания. Трансатлантический диалог. М.: АСТ, 2004.
- Джерид., Джерид.* Большой толковый социологический словарь, Т. 1, М.: АСТ, 1999.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 42. М.: Прогресс, 1975.
- Петросян Д.* Социальная справедливость в экономических отношениях// Вопросы экономики. 2007. № 2.
- Психология.* М.: Политиздат, 1990.
- Социология. Энциклопедия.* Минск: Книжный дом, 2003.
- Теория общества.* М.: КАНОН-пресс-Ц, 1999.
- Философский энциклопедический словарь.* М.: Сов. энциклопедия, 1983.
- Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия. М.: АСТ, 2001.
- Фромм Э.* Иметь или быть? М.: Прогресс, 1986.
- ХабермасЮ.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, СПб. отделение, 2000.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
- Эдингер Э.* Эго и архетип. М.: PENTAGRAPHIC, 2000.
- Ясперс К., БодрийарЖ.* Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2007.
- Mouzelis N.* Modernity: a non-European conceptualization// The British Journal of Sociology. 1999. N 1.
- Rifkin J.* The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era. New York: G. P. Putnam's Sons, 1996.